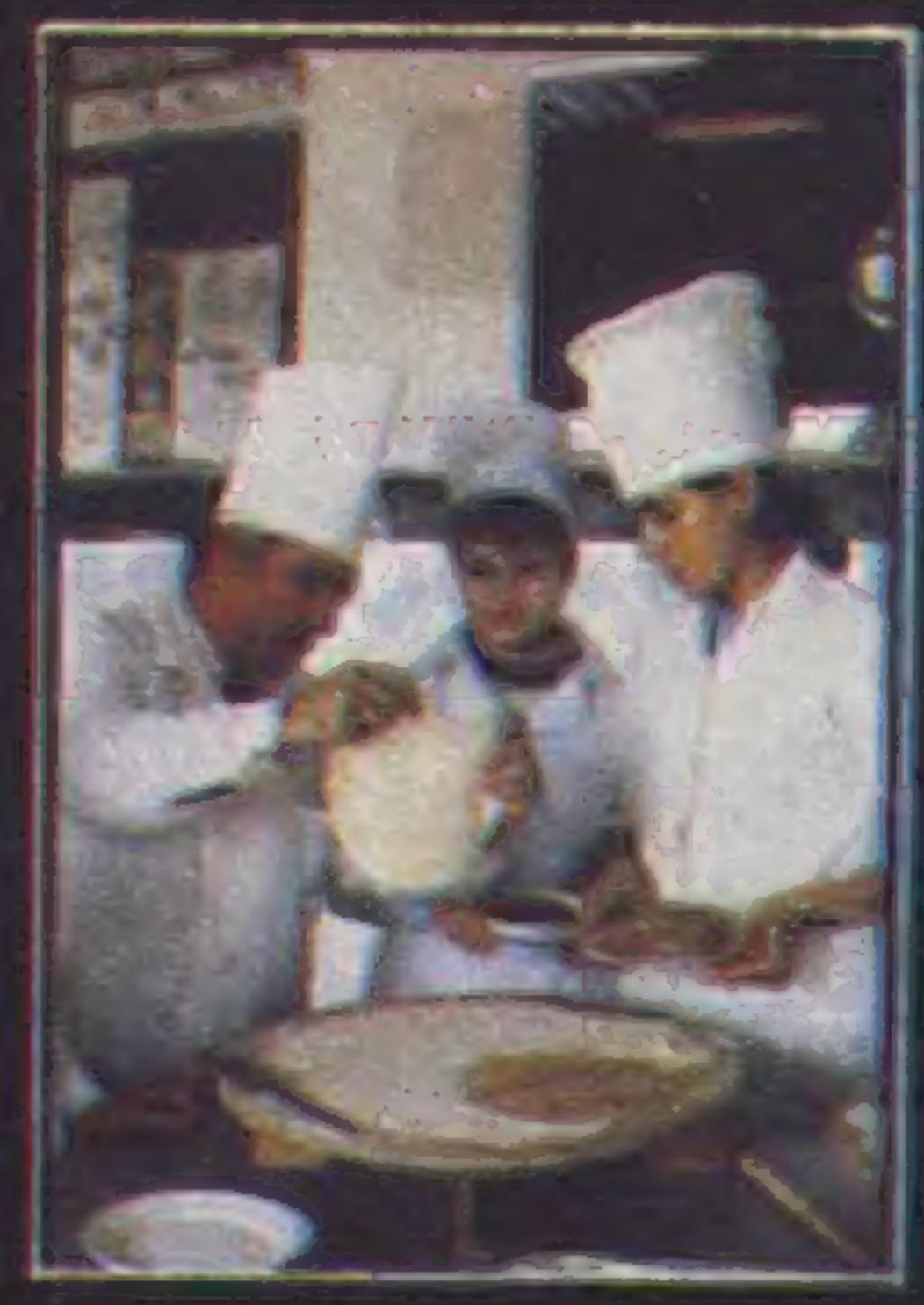

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 10 МАРТ 1987

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
«ПРОФТЕХ»

ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОСТИ: ИНЕРЦИЯ
ХОЗЯИН
«ЗОЛОТОГО МЯЧА»

С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ
ЖЕНЩИНЫ!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНЖЕНЕРЫ

Юрий КОБРИН

С

Колей Ярошко я познакомился на вильнюсском заводе «Эльфа», выпускавшем тогда популярные магнитофоны. Свел с ним наш общий друг Эдик Лавринович. Я был слесарем - ремонтником, они принадлежали к заводской «элите»: слесари-инструментальщики высокой квалификации, наладчики точной механики.

Однажды Николай сказал: «Хватит. Сами знаете — лирики в загоне, а физики в почете. Надо начинать готовиться в институт. Буду поступать в Московский физико-технический...» Мы выпустили на него глаза: в МФТИ принимают почти гениев!

К поступлению Николай готовился неистово. За семь месяцев осилил физику и математику в объеме двух курсов университета, а еще через год поступил в МФТИ. В то время ушел на армейскую службу Лавринович, а я, оставшись без товарищей, с «Эльфы» уволился и стал студентом филфака...

Краем уха слышал, что Ярошко женился и из-за этого МФТИ оставил. Через годы неожиданно встретился с Эдуардом, узнал: он работает начальником технического бюро.

— А как дела у Николая?

— Ярошко в гору идет. На заводе электроизмерительной техники, заместитель главного технолога...

Как-то в Вильнюсе проходил смотр-конкурс многотиражных газет, среди которых я увидел и «Импульс» — двухполоску завода электроизмерительной техники, единственного предприятия в стране, выпускающего бытовые счетчики. В коротенькой заметке прочитал, что группа слесарей во главе с инженером Н. Ярошко, встав на трудовую вахту, взяла обязательство и т. д. и т. п.

«Что за группа слесарей во главе?.. Николай же — заместитель главного технолога. За что его сняли?» Позвонил, договорились о встрече.

Говорил Ярошко неохотно. Потом сказал, что ушел с крупной инженерно-административной должности по собственному желанию. Вот так — по собственному. Но почему?

Вместо ответа он положил передо мной несколько исписанных листочков — то, что я называю про себя «Исповедью инженера». Вот она, эта исповедь.

«Инженером считаю себя и по призванию, и по складу характера, и по способу мышления. Ничто не приносит мне такого чувства удовлетворения, самоутверждения, как решение сложной технической проблемы. И чем сложнее она, тем с большим желанием ею занимаясь. После двух с половиной лет учебы в вузе пришел я на ВЗЭТ. В 1966 году стал инженером-технологом штамповочного цеха с окладом в 100 рублей. Слесарем, кстати, вдвое больше зарабатывал. Но это не смущало, потому что работать было интересно. Поступил на заочный в КПИ. На сессии выезжал изредка. По службе рос и так, а знаний, полученных во время учебы в МФТИ, мне до поры хватало. Выручал, конечно, и практический опыт. В шестьдесят девятом стал ведущим технологом, затем — конструктором I категории, руководителем группы перспективной технологии, начальником конструкторского бюро. В 1972 году назначили заместителем главного технолога завода, тут уж пришло

Карьера человека... Это не обидный ярлык, которым подчас незаслуженно клеймили людей деловых, ищущих, уверенных в возможностях своего творческого и административного роста. Это естественный процесс, который определяет жизнь и деятельность любого человека труда.

Так какой она должна быть, карьера! Как соотнести свои стремления и силы с запросами общества?

и институт заканчивать, потребовался диплом.

До этого назначения у меня был мой путь. Работал с азартом, увлечением, впитывал чужой опыт всем естеством, накапливая свой, чувствовал рост собственных творческих возможностей. Сейчас сознаю, что переход на должность пусть и технического, но администратора был ошибочным.

Большинство из четырнадцати лет, проведенных на руководящей должности, для меня потеряны как для инженера, а для завода потеряны те весьма нужные технические решения, которые я мог бы за эти годы осуществить. И хотя меня считали не-плохим работником, копились неудовлетворенность собой, раздражительность и обида.

Во мне жило постоянное ощущение, что занимаюсь бесполезной, не имеющей материального завершения работой. Как-то, подсчитав, на что уходит рабочее время главных технологических специалистов, я нервно поежился. 5—10% — участие в многочисленных совещаниях, планерках, техсоветах и т. д., которые носят чисто информативный характер. Естественно, что после таких мероприятий рождались протоколы, приказы, указания сделать то-то и то-то. На продумывание, как сделать или не сделать, уходило еще 5—10% трудового дня. Отчеты, ответы, отписки, предназначенные для контролирующих, ревизионных, планирующих органов, захлестывали безжалостным половодьем. На исходящих документах стояла подпись директора или главного инженера, но отписываться приходилось в основном мне.

Нужно побывать в моей шкуре, чтобы понять, до какой степени неважна ее Величество Бумага и ее неизменных попутчиков ПП (пол, потолок). Ведь если честно и добросовестно давать исчерпывающие ответы на некоторые входящие письма —

иногда необходимые! — то многим специалистам надо поработать недели, а то и месяцы. Зачем же мне их отрывать от выполнения неотложных служебных обязанностей? Пол, потолок и интуиция позволяли справляться с бумажным потоком самому, тем более что в большинстве случаев за-прашивавшие ответами удовлетворялись.

На это тратилось 25—30% времени. К тому же я уже знал, что мою «писанину» серьезно никто и не читает. Обилие подобных бумаг, по моему глубокому убеждению, разращает исполнителей и дискредитирует руководителей.

За горло брали и всевозможные плаины, исчисляемые многими десятками в год. На любую тему и по любому поводу. Не беда, что в 50 случаях из 100 они не выполнялись. Главное — есть чем отчитаться. Есть показатель деятельности, зафиксированный на бумаге. Как легко отчитываться и оправдываться руководителям! «По тому-то и тому-то нами разработан план мероприятий, который...» Более половины разработки таких планов поручались мне, значит, еще третья от времени, уходящего, как вода в песок.

Итак, непосредственно на инженерную работу оставалась у меня примерно пятая часть времени.

А уж реального времени для решения проблемных вопросов по новой технике, рационализации оставалось, что называется, с гулькин нос. А попросту говоря, ночи, субботы и воскресенья.

Конечно, такое процентное деление весьма условно и грубо. Однако в среднем цифры соответствуют действительности. Когда же мне действовать как технологу? Моя профессия превратилась в слово, входящее в название должности. А мне сорок семь лет, я еще и хочу, и могу не только генерировать идеи, но и практически воплощать их в жизнь.

Фото Альгимантаса Жижюниса

Возникшее в душе чувство обиды попытается проанализировать и изложить тезисно.

1. Большинство из моих товарищ — дети войны, перенесшие все послевоенные трудности. Тут и голод, и холод, и безотцовщина, и неистребимая уверенность в том, что завтра будет лучше, чем вчера и сегодня. На наших глазах и с нашим участием крепла страна.

До шестидесятых годов все, казалось, идет отлично. Перспективы за-вораживали.

2. Затем мы — «технари» — стали замечать признаки определенного спада в развитии производства. В конце 60-х это стало ясным. Ясным по признакам, но не по причинам. Я с интересом вникал и участвовал в дискуссиях по НТР, но потом понял: фактически мой родной завод научно-техническая революция обошла. Ведь под революцией понимается всеобщая ломка старого и рождение нового на всех ступенях общественного производства, а не только в космосе и оборонной промышленности.

Главное то, что мы упустили из виду перемещение роли технологии в самом широком ее понимании на первое место, ведущее и определяющее уровень технического прогресса.

3. Даже сейчас, когда начавшаяся перестройка дает нам больше самостоятельности, руководители отрасли не могут избавиться от волюнтаристского императива: даешь роботизацию! Да нет, я не против роботов. Но они нужны там, где нужны. И в свое время. Выдача директивных указаний сверху внедрить в таком-то году 100, 200 и т. д. единиц роботов без выяснения вопроса о том, где и сколько их действительно требуется, естественно, приводит к приписке. Тратятся средства ради отчета, робот внедряется ради робота. Там, где можно применить одного двуру�ого, ставят два одноруких! Показатели по роботизации растут... Любой манипулятор по перемещению заготовки или детали, установленный еще при царе Горюхе, называют модным словечком. А в конкретных условиях мне совершенно ясно, что внедрять 400 роботов в год — абсурд. Лучше поставить один толковый автомат. Роботизация заниматься необходимо, но грамотно.

Полтора года назад побывал я с ревизией на заводе электроприборов в Ереване. Там по отчету в 1984 году внедрено 150 роботов. А фактически обнаружил только три. Причем два робота практически бездействовали, а третий стоял с отрезанной автогеном рукой, чтобы не мешать работе людей около литейной машины!

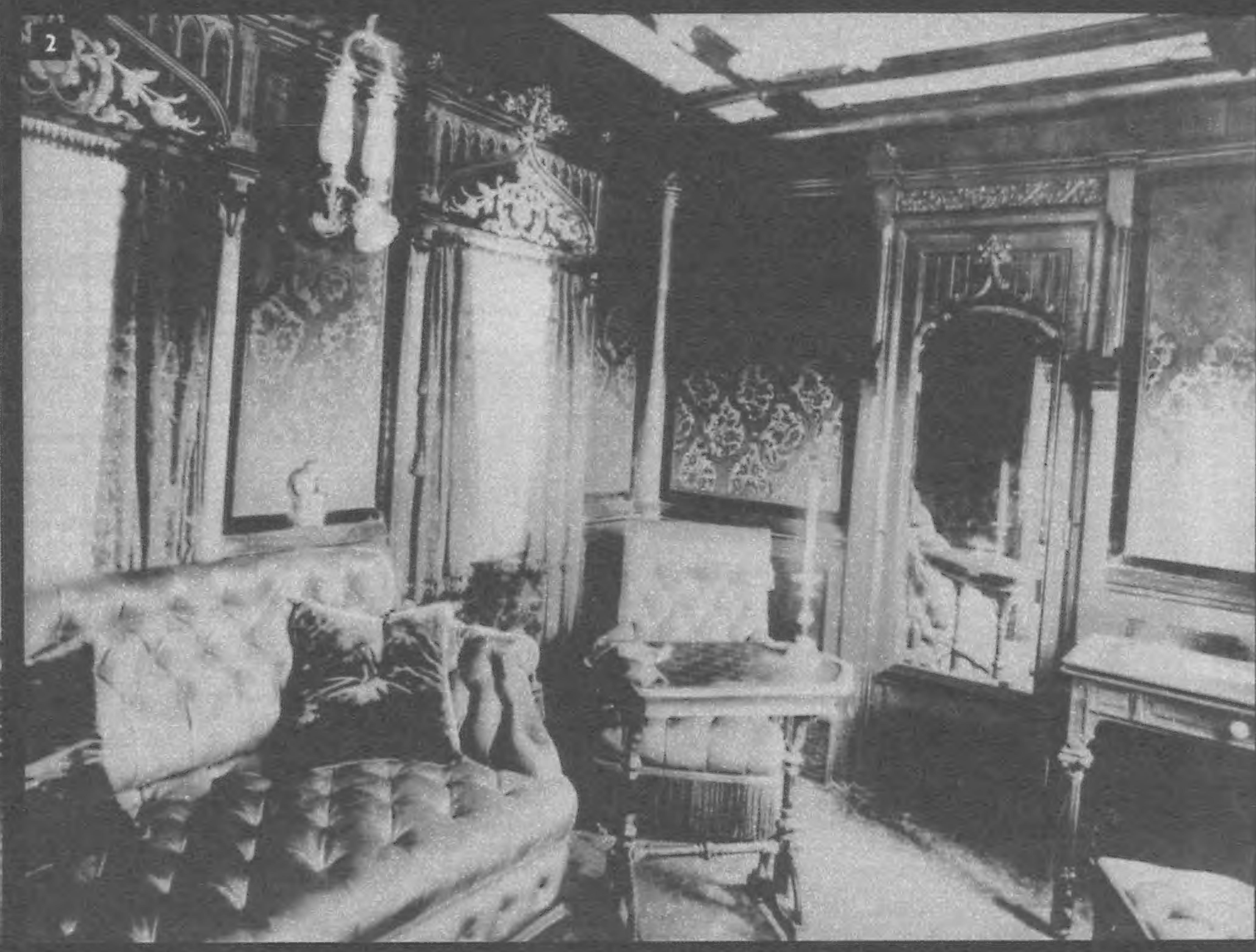
Вот и думаю: почему министр приказывает мне, технологу, внедрить на заводе столько-то роботов? Откуда берется загадочная цифра? Может быть, ее подсказали министру ученыe из отраслевых институтов? Но ведь их у нас на производстве не было. Почему же нет доверия к инженерам-производственникам и в их непосредственное дело вмешивается сам министр? Тут одно из двух: или инженеры не знают своего дела, или министр не знает своего. Разве не обидно?..

На этом записи обрываются. И я вновь решил поехать на завод, который, как уже знает читатель, единственный в стране выпускает бытовые однофазные электросчетчики. Годо-

Продолжение на стр. 4.

1917·1987

70 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД В РЕЗУЛЬТАТЕ
БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
25—27 ФЕВРАЛЯ (10—12 МАРТА
ПО НОВОМУ СТИЛЮ) НАРОДНЫЕ МАССЫ
РОССИИ СВЕРГЛИ САМОДЕРЖАНИЕ.

КРАХ САМОДЕРЖАВИЯ

Новый, 1917 год начался с грозных предзнаменований. Девятого января в Петрограде, в годовщину «кровавого воскресенья», под руководством столичного комитета большевиков началась политическая стачка, в которой приняли участие около трехсот тысяч рабочих. С того дня забастовки не застали вплоть до революции, нарастало брожение в деревне, в армии.

По призыву большевиков 23 февраля на фабриках и заводах прошли многолюдные собрания. С требованиями «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» рабочие вышли

на улицы. 25 февраля политическая стачка охватила весь Петроград.

Власти пытались подавить «беспорядки». Командующий войсками Петроградского военного округа С. Хабалов в длиннейшей телеграмме царю перечислил принятые для «подавления беспорядков» меры. В Могилев последовало и письмо из Царского Села царицы Александры Федоровны: «Это хулиганское движение. Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,— просто для того, чтобы создать возбуждение,— и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам». Руководст-

вуюясь такой информацией, Николай II вечером 25 февраля послал телеграмму Хабалову, призывая его «завтра же прекратить в столице беспорядки»...

26 февраля войска открыли огонь. Засевшие на крышах и чердаках полицейские расстреливали улицы из пулеметов. Но это только усилило народное движение. Политическая стачка по призыву большевиков перерастала в вооруженное восстание.

С утра 27 февраля рабочие и присоединившиеся к ним солдаты захватили арсенал, политическую тюрьму «Кресты», запылало здание окружного суда на Литейном проспекте, шел разгром полицейских участков, ох-

ранного отделения, начались аресты жандармов, полицейских, видных представителей царской бюрократии, деятелей черносотенных организаций...

На известия о начавшейся в Петрограде революции Николай II откликнулся тем, что вечером 26 февраля подписал указы о перерыве до апреля заседаний Государственной думы и Государственного совета.

Пока думские деятели пытались взвеси революцию в «законное русло», она разрасталась. В Таврическом дворце к вечеру 27 февраля уже заседал спешно избранный Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Составлявшие большинство меньшевики и эсеры отвергли предложение депутатов-большевиков объявить Совет «высшим органом государственной власти». В взволнении «К населению Петрограда и России» Совет заявил только о ликвидации старой власти.

Несмотря на панические телеграммы Хабалова и других должностных лиц, царь еще рассчитывал подавить революцию. «Надо надеяться,— говорил он окружающим его в Ставке лицам,— что это безобразие будет скоро прекращено». В очередном письме к Александре Федоровне царь высказал такое объяснение событий в столице: «беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал».

А где же был Совет министров? В последние дни существования самодержавия он регистрировал ничтожные проекты «высочайших указов»: об отпуске средств на выдачу суточных денег по содержанию служащих Переселенческого управления, об утверждении новых форм вознаграждения кормилицам Московского воспитательного дома и т. п.

25 февраля министры собирались на квартире князя Голицына на Конногвардейском бульваре. После долгого обсуждения они приняли решение «просить Государственную думу употребить свой престиж для успокоения толпы».

Вечернее заседание 27 февраля было последним в истории царского Совета министров. В февральские дни его политическое бытие оказалось настолько незаметным, что выходящая в то время буржуазная газета «Известия революционной недели» опубликовала небольшую вспоминающую заметку «Где правительство?». Большинство министров попрятались по квартирам и были арестованы 28 февраля и 1 марта.

В дни февральской революции царское правительство, по словам В. И. Ленина, отличалось «беспомощностью», «дикой растерянностью», «полной потерей головы».

2 марта Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила, а тот на следующий день «отказался воспринять престол», признав орган диктатуры буржуазии — Временное правительство. Оно просуществовало менее восьми месяцев, доказав за этот период полную неспособность к управлению страной. Спустя 238 дней после февральских событий в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Николай ЕРОШКИН

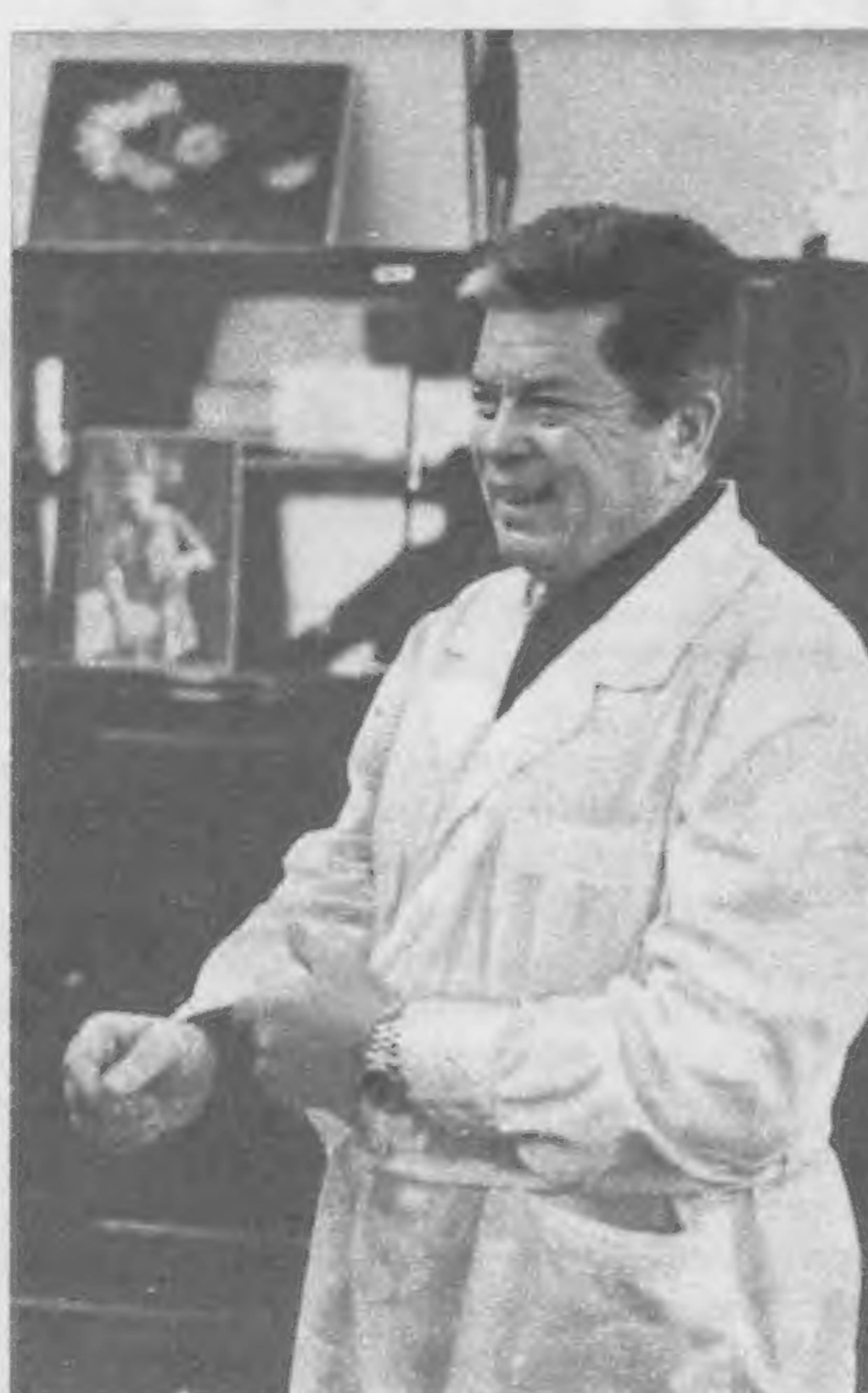

1. Пустой трон в Георгиевском зале Кремля.
2. Вагон-кабинет поезда, в котором Николай II подписал отречение от престола.
3. Баррикады на Литейном проспекте. Петроград. Фото Я. Буллы
4. Обстрел полицейской заставы.
5. Фасад сгоревшего Литовского замка, где помещалось Петроградское арестантское отделение. Фото Я. Буллы

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Высшей награды Академии наук СССР за 1986 год — медали имени М. В. Ломоносова за выдающиеся достижения в области естественных наук удостоен крупнейший советский офтальмолог, профессор Святослав Николаевич ФЕДОРОВ

Этому решению Президиума Академии наук СССР рады миллионы людей и особенно те тридцать с лишним тысяч человек только в нашей стране, которым успешные операции по его методу дали счастье видеть все краски мира.

Огоньковцы в числе первых рассказали о работах С. Н. Федорова, о сложностях, стоявших на пути ученого-новатора в его многолетней борьбе с чиновниками из верхних эшелонов Минздрава и с коллегами-оппонентами из тех, что изобретательны в искусстве ставить палки в колеса, но скудны на дело.

В Федорове счастливо сочетаются огромный талант ученого и недюжинные организаторские способности. Он создал «конвейерный» тип хирургии, увеличив в десять раз количество операций, проводимых одним хирургом, и повысил качество их проведения. Он инициатор идеи научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», вобравшего в себя одноимен-

ный московский институт, который возглавляет Святослав Николаевич, и 12 строящихся филиалов в крупнейших городах России.

Мы сердечно поздравляем члена редакции нашего журнала Святослава Николаевича Федорова с высокой наградой и заслуженным признанием его выдающихся достижений в неустанном служении людям.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНЖЕНЕРЫ

Начало на стр. 1.

вая программа — более трех миллионов штук, из них около полумиллиона идет на экспорт.

В ноябре 1985 года заместитель главного технолога Н. Ярошко пришел к директору предприятия Винцасу Бабилюсу и предложил деловую программу. Завод к концу пятилетки должен перейти на выпуск электросчетчиков только класса 2,0, то есть мирового стандарта. Причем изготавливаться должно их до пяти миллионов штук без увеличения числа занятых в производстве. Трудоемкость же счетчика класса 2,0 в три-четыре раза выше сходящих ныне с конвейера. Года три назад у Ярошко родилась идея конструкции нового типа детали, назовем ее стойкой для крепления основных узлов электросчетчика. Она является одним из решающих факторов качественной работы прибора.

Новая, менее материалоемкая деталь показалась сложной даже директору. Но Ярошко предложил создать и автоматическую оснастку, позволяющую резко сократить трудоемкость при выполнении операций.

— Так что же, Николай, ты хочешь? — В. Бабилюс испытующе поглядел на замолкшего подчиненного.

— Самостоятельности... И освобождения от должности заместителя главного технолога завода по собственному желанию.

Приказ о переводе Н. Ярошко на должность ведущего конструктора по перспективной технологии представлял такую свободу действий, о которой он прежде и мечтать не мог. В помощь придавалась группа из слесаря-инструментальщика, расточ-

ника и шлифовщика. Назначалась группа командиров производства, персонально ответственных за выполнение важных этапов работ. На бригаду Н. Ярошко, таким образом, работал весь завод. А он — для завода, не считаясь с трудовым законодательством. Труд творческих людей всегда ненормирован.

...В цехе у созданного штампа-автомата стояли конструктор Николай Ярошко и слесарь-инструментальщик Евгений Пыжевский — мозг и руки маленького коллектива. От идеи до ее воплощения в «живой» металле прошло всего шесть месяцев.

— Николай, а в чем все-таки преимущество станка?

— Он заменит труд двадцати восьми человек, выполняющих девятнадцать операций на десяти прессах. Стойка будет выскакивать за две операции, а справиться с заданием станут четверо. Но главное — качество. Я вот сейчас думаю над тем, как полностью автоматизировать изготовление и сборку большинства узлов и электросчетчиков в целом...

Сегодня, когда печать и телерадио ежедневно информируют нас о свершающейся перестройке, о таких, как Н. Ярошко, можно сказать: им перестраиваться не надо, с ними это произошло давно.

И потому на единственном в стране заводе электросчетчиков будут выпускаться лучшие приборы в мире. А вот Николай Ярошко ни главным технологом, ни директором уже не будет. У него свой путь. Он вернулся в инженеры.

Вильнюс.

ВЫДАЮЩИЕСЯ

Фото Геннадия ЖЕВАКИНА

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

ЗАМЕТКИ ДЕМОГРАФА

ВОЛНА ПОРОЖДАЕТ ВОЛНУ

Речь у нас пойдет о воспроизводстве населения СССР и молодой семьи, которая это воспроизводство определяет. В самое последнее время — в конце прошлого и начале этого года — были опубликованы статистические данные по демографии, часть которых, по неведомым причинам, долгие годы держалась за семью замками. И читатель смог узнать много нового и интересного. Так, привыкший к тому, что средняя продолжительность жизни у нас равняется семидесяти годам, он удивленно обнаруживал, что это было давно, а затем она упала до 68 лет и только в 1985—1986 годах поднялась до 69.

Впервые за многие годы были опубликованы данные о детской смертности, которые тоже не радовали.

Читатель узнавал, что разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин к концу семидесятих годов возрос до одиннадцати лет, составив соответственно 62 и 73 года...

Но главной — и уже радующей — новостью были демографические итоги 1986 года, когда, можно сказать, произошел демографический мини-взрыв.

Число родившихся на 1000 жителей составило 19,9 против 19,4 в предшествовавшем году, а число умерших снизилось соответственно с 10,6 до 9,7.

В совокупности это обеспечило прирост населения страны на 2,9 миллиона человек против 2,5 миллиона в 1985 году. Число родившихся оказалось самым большим в сравнении с любым послевоенным годом —

5,58 миллиона человек, — хотя и много меньшим, чем в предвоенные годы. Это очередной пик рождаемости, завершающий многолетний цикл демографического развития.

Что ждет нас дальше?

Чтобы реалистично представить будущее, нужно разобраться в прошлом.

Сейчас самое подходящее для этого время. Ибо, как сказал поэт, «с вершины горной видны человеку далекие просторы».

дна из главных и редко встречающихся в мире особенностей нашего населения — его волнообразное возрастное строение, то есть постоянное перемежение многолюдных и малолюдных поколений. Среди ныне живущих изначально были многолюдны поколения, родившиеся перед первой мировой войной, во второй половине 20-х годов, второй половине 30-х, 50-х годах и начале 60-х, в 80-е годы. Между ними — поколения сравнительно малолюдные. Демографические волны, как видим, возникли давно и порождены не только Великой Отечественной войной, как нередко полагают люди, далекие от демографии. Однако наибольшее демографическое значение имеют колебания численности тех, кто родился в послевоенное время.

Вплоть до 1960 года числа ежегодных рождений росли, затем — до 1969-го — снижались, с 1970 года увеличивались по 1983-й, 1986-й дал новый заметный прирост. Если взять по три экстремальных года, то среднегодовые числа рождений были такими: в 1958—1960-х — по 5,3 миллиона, в 1967—1969-м — по 4,1, в 1984—1986-м — по 5,4 миллиона.

В чем причины провала шестидесятых годов? Обычно на этот вопрос отвечают так: это «эхо» войны. В военные и первые послевоенные годы детей родилось мало. В шестидесятые годы это малолюдное поколение стало родителями. Мало родителей — мало и детей. Логично и просто. Но это кажущаяся и обманная простота. Если бы дело было только в этом, падение ежегодного числа рождений в шестидесятые годы было бы много меньше, чем случилось на самом деле.

Главной причиной демографического провала шестидесятых годов было падение рождаемости, то есть интенсивности рождений, уменьшение числа детей у средней женщины, в средней семье. Демографам это известно очень хорошо, и если бы я не опасался перегрузить текст цифрами, можно было бы привести исчерпывающую статистику. Если бы дело было только в относительной малочисленности родительского поколения, то по мере его выхода из возраста наивысшей рождаемости произошло бы восстановление прежних общих коэффициентов рождаемости или, по крайней мере, значительное приближение к ним. Этого, однако, не произошло. Если в 1960 году на 1000 человек населения родилось 25 детей, а в 1969-м — 17, то в 1986-м — всего 20.

Хотя последний гребень волны несколько выше предыдущего, за десять последних лет родилось столько же детей, как и за десять лет поколение назад — в 1951—1960 годах — по 50,9 миллиона человек. Это лучше всего говорит о примерно простом воспроизведении населения СССР. При сохранении такого режима населения страны скоро перестанет расти и сильно постареет.

Падение действительной рождаемости продолжалось до конца 70-х годов, когда население СССР в целом перестало воспроизводить себя, воспроизведение стало суженным, то есть количество рождающихся детей стало недостаточным для количественного замещения родительского поколения.

С точки зрения воспроизведения населения демографическая ситуация была наихудшей не в 60-е, а в семидесятые годы.

Но сказав, что главная причина бывшего демографического неблагополучия — в падении действительной рождаемости, мы еще ничего не объяснили. Главное — понять причины падения именно рождаемости, выяснить, почему родители не хотят или не могут иметь детей больше, чем имеют.

Но прежде одно важное пояснение. Те, кто не занимается демографией профессионально, обычно не различают прироста населения и его воспроизводства, ставят между ними знак равенства. Много раз слышал

я недоуменный вопрос: что волнует демографов, если население растет? И даже в «Демографическом энциклопедическом словаре», вышедшем в 1985 году, во многих статьях, написанных недемографами, эти понятия спутаны. А ведь это очень разные, хотя и взаимосвязанные вещи.

Прирост населения — это перевес числа рождений над числом смертей. А воспроизведение — это замещение поколений. Для того чтобы было простое воспроизведение населения, нужно, чтобы на смену каждой тысяче женщин материального поколения пришла тысяча их дочерей-заместительниц. А для прироста это совсем не обязательно. Ведь количественно родившиеся дети замещают отнюдь не родителей, а прародителей. Теперь средний возраст матери в момент рождения детей около 26 лет. При рождении внучки, следовательно, бабушке — 52 года, прабабушке — 78. Родившиеся дети количественно замещают преимущественно прабабушек и прадедушек. А их — по многим причинам — в населении сравнительно мало. В частности, потому, что, когда нынешние прабабушки сами были матерями, рождаемость была очень высокой, из-за чего доля поколения во всем населении быстро уменьшалась. В годы, высокая смертность в мирное время...

Большой естественный прирост населения может быть и при низкой рождаемости, если население молодо, то есть в его составе мало пожилых и старых людей. А воспроизведение населения при этом может и не быть, то есть на смену родительному поколению может приходить менее многолюдное поколение детей.

В настоящее время для Европейской части страны и Российской Федерации в целом характерно заметно суженное воспроизведение населения, а чуть расширенное по стране в целом обеспечивается республиками Средней Азии, Казахстаном и Азербайджаном.

Итак, почему же падает действительная рождаемость?

Наука и обыденное сознание отвечают на это по-разному. Мне пришлось прочитать много писем, авторам которых все ясно. Кроме одного — почему это не ясно демографам. Три главные причины: жилье, зарплата, детские учреждения. Вот была бы у меня квартира побольше — еще одног завела бы. Вот бы зарплата — и детей было бы больше. Было бы достаточно места в детских садах, да сами они были бы получше — и рожали бы куда больше.

Для Неспециалистов все это куда как убедительно. И тем не менее — ошибочно. По этой логике в Западной Европе, например, детей должно было бы быть куда больше, чем в Африке или Юго-Восточной Азии.

Вся и мировая и отечественная история говорит о том, что между уровнем жизни и рождаемостью существует сильная обратная зависимость, то есть чем выше уровень жизни, тем меньше у населения детей. Это знал и об этом писал, кстати, и К. Маркс, и не в какой-либо малоизвестной статье, а в «Капитале».

Возьмем разрез социальный. Больше всего детей у колхозников, меньше всего — у интеллигенции. А вслед за интеллигенцией идут квалифицированные рабочие, у которых самый высокий в сравнении с другими слоями уровень жизни.

Обратимся, наконец, к разрезу «поселенческому». Горожане далеко себя не воспроизводят, и демографически города живут за счет села. А в селе детей все еще много — на смену тысяче родителей приходит около полутора тысяч детей. Что же, деревня живет лучше города? И городская молодежь рвется в село, а не наоборот?

Нет, не все очевидное верно. Неизвестно вспомнишь спор пушкинских мудрецов: «Каждый день пред нами

Солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей».

Причины снижения рождаемости надо искать не там, где их ищет «здравый смысл».

«ПЛАЧУ ДОЛГИ,
ДАЮ ВЗАЙМЫ!»

Есть такая старая притча. Идет прохожий. Крестьянин веет на гумне рожь. Прохожий спрашивает: куда ты свой хлеб денешь? Крестьянин отвечал так: одну часть брошу на ветер, другую брошу в воду, третью съем сам, четвертой отдам долги, пятую дам в долг. Смысла этого так: брошу на ветер — заплачу налоги; брошу в воду — кормлю дочь, дочь вырастет — уплывет; отдаю долги — кормлю родителей; даю в долг — ращу сына, сын вырастет — отдаст долг, будет кормить меня.

Это совершенно правильное понимание экономических взаимоотношений поколений в семье. Да, дети были естественными кормильцами родителей на старости лет, единственной гарантированной сколько-нибудь обеспеченной старости. Судя по тому, что этот мотив постоянно повторяется в фольклоре многих и самых разных народов, эти отношения были хорошо осознаны народными массами. Семья была экономически заинтересована в детях.

А как теперь? Если говорить о народе в целом, а не об отдельных семьях, то экономические отношения поколений остаются прежними. Люди рабочего возраста содержат не только себя, но и стариков и детей. Однако в семье эти отношения сильно изменились. Заботу о пожилых и старых обществе в значительной мере взяло на себя. Основной источник существования престарелых — пенсия. Материально дети помогают родителям далеко не всегда. Более того, довольно-таки массовой стала материальная помощь пенсионеров своим великовозрастным детям и внукам. Материальная заинтересованность в детях-кормильцах уходит, исчезает, во многих случаях уже исчезла.

С другой стороны, затраты семьи на детей сильно выросли. Теперь дети остаются иждивенцами в среднем лет до двадцати, в то время как в преобладающей раньше крестьянской семье сын уже к десяти годам был ценным помощником, а годам к пятнадцати — полноценным работником, которого можно уже было женить и отдать.

Разумеется, я совсем не хочу сказать, что и раньше, и теперь потенциальные родители непременно прикладывали и прикладывают, насколько им экономически выгоден или невыгоден ребенок. Механизм мотивации мог быть совсем иным. Обычно люди равняются на других, поступают так, как в данной среде и в данное время принято. Многодетность раньше была престижна, детей, как правило, имели «сколько бог пошлет», бездетные и малодетные от своего положения страдали не только экономически, но и морально, духовно, нравственно. Где-нибудь в узбекском кишлаке малодетный отец и до сих пор фигура нескользко комическая.

Замечу, кстати, что высокая средняя рождаемость в течение долгих тысячелетий была единственной гарантией выживания народа, ибо чрезвычайно высокой была смертность. И если допустить теоретически, что в каком-то обществе возникла и возобладала установка на малодетность, то это общество даже при самых благоприятных внешних условиях (без голода, эпидемий, войн) было обречено на скорое исчезновение.

Ныне в структуре народонаселения страны горожане весьма значительно преобладают над селянами. Какие установки господствуют в больших городах? Что одобряется и морально поощряется? Преобладают установки

на одно- и двухдетность. Не доводилось ли вам, читатель, слышать что-нибудь вроде такого: «Мало ей, дуре, было двоих, третьего завела!»? Мне случалось. Так что экономические соображения для отказа от следующего ребенка совсем не обязательны.

Но ведь дети, могут мне справедливо сказать, удовлетворяют не только экономические потребности родителей. Кому хочется оставаться одиноким на старости лет, если даже у него и не будет экономических проблем!

Однако другие потребности человека не требуют, видимо, большого числа детей. Теперь и единственными детьми переживают, как правило, своих родителей, чего раньше очень часто не было. Не было из-за высокой смертности.

Резкое снижение смертности во всех возрастах, а особенно детской, достигнуто нашей страной в основном в два первых послевоенных десятилетия, устранило и этот фактор рождаемости. Напомню, что средняя продолжительность жизни в предвоенные годы составляла у нас всего 47 лет, а в середине 60-х годов — 70 лет. Замечу, что во всем мире снижение рождаемости идет следом за снижением смертности, причем с некоторым отставанием. Если рождаемость некоторое время остается сравнительно высокой, а смертность быстро снижается, происходит «демографический взрыв» — ускоренный прирост населения. Для мира в целом годами взрыва было послевоенное время.

Кроме двух названных фундаментальных причин, имеется, разумеется, и много других, нередко очень важных. Это и изменение положения женщины в семье и обществе, и чрезмерная трудовая занятость женщин, и повышение образования, и изменение систем ценностей — как результат всех изменений условий жизни... О некоторых из них мы скажем дальше, рассматривая жизнь семьи. Здесь же заметим лишь следующее. Для здравого смысла характерно такое представление: потенциальные родители желают иметь много детей, а объективные условия мешают этому. Для настоящего времени такой подход в принципе неверен.

Главное в том, что люди хотят иметь мало детей, многие хотят иметь только одного-единственного ребенка. То есть речь должна идти уже не об устранении препятствий, а об изменении демографических установок, что, разумеется, несравненно труднее.

Обратимся непосредственно к молодой семье, которая определяет состояние воспроизведения населения. Если сравнить ее с той семьей, которая была у нас всего несколько десятилетий назад, то нынешняя окажется конфликтной, непрочной и малодетной. О ее конфликтности и непрочности лучше всего говорят число и интенсивность разводов. По оценке ЦСУ СССР, в 1986 году в стране было зарегистрировано 943 тысячи разводов, или 346 разводов на каждую тысячу браков, заключенных в том же году. Напомню, что всего лишь в 1960 году один развод приходился на десять браков, а теперь — на три.

Жизнь молодой семьи во многом предопределется ее предысторией, знакомством будущих супругов и их предбрачными отношениями, а также подготовленностью будущих супругов к семейной жизни.

«МЛАДАЯ КРОВЬ ИГРАЕТ»

Несколько лет назад в миллионном уральском городе Перми было проведено уникальное исследование. Были учтены все случаи беременностей за год у тех рожавших ранее женщин и установлены исходы этих беременностей. На каждую тысячу беременностей пришлось:

- абортов — 272,
- рождений вне брака (матери-одиночки) — 140,
- рождений в первые месяцы брака — 271,
- рождение детей, зачатых после заключения брака, — 317.

Добавим, что у замужних абортов почти не было.

Результаты обследования говорят о новом, принципиально отличном от недавнего прошлого сексуальном поведении молодых женщин. Несколько десятилетий назад (особенно до войны) было общепринято, что в первый брак женщина вступает девушкой. Исключения, понятно, были. Но их было немного, и общественное мнение относилось к ним строго.

В Перми добрачная половая жизнь женщин стала правилом. Может быть, этот город сам какое-то исключение из правил? Нет, судя по всему комплексу демографических показателей, это самый типичный представитель больших городов. Подчеркиваю, только больших.

Совсем иное положение в селе. В Средней Азии и Закавказье ничего подобного пока быть не может: там сохраняется еще патриархальная семья с ее строгими порядками и правилами.

Вернемся, однако, к большим городам. Именно они все в большей степени определяют демографическую ситуацию в стране. Кроме того, меньшие города, рабочие поселки и село движутся в направлении к большому городу: и там сексуальное поведение, сексуальные нравы становятся либеральнее.

Какое влияние оказывает это на жизнь молодой семьи?

Самое разрушительное. И не только на молодую семью, но и на общую социально-демографическую ситуацию — и не только на нее.

Врачи (и не они одни) хорошо знают о большой опасности абортов при первых беременностях. Заметная часть прибегающих к ним на всю последующую жизнь остается бесплодной. АбORTЫ при первой беременности — заметный фактор снижения рождаемости.

К рождению вне брака надо подходить дифференцированно. Сознательное материнство зрелых женщин, у которых не сложилась «нормальная» семейная жизнь, надо всемерно приветствовать и поддерживать. Но таких среди матерей-одиночек — неизменное меньшинство. Многие матери-одиночки замуж не выйдут, семьи останутся «неполными», дети будут лишены отцовского воспитательного влияния.

Рождения в первые месяцы брака, «бреки, стимулированные беременностью невесты», как называют их в науке, «бреки вдогонку» — как зовут в народе. Это одна из главных причин семейных конфликтов и непрочности молодой семьи. Нередко молодой человек в таких случаях думает, что его «завлекли», «поймали». Искал одно, а получил совсем иное. Стремился к удовольствиям, а не к семейным обязанностям.

Но сексуальное поведение молодежи — лишь одна сторона вопроса. Другая — «поведение» Министерства здравоохранения СССР.

Приведенные здесь данные говорят, среди прочего, о безобразном положении со средствами предохранения от беременности.

Во всем цивилизованном мире нежеланной беременности, как правило, не допускают, у нас же от нее главным образом избавляются посредством аборта. Из данных по Перми видно, что большинство первых беременностей было нежеланным. Любой советский демограф подпишется под следующими словами одного из крупнейших наших специалистов в этой области — А. Г. Волкова: «Семья должна располагать средствами для того, чтобы воздержаться от рождения ребенка или отложить рождение до тех пор, пока не будут созданы подходящие условия... Нельзя мириться с тем, что такой варварский метод, как аборты, остается до сих пор самым распространенным средством избавления от нежелательной беременности. Необходимо обеспечить население высокоеффективными средствами контрацепции, сделать их доступными каждой семье, научив ее действительному регулированию деторождения». Это, кстати, сильно повысило бы рождаемость. К несемейной молодежи снанное относится не меньше, чем к семье.

Распад молодых семей дает основное число полусирот, безотцовщины. Как сообщает ЦСУ СССР, «в результате разводов каждый год более 700 тысяч детей... остаются без одно-

го из родителей». На самом деле их еще больше. Дело в том, что статистика разводов у нас на самом деле — статистика получения справок о разводе, которые берутся в среднем много позднее развода в суде, а тем более фактического распада семьи, который часто происходит много раньше юридического. По одному социологическому обследованию получилось, что на каждые сто разводов приходится около 120 детей, которые практически все остаются с матерями. Поскольку в последнее время ежегодно регистрируется более 900 тысяч разводов, детей в распавшихся семьях должно быть около одного миллиона ста тысяч. Замечу еще, что две трети распавшихся семей существовали менее пяти лет, так что подавляющее большинство детей — малолетние. Добавим сюда детей матерей-одиночек, не сумевших вступить в брак позднее, а также детей вдов. Вдов у нас тоже немало, поскольку в возрастах от 20 до 50 лет мужчины умирают втрое чаще женщин. Женщины с детьми редко вступают в повторные браки. Кроме того, эти браки еще менее прочны, чем первые. Как сообщает ЦСУ СССР, «спустя 10 лет после развода или овдовения в новый брак вступают свыше 50 процентов мужчин и только 25 процентов женщин. Повторные браки расходятся в среднем на 75 процентов чаще, чем первые».

Таким образом, громадная доля наших детей живет в неполных семьях, не только без отцов, но и без отчиков, а «приятели» матерей — это, конечно, не воспитатели. Дети эти многое недополучают. Из таких семей много чаще, чем из полных, выходят правонарушители и вообще лица с «отклоняющимися поведением». Плохое воспитание «полусирот» — громадная социальная проблема, в значительной мере самовоспроизводящаяся, а потому долговременная.

Однако и полная семья далеко не всегда может хорошо воспитать своих детей и достаточно подготовить их к будущей семейной жизни. Причин этого много. В частности, мать и отец нередко придерживаются разных взглядов на семейную жизнь, особенно если вышли из разных социальных сред. Так, скажем, недавний деревенский житель, переселившийся в город и женившийся на коренной горожанке, обычно полагает, что домашний труд — дело сугубо женское, в то время как горожанка считает, что он должен делиться пополам.

«ТЕБЕ ПОЛОВИНА И МНЕ ПОЛОВИНА»

Сегодня распределение домашнего труда между супружами вызывает большие противоречия и конфликты.

В прошлом домашние дела целиком лежали на женщине, которая не работала, как правило, в общественном хозяйстве. Теперь же практически все молодые женщины работают или учатся с отрывом от производства, а многие совмещают работу с учебой. Даётся это нелегко. Однако подавляющее большинство домашних дел по-прежнему лежит на женских плечах.

Специальные обследования бюджетов времени показывают, что городские жены тратят на домашние дела в два с половиной — три раза больше времени, чем их мужья, и что у них остается крайне мало свободного времени. Молодые, образованные, квалифицированные, с широкими внедомашними интересами женщины не хотят и объективно не могут с этим мириться. Семья медленно, с трудом, натужно, однако идет к социальному равенству супружей. Женщины наступают, мужчины обороняются. Специальное анкетное обследование показало, что примерно пополам домашний труд между супружами распределяется в четверти городских семей — преимущественно в семьях квалифицированных рабочих и интеллигентов. Зато примерно у половины мужья помогают совсем (последних — 9 процентов).

Вот некоторые характерные ответы на вопрос: «Были ли у вас разногласия по поводу распределения домашних дел? Как вы их разрешили?»

— Разногласия были. Ради сохранения мира в семье пришлось отказаться от своих взглядов и все взять на себя (женщина).

— Еще какие? Развелись (мужчина 25 лет, образование высшее).

— Никак не разрешили. «Все так живут», — сказал мой бывший муж.

— Да, были. Сказал: брось институт, или я тебя брошу. Ушел. После этого, как я защищила диплом, вернулся. Я буквально заставляла его ухаживать за ребенком, ходить в детсад.

— Кое-какие разногласия были. Считаю, что это мелочи. Главное, чтобы жена хорошая, понятливая была. Ей можно иногда и уступить, помыть посуду самому (30 лет, образование высшее).

— Разногласия были. Разрешали их неофициальными разводами. На два-три месяца расходились. Но все осталось без изменений: домашний труд — полностью мое дело.

У многих даже молодых и высокообразованных мужчин сохраняется установка на бытовое неравенство супружей, традиционное представление о домашних делах как сугубо женских.

Думаю, однако, что путь к фактическому равенству супружей — единственно возможный для нашей семьи. Приниженное положение женщины в семье никак не может быть согласовано с ее высоким положением на работе и в обществе.

Напомню, что молодые женщины в среднем образованнее своих сверстников, что 60 процентов специалистов народного хозяйства — женщины и только 40 — мужчины, что женщины часто занимают более высокое служебное положение, чем их мужья, а бывает, что и зарабатывают больше. И уж совершенно несомненно, что шире круг их интересов и выше культурные запросы. Посмотрите на публику театров и концертных залов, художественных выставок и библиотек — везде ведь громадный женский перевес. А ведь свободного времени у женщин меньше. Зато они меньше сидят у телевизоров. Времени на чтение у них меньше, но качество чтения выше. Это показывают и специальные обследования (их чтение — журнально-книжное, а мужское — журнально-газетное), и простые наблюдения, например в московском метро. В руках женщин — книги, конспекты, журналы, мужчин — преимущественно газеты.

Возникла новая, единственная в мире ситуация — культурного отставания молодых мужчин от своих сверстниц. И это тоже одна из причин конфликтности и нестабильности молодой семьи. Мужские претензии на главенство в семье ничем не могут быть подкреплены. Это очень бывает обидно. А поскольку молодым супружам нередко недостает культуры общения, нет умения слаживать противоречия и конфликты, нередко возникает ситуация типа «нашла коса на камень».

Поскольку семьи не справляются с подготовкой своих детей к будущей семейной жизни, часть этой подготовки взяла на себя наконец школа. Введен учебный предмет «Этика и психология семейной жизни». Для подведения итогов времена еще не наступило. Многое, однако, настороживает. Нет специалистов, а ведь предмет сложен. Судя по изданным книгам, разговор со старшеклассниками ведется на уровне детского сада. Отсутствует самое интересное для молодежи, в частности методы и техника планирования семьи. Это одна из причин множества нежеланных беременностей, громадного числа абортов и появления нежеланных и несвоевременных детей. «Если бы директором был я», то восстановил бы в школе психологию, с упором, однако, не на теорию и научные категории, как это было в мои школьные годы, а на практику межличностного общения. Наконец, все воспитание школьников должно вестись в духе социального равенства полов, а не равноправия, что далеко не одно и то же. Все это помогло бы сделать семейную жизнь менее кон-

фликтной, молодую семью — более прочной. А это положительно сказались бы и на уровне рождаемости, и на воспитании следующего поколения.

«ГРЯДУЩИЕ ГОДЫ...

таятся во мгле», — сказано поэтом не только красиво, но и точно.

Мгла, однако, не так уж непроницаема. Известны не только грубо ошибочные демографические прогнозы (ним, к сожалению, относятся и некоторые прогнозы ЦСУ СССР и Главного вычислительного центра Госплана СССР), но и очень точные, как, например, прогноз академика С. Г. Струмилина на два десятилетия, до 1940 года.

Теперь уже курьезно выглядит давний прогноз экспертов ООН, по которому население СССР к концу нынешнего столетия должно было достичь численности 353 миллионов человек. Эта цифра не раз повторялась в нашей научной литературе 70-х годов.

После переписи населения 1970 года автор этой статьи тоже попытался прогнозировать численность населения страны на конец столетия. Получилось, что она не превысит 305 миллионов, а, скорее, будет меньше. Прошло уже более половины прогнозного срока; я и сейчас могу подтвердить под этой цифрой.

Каждый прогноз условен. «Если (будет то-то и то-то), то...» Предполагается, что не будет войны, что должна горожан будет такой-то и т. д. Но кое-что известно достаточно достоверно. Так, сейчас можно твердо сказать, что в ближайшее время нас ожидает сильное снижение ежегодных чисел рождений (если, конечно, не будет большого роста рождаемости). Почему? Да потому, что в тот возраст, в котором рожают, падающее большинство детей, войдет малолюдное поколение, рожденное во второй половине 60-х годов, а выйдет из этого возраста многогодичное поколение, рожденное во второй половине 50-х годов. Если рождаемость сохранится на нынешнем уровне, то уменьшение числа рождений будет примерно таким же, как в 60-е годы, что имело бы много неприятных последствий. Одной из главных целей активной демографической политики должна быть ликвидация демографических волн. Это требует, однако, очень большого роста рождаемости и может рассматриваться как цель-максимум этой политики. Цель-минимум — сохранение простого воспроизводства населения страны. Простое воспроизводство — это то красная черта, переход которой сверху вниз означает начало вымирания населения. Пока воспроизводство чуть-чуть расширенное. Чего можно — и при каких условиях — ожидать?

Одни тенденции направлены в сторону повышения показателей воспроизведения, другие — в сторону их снижения.

Так, положительно влияет увеличение в населении доли Средней Азии, Казахстана и Азербайджана, где рождаемость заметно выше средней. В обратном направлении действует повышение в населении доли больших городов, где рождаемость наиболее низка.

Имеются большие резервы снижения смертности. В последнее время мы начали возвращать утерянные позиции: средняя продолжительность жизни возросла до 69 лет. Но ведь во Франции и США она составляет уже 75 лет, а в Японии — даже 77. Так что реальные возможности здесь велики.

Для полного демографического благополучия страны нужна трехдетная в среднем семья. Третий ребенок — решающий. А это означает, что демографическая политика должна быть направлена на создание в стране таких условий, при которых трехдетная семья жила бы во всех отношениях не хуже однодетной: и по доходам, и по жилью, и по возможностям отдыха... До этого очень далеко.

Страна имеет все объективные условия для резкого улучшения демографической ситуации. Надо хорошо их использовать. Уроки недавнего прошлого должны быть хорошо усвоены, ситуация шестидесятых — семидесятых годов не должна повториться.

О дарящей элегантность косметике, о «третьем возрасте» и кое о чем вовсе не праздничном — репортаж, который мы посвящаем читательницам «Огонька».

К. БАРЫКИН, специальный корреспондент «Огонька»

АРОМАТ С ГАРАНТИЕЙ

Есть товары, перед которыми кошелек открывается [особенно в канун 8 Марта] сам собой. Это духи и косметика «Дзинтарса».

...Но вначале — небольшое вступление. Химики определили: в аромате кофе соединились почти двести оттенков. Клубника попроще, но тоже сорок компонентов. Значит, в пробирке можно получить клубничный дух? В одной заграничной лаборатории так и сделали — сблюдая пропорции, смешали все сорок компонентов. А потом долго вспоминали о чем-то пахнущем резиной...

С запахами надо быть поосторожнее. «Нэшнл джиографик» проанализировал проблему ароматов, начав публикацию Киплингом: «Запахи скорее, нежели звуки или образы, заставляют звать струны сердца». Ароматы — причалы памяти? Американский журнал уверяет, что запахи затрагивают самые глубины сознания, устанавливают модели поведения, делают жизнь приятной или отвратительной...

Мне бы тут и начать разговор о «Дзинтарсе», который давно избрал свои предпочтения и умеет распорядиться ароматным арсеналом; он послушен умелым и знающим людям. Но прежде я все же скажу о Госагропроме и начну с вопроса: какое отношение духи и кремы имеют к повышению надоев и к улучшению качества комбайнов? Прямо не имеют? И мне так представляется. И когда я позвонил по первому приглянувшемуся агропромовскому телефону и спросил о контактах с фирмой «Диор», меня строго поправили: «Не «Диор», а «Дир». И я еще раз убедился, что трактор Агропрома ближе и роднее, чем духи. Что естественно.

Но «Дзинтарс», как и все парфюмерное дело в стране, сейчас находится в руках агропромышленного комплекса. Досталось ему по наследству. От бывшего Министерства пищевой промышленности. Однако парфюмерное наследство — особое. И я никак не могу связать это звено в агропромовскую цепь. Вы поразмыслите над этим странным союзом. Я же ограничусь тем, что скажу: в потоке больших забот Агропрому не до малой химии. Они, парфюмерия и косметика, представляются с агропромовских высот некоей второстепенностью, занимающей последние строки плана. А снизу обычно и начинаются всякие уменьшения. Нужно что-то сэкономить, где-то сократить? А вот тут, снизу, где мелким шрифтом: «парфюмерия».

Косметика и парфюмерия ближе к химическому ведомству. Но наши химики не спешат с предложениями. Представляется, они ждут, когда знатоки Агропрома выяснят из парфюмеров все соки и все ароматы, и они уже не придут, а приплюзут, попросят: «Возьмите и се-бе. На любых условиях». Одно из подразделений «Союзбытхима» уже заряжено на «Дзинтарс», присматривается к нему, приценивается. Но

эта покупка им не по карману. Хотя понять я химиков могу: дела у них идут ни шатко ни валко, хорошей бытовой химии в достаточном количестве нет, отстает она от мирового уровня, им догонять и догонять. А тут — готовенькое, на хорошем ходу предприятие. Отложенное хозяйство; по некоторым позициям оно уже встало бровень с этим неуважимым для бытхимии мировым уровнем. А кое в чем и превзошло его. Лакомый кусочек. Сразу можно поправить и дела свои, и репутацию.

Но если такое случится, не миновать беды. Точнее, двух. Прежде всего пойдет под откос уникальность того же «Дзинтарса» — не смогут же они подтянуть до своего уровня весь «Союзбытхим», и придется им опускаться до нынешних границ бытовой химии, а уж эти границы...

По этому поводу вношу в Госплан неплановое — от имени 8 марта — предложение: подумать о переводе всесоюзного объединения «Союзпарфюмерпром» в Минхимпром, и если парфюмеры и косметологи согласятся, то можно присоединить к нему на правах филиала и «Союзбытхим». Может, чему-то научатся?

...Вижу, однако, затянулась деловая часть задуманного праздничного репортажа. Поэтому — шутка, услышанная мной в Риге. Там кто-то написал у входа в популярный кометический салон: «Не спешите знакомиться с девушками, выходящими из этих дверей. Одна из них может оказаться вашей бабушкой!»

Остается сказать, что салон этот пользуется косметикой «Дзинтарса», а о бабушках рижские парфюмеры заботятся с присущими им тактом и способностями. Тут создали крем для «третьего возраста». Это великолепный крем. В Москве я так и не нашел ни одного прилавка с ним: мгновенно раскупается. Не привожу название только потому, что тем разглашаю кокетливо-лукавую тайну очаровательных представительниц «третьего возраста». Я лишь скажу, что почти вся косметическая продукция «Дзинтарса» находится на рубеже, который гарантирует ей успех тем, кто ею пользуется!)

В косметике у «Дзинтарса» тот же стиль, что и в парфюмерии: элегантность. Рижане работают сейчас в напряженном режиме поиска. Проявляется это всюду: в дизайне флакона и надписи на баночке крема, в умелой и честной рекламе, в том внимании, которое оказывают рижской фирме парижские парфюмеры. Да, один из директоров фирмы «Кристиан Диор», Жак Дюкре, почтительно и искренне заверяет рижских парфюмеров, что высоко ценит «Дзинтарс», что «Кристиан Диор» хотела бы поддерживать контакты с этим предприятием. «Мы — пи-

шет г-н Дюкре, — готовы обсудить проект взаимного сотрудничества».

— Парфюмерный рынок мира ныне перенасыщен. Пробиться на него без основательной рекламы немыслимо, — объяснили мне специалисты. — А реклама — это траты.

Они нужны сейчас, чтобы завтра получить вдвое-втрой-впятеро больше. Это «в общем и целом» понимают, но пока вопрос согласования, увязывания, ставится, рассматривается (о русском языке!), решается, вентилируется... Между тем иностранный потребитель, не знающий достоинств рижской косметики и парфюмерии (а они делаются на широком и блестящем спектре натуральных веществ, а не искусственных, как на многих западных фабриках), и не догадывается, что есть крем «Соло», есть превосходящая многие известные в мире зубные пасты «Ремодент», есть очаровательные духи «Рижанка»; есть «Кристина», есть мужественный одеколон «Бриг»...

На «Дзинтарсе» разработали подпрограмму с шифром «01», заложили в нее разработку и производство перспективных, но пока не выпускаемых в нашей стране изделий. Я тайком заглянул в «Ноль один» и увидел там лосьон для волос — он весь основан на бабушкиных рецептах: тут и экстракти лекарственных трав, сок чеснока и лука, крапива, хмель. Создали серию «карточек»: «Канон», «Акцент», «Бис», «Удача», совсем немного «Мистики», лосьоны «Тайм» и набор «Дзинтарс-21». Небольшие флаконы, избранные ароматы...

Для того чтобы идти в ногу с модой, не обязательно громко топать. Для этого достаточно хорошо, творчески работать. Это доказали на «Дзинтарсе». И опровергли известное: «Нет веры вымыслам чудесным...» Если эти вымыслы — фантазия художников «Дзинтарса», его парфюмеров, косметологов, специалистов рекламы и руководителей предприятия, то таким фантазиям надо верить! Они украшают жизнь. И не только в праздники...

Р. С. Для сведения мужчин. «Интернэшнл геральд трибюн» сообщила о проведенном специалистами Пенсильванского университета психологическом эксперименте. «Женщины гораздо лучше различают запахи, нежели мужчины» — вывод ученых. Это я для того, чтобы мужчины не очень огорчались, когда при выборе духов испытывают трудности. Что не дано, то не дано.

Рига.

**УЧЕНИК ИЛЬИ ЕФИМОВИЧА РЕПИНА
ХУДОЖНИК В. С. ЩЕРБАКОВ
ПРОЖИЛ ИНТЕРЕСНУЮ,
ПОЛНУЮ ВДОХНОВЕНИЯ ЖИЗНЬ.
ПРОДОЛЖАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ,
ЕГО СЫН, Б. В. ЩЕРБАКОВ,
СОЗДАЛ БОЛЬШОЙ ЦИКЛ ПОЛОТЕН,
ПОСВЯЩЕННЫХ
ВЫДАЮЩИМСЯ ДЕЯТЕЛЯМ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПРЕДЛАГАЕМАЯ СТАТЬЯ
НАПИСАНА ДОЧЕРЬЮ Б. В. ЩЕРБАКОВА.**

ОТЕЦ И СЫН

Галина ЩЕРБАКОВА

История эта началась давно, в начале века. В 1900 году мой дед, Валентин Семенович Щербаков, приехал в Петербург для поступления в Академию художеств. Принят он был по существовавшему тогда правилу без экзаменов, так как до этого с отличием окончил в Казани, откуда был родом, художественную школу. Первым его учителем, еще в училище, был профессор Ю. И. Тиссен — поклонник классической гравюры, последователь Ф. И. Иордана, друга Н. В. Гоголя и А. А. Иванова. За внешней, нередко напускной сурвостью Тиссен хранил горячее сердце и преданную любовь к серьезному большому искусству. Эту любовь он сумел передать своим юным ученикам.

Может быть, с этого все и началось? И отношение к искусству как к делу святому, которому нужно посвятить всю жизнь, без побуждений корысти; и отношение к Академии художеств, где, по словам И. Е. Репина, «и стены учат»; и задача сохранения духовной культуры предшественников и вместе с тем создания искусства, отвечающего требованиям времени...

Вместе с Валентином Щербаковым из Казани приехали и его друзья — художники Н. И. Фешин, Л. Ф. Овсянников и П. С. Евстафьев. После двух лет обучения он получает право выбора профессора и поступает в мастерскую И. Е. Репина. Молодежь любила Репина, его мастерская была самой многочисленной. Ассистентом Репина был Д. Н. Кардовский, блестящий педагог, ученик П. П. Чистякова, этого своего рода Станиславского в живописи.

Молодежь в то время, конечно же, весьма увлекалась всевозможными модными тогда в Европе художественными течениями, но авторитет Репина был непрекаем. Будучи сам большим мастером, изучившим все тонкости ремесла и поднявшимся в своем творчестве до уровня шедевров мировой живописи, он не терпел дилетантизма и требовал от своих учеников высокого уровня профессиональных знаний. Заканчивал свое

обучение в Академии Валентин Щербаков в мастерской профессора Ф. А. Рубо, создателя знаменитой панорамы «Оборона Севастополя». В 1909 году за конкурсные работы «Башкирский дворик» и «На Волге» ему присваивают звание художника. Увлечение древнерусским искусством, свойственное части художественной интеллигенции тех лет, захватывает и молодого живописца, и он отправляется в путешествие по русским городам, сохранившим большое количество памятников станковой и монументальной живописи. Он работал в Ярославле, Ростове Великом, Свияжске, Пскове, Ферапонтовом монастыре. В глухих уголках художник находит старых «богомазов» — старообрядцев, изучает их технику, манеру письма. Едет на Балканы, в Сербию, где с увлечением копирует фрески XI—XV веков в Студенце, Калениче, Жиге и других местах. Многие из этих фресок не сохранились до нашего времени, и, таким образом, копии художника остались уникальными памятниками.

По возвращении на родину он знакомится с молодой учительницей литературы, только что окончившей Бестужевские курсы, которая становится его женой и верной спутницей на всю жизнь. Портрет К. П. Щербаковой написан в 1913 году, сразу после женитьбы. Он выполнен в технике темперы на картоне и несет в себе некоторые черты стилизации под древнерусское письмо. В то же время художник пишет большую станковую картину «Суламифь», явившуюся отражением поисков нового, своего стиля в искусстве. Картина имела большой успех и была отправлена в Италию на Венецианскую Биеннале в 1914 году. Но начинается мировая война. Художник вступает в ряды народного ополчения.

В 1916 году в семье Щербаковых рождается сын Борис, который станет впоследствии известным советским живописцем, народным художником СССР.

Сразу после революции Валентин Семенович из Петрограда переезжает с семьей в Казань, куда его пригласили главным художником театра оперы и драмы. Начинается интенсивная творческая работа. Щербаков не только создает эскизы, но и сам

пишет декорации. А рядом его еще только начинающий ходить сын играет с красками и кисточками и уже пробует что-то рисовать. Первые самостоятельные рисунки четырехлетнего малыша отец в шутку отдал на выставку футуристов, где они с радостью и энтузиазмом были приняты как произведения зрелого мастера этой школы. Сам же Валентин Семенович за три с небольшим года работы в Казани создал эскизы и декорации более чем к ста пятидесяти актам оперных и драматических спектаклей, среди которых «Борис Годунов» Мусоргского, «Русалка» Даргомыжского, «Плоды просвещения» Толстого, «На дне» Горького, «Двенадцатая ночь» Шекспира и многие другие. И в каждом эскизе художник старается выразить что-то наиболее характерное, отвечающее не только духу пьесы, но и времени, в котором разворачивается действие. Сохранилось совсем немного этих работ, но и по ним видно руку художника, обладавшего тонким вкусом и необычайным декоративно-колористическим даром.

В 1922 году семья возвращается в Петроград. Найти работу художнику в то время было необыкновенно тяжело. Щербаков устраивается на Государственный фарфоровый завод, расписывает огромные, включавшие более ста предметов, сервизы на сюжеты народных и пушкинских сказок. К сожалению, эти работы не сохранились, еще тогда, в двадцатые годы, все они продавались за рубеж. У нас в доме есть лишь одна чашка, расписанная на тему сказки Пушкина, поражающая почти ажурным изяществом и яркой декоративностью в стиле русских народных орнаментов.

...А маленький семилетний сын Борис не выпускает кисточку из рук и потихоньку разрисовывает небольшие тарелочки. Отец, видя уже тогда явные способности ребенка, всячески это поощряет и начинает всерьез заниматься художественным образованием сына.

В Петрограде постепенно возрождается художественная жизнь. Активизируется деятельность Общества имени Куинджи, объединившего художников реалистического направ-

ления, и Валентина Семеновича Щербакова выбирают его секретарем. Общество устраивает ежегодные выставки; каждую неделю, по пятницам, организуются вечера на Невском, где встречаются артисты, писатели, музыканты, художники, собирают концерты, литературные чтения. На одном из таких вечеров Щербаков знакомится с известным тогда «крестьянским поэтом» Н. А. Клюевым, другом и наставником Есенина. Он сразу привлекает к себе внимание художника, и они становятся большими друзьями. Щербаков пишет портрет поэта, сейчас это единственное его живописное изображение.

В 1930-е годы художник обращается к монументальной живописи, занимаясь реставрационными работами в Таврическом дворце, Адмиралтействе, здании Главного штаба, во дворцах Строганова, Шувалова... Одновременно он пишет эскизы новых росписей в Ленинграде, Москве, Киеве, Сочи и сам непосредственно участвует в их исполнении.

А сын уже заканчивает среднюю школу, не переставая рисовать. Ходит на этюды с большим другом своего отца, замечательным русским пейзажистом А. А. Рыловым, и совместная эта работа становится для юноши великолепной школой. В 1933 году он поступает во Всероссийскую Академию художеств в Ленинграде. Среди преподавателей Академии в то время были такие замечательные художники, как И. И. Бродский, Б. В. Иогансон...

Ко времени ее окончания, в 1939 году, Борис Щербаков становится уже вполне сложившимся мастером. Его дипломная работа «Редакция газеты «Правда». Год 1917» экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке в Москве. Начиналась самостоятельная творческая жизнь...

Но все планы рушит Великая Отечественная война. С первых же дней Борис Щербаков призван в ряды Красной Армии. Он становится командиром саперного взвода, принимает участие в подготовке обороны Москвы, а затем, в качестве военного художника, выезжает на передовую, в места наиболее яростных сражений, чтобы сразу же после боя запечат-

леть героев. Рисунки тех лет легли в основу большой картины «Групповой портрет Героев Советского Союза — воинов инженерных войск», написанной по заданию командования уже после войны.

Валентин Семенович Щербаков остается в блокадном Ленинграде. Ему уже больше шестидесяти, однако он продолжает работать. Ему поручают роспись маскировочных макетов для фасадов зданий. Возникает необходимость фиксации в кальках, рисунках и цветовых фрагментах росписи памятников архитектуры, имеющих наибольшую историческую ценность. Для этого он организовывает и обучает бригаду исполнителей. Работать приходится в лютый мороз, под бомбежками.

В начале 1943 года создается Художественное училище отделочных работ, живописное отделение которого возглавляет В. С. Щербаков, впоследствии оно влилось в Высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухиной, профессором которого он оставался почти до конца своих дней, руководя мастерской техники и технологии монументальной живописи. Среди его учеников были такие известные советские художники, как Ю. К. Королев и Б. А. Тальберг.

В. С. ЩЕРБАКОВ.
1880—1957.
ПОРТРЕТ
ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА
К. П. ЩЕРБАКОВОЙ.
1913.

ПЛОДЫ ЗЕМНЫЕ.
НАТЮРМОРТ.
1925.

После войны Валентин Семенович принимает активнейшее участие в восстановлении росписей Мариинского театра и Адмиралтейства по калькам, снятых им во время войны. Для станковой живописи практически не остается ни времени, ни сил. Лишь изредка пишет он небольшие натюрморты «для души». Творческая эстафета переходит к сыну...

После демобилизации Борис Щербаков остается жить в Москве и возвращается к своим довоенным замыслам. В 1946 году на Всесоюзной выставке появляется его картина «Петр I принимает послов в кузнице». Большое внимание он начинает уделять портрету.

Отец после смерти жены переезжает жить к сыну в Москву, где и умирает в 1957 году, в возрасте 77 лет. Борис Валентинович до сих пор вспоминает яркие суждения отца об искусстве, его живые впечатления о встречах с «титанами» русской живописи XIX века, те верные, глубоко профессиональные советы, которые давал ему Валентин Семенович. Беззаветное служение искусству, верность однажды избранным принципам завещал отец сыну.

Любовь к прошлому и настоящему родной земли, к ее литературе и истории рождает у художника идею создания «литературных памятников» в живописи. Так появляется самая значительная серия его пейзажей «По памятным литературным местам», в которую входят более трехсот работ. Около двадцати лет путешествовал он по стране: Михайловское и Ясная Поляна, Тарханы и Пятигорск, Спасское-Лутовиново и станица Вёшенская, места, воспетые Пушкиным, Толстым, Тургеневым, Лермонтовым,

Продолжение на вкладке 3

ПОЭТ
Н. А. КЛЮЕВ.
1930.

РУССКАЯ СКАЗКА.
ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ.
1920.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОДВИГУ

Галина
КУЛИКОВСКАЯ

Почитав очерк, я долго не могла прийти в себя, была просто потрясена всем случившимся с этой женщиной, такой сильной духом. А еще порой говорят, что в наше время негде подвиги совершать. Захотелось хотя бы словами выразить ей свое восхищение. Передайте, пожалуйста, ей мое письмо, — просит ветеран труда Л. С. СИТНИКОВА из Кургана. Будто эхо в торчит ей участница ленинградской блокады, в прошлом врач Н. М. БЕКЕТОВА: «Я даже, признаюсь, плакала... уважаю и ценю таких людей, как вы, — обращается она непосредственно к Вере Степановне, — с вами можно идти, как говорят, в разведку. На таких людях мир держится...» Долгожительница Одессы К. Д. БОГУШ спешит поделиться своими рецептами трав для лечения ноги. П. А. ХЛЕБНИКОВ из Киева предлагает применить для этих целей мазь наланхоз и тут же поясняет, как ее приготовить. К. М. СТРИЖАЧЕНКО из Ростовской области прислала пропспект бальнеологической водолечебницы колхоза «Россия», что в Краснодарском крае, где в числе других болезней лечат трофические язвы. «Я понимаю, что помочь от меня мизерная, но желаю, чтобы Вере Степановне, если она юю воспользуется, принесла пользу. Там хорошие минеральные воды, испытала это на себе. А ехать туда так...» Многие читатели настоячиво советуют Вере Степановне обратиться к ленинградскому доктору А. П. Войтенко.

Каждое письмо непременно заканчивается просьбой, обращенной к редакции: «Расскажите на страницах «Огонька» о здоровье В. С. Некрасовой. Улучшается ли?», «Доведите до конца решение жизненно важных для нее проблем, о которых говорится в очерке». А жительницы подмосковного города Одинцово ПЕТРУХИНА, САМОЙЛИН, ЗАВИДОВА, ЕВРЕЕВА, ЧЕРНЕЦКАЯ так и написали: «Хочется верить, что редакция поможет ей», — имея в виду и улучшение жилищных условий.

Письма шли со всех сторон, из разных городов, только не из Бугульмы. А я с таким нетерпением ждала весточки именно оттуда. И вот наконец в октябре она поступила. От нее, Веры Степановны.

«Большое вам спасибо за журнал и фотографии, которые принесла дочка в больницу. Делаю тут мне премочки из марганцовки. Немного язвы присыхают, но не знаю, когда заживут. Да и вообще заживут ли? У нас большая новость. После опубликования вашей статьи завод выделил в новом девятиэтажном доме двухкомнатную квартиру с горячей водой, на третьем этаже. 31,2 квадратного метра. Комнаты раздельные. Но мы еще не переселились, так как хочется кое-что доделать. Опять о нас позабылся Иван Александрович Неклюдов... Вы о нем писали, он заместитель главного инженера завода. Большое спасибо ему. Пришли наши рабочие, прибавили батарею, чтоб теплее было, побелили, покрасили, обклеили обоями, обои наши, муж купил. Еще сообщаю, что квартиру дают и нашей соседке по тому бараку на Битумной базе, где мы жили. Она передает вам большой привет и благодарность.

Я получила много писем от разных добрых людей, даже из Чернобыля. Сочувствуют моей беде, советуют, где и как лечить мои язвы. Низкий поклон им всем. Сама отвечать им не могу, правая рука скрючена. И это письмо вам за меня пишет больная, которая в моей палате. Спасибо всем...»

Почти в одно и то же время с письмом Веры Степановны пришло из Бугульмы еще одно, официальное, подписанное секретарем партийного

В. М. Гришкевич:
«Все будет хорошо,
Вера Степановна!»

га, с голени которой брали большой трансплантат для пересадки, у нее утолщена — следствие нарушенной здесь системы кровообращения. Вероятно, дальнейшая хирургия тут противопоказана. Ведем обследование, но одновременно, не теряя времени, начали и лечение. Какое? Увидите сами...

В палату медсестра нас не пустила:

— Через десять минут. Все еще спят.

— Может быть, наша Вера Степановна уже не спит? — не терпелось нам. — Не может ли она выйти сама?

— Не может. Больная в мешке.

— Как это в мешке? — ужаснулись мы, представив себе некое серохолщовое вместилище до самого подбородка.

Тут наша строгая собеседница не выдержала, рассмеялась и, посмотрев на часы, подтолкнула нас к двери:

— Идите, вторая кровать справа.

Конечно же, Вера Степановна вовсе не спала. Может быть, кто-то шепнул про нас, и тут уже было не до сна. Она даже не лежала — сидела на кровати в своем пестреньком бумажном, таком домашнем халате. А лицо ее, округлое, с гладко зачесанными и подобранными в пучок темными волосами, сияло, светилось улыбкой. Невольно протянула навстречу руки, но только всплеснула ими — что тут, мол, поделаешь? Ни встать, ни подняться не может. Правая ее нога была действительно в прозрачном, надутом мешке, напоминающем огромный рыбий пузырь. От него к шкафчику, похожему на домашний холодильник, что стоял возле кровати, тянулась трубка.

— АТУ, аэротерапевтическая установка, — пояснил подошедший Гришкевич. — Вырабатывает стерильный воздух определенной, нами заданной температуры, давления и влажности. Такой воздух для ее ног сейчас самое лучшее лекарство.

Гришкевич стянул мешок, стал осторожно ощупывать голень.

— Я на эту установку возлагаю большие надежды. Полагаю, что удастся с ее помощью избежать тут операции. Она у нас, — кивнул он на Вера Степановну, — еще плясать сможет! Забыли, как это делается? Ничего, вспомните, как заживает.

Позже он скажет нам:

— Гораздо больше меня беспокоит ее правая рука.

Та самая рука, которой Некрасова перекрывала на кислородной станции вентили, не обращая внимания на то, что горело на ней уже все; возвращаясь к рампе, сбрасывала рычаг на коллекторе, преграждая тем самым путь кислорода на другие объекты завода. Эта рука пострадала больше всего. После операций на лонте совершенно не осталось мышц, сустав в жестких рубцах, не позволяющих руке согнуться. В тянувших, ноющих рубцах.

— Сгибание только на пять градусов, — констатирует Виктор Максимович. — Вот тут-то мы и будем делать операцию. Очень сложную. Нарастим кожу, подкожную клетчатку и затем будем восстанавливать движение в суставе.

— И рука станет работоспособной, как прежде? Вера Степановна об этом даже и не мечтала.

— Был у нас один председатель колхоза. Участник Великой Отечественной. В язвах, на костилях с той лихой поры. Не сгибалась у него суставы. Нам удалось восстановить их движение. По-прежнему работает председателем. Письма присыпает. Доволен. Костили и палки выбросил. И у вас, — обратился к Вере Степановне, — все будет хорошо.

На этом и закончим пока послесловие к подвигу В. С. Некрасовой.

Инерция

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Ничему жить без вопросов можно

При счастливом

стечении обстоятельств:

1. Ничего не делать; 2. ни о чем не думать.
Ситуация возможная, но не частая.

Александр ЩЕРБАКОВ

ознательно пытаюсь поместить себя в центр кошмарного сна. Вся мощь машин громадного, тяжеловесного корабля работает на задний ход — а он все прет и прет носом, носом. И вдруг ясно, что он уже не остановится, не отвернет. И не разминутся с многоэтажным, иллюминированным домом, полным веселых людей, надвигающимся под углом. А удар еще нескоро: может, через тридцать, может, через сто секунд. И их надо как-то прожить, ощущая себя во власти непреодолимой — уже! — силы! В таких вот местах природа, оберегая нас, может быть, от инфаркта во сне, прерывает кошмар, и пробуждение, пусть в холодном поту, пусть еще в последних отзывах и образах ужаса, — несказанная благодать, спасение.

Но для В. Ткаченко, капитана «Петра Валеева», это был не сон.

После трагедий Чернобыля и «Адмирала Нахимова» зазвучал, повторяясь в разговорах, впечатываясь куда-то в подсознание, вопрос: где в следующий раз? Масштабность бедствий, государственная, а то и планетарная их значимость подталкивали неравнодушные головы к осознанию (гипотезе? догадке?): нет, это не случайности, не игра роковых совпадений.

В 160 километрах от Куйбышева, на Саратовском водохранилище, ранним утром буксир «ОТА-891», толкавший перед собой баржу, столкнулся с теплоходом «Сергей Кучкин». «К счастью, в этот ранний час, — писала о происшествии «Комсомольская правда», — на носу никого из 303 пассажиров не оказалось. Обошлось без жертв».

А в красивом подмосковном городке двенадцатилетний Саша Логвинов, покупая в магазине № 5 три литра молока и сырка за 25 копеек, чуть не забыл заплатить за последний. И это вызвало столкновение, по-моему, самое катастрофическое из всех упомянутых. Столкновение мальчика, по общему мнению, очень честного и порядочного, с полудюжины взрослых. Взрослые в отношениях с ребенком проявили корректность и гуманность — они убеждены в этом. Результат столкновения: мальчик покончил с собой.

«Товарищи дорогие, да что ж это с нами происходит?» — пишет очеркристка «Комсомолки», рассказавшая о гибели Саши Логинова. И этот Шукшинский вопрос мы все чаще задаем друг другу. Он созрел в общественном сознании, и нет необходимости его обосновывать, поэтому и не хочу больше выбирать экстраординарные случаи из лежащей передо мной стопки газет.

Однако же, думаю, будет неправильно, если получится, что вопрос этот касается только чего-то из ряда вон выходящего. Нетрудно увидеть, что он приложен к нашей повседневности и относится ко многим из нас. Ну, к примеру, к тем, кто делает телевизоры, куда как привычные, повседневные «ящики». Эти «ящики», не секрет, ныне возведены в ранг потенциальных источников стихийного бедствия. Как маленькие вулканы. Когда и где случится извержение, никто не знает. Но случится обязательно — статистика тому порукой. В одном Ленинграде за год случилось 406 «телепожаров», за этот же год одно

только производственное объединение имени Коцкого выплатило владельцам самовоспламенившихся телевизоров 210 тысяч рублей.

Почему и Чернобыль, и «Адмирал Нахимов», и Саша Логвинов — именно сейчас? Сейчас, когда проявляется такое большое, очевидное желание, а главное, и воля повернуть все к лучшему? И этот вопрос тоже, как говорится, висит в воздухе.

Не раз доводилось слышать на него такой ответ: да все просто — раньше мы и не узнали бы ничего ни про «Нахимов», ни про Чернобыль.

Ну, про «Нахимов» — куда ни шло. Однако Чернобыль... А впрочем, было же: как долго не хотели нас расстраивать фактом землетрясения в Ташкенте...

И все же, думается, это часть ответа. Другая таится в законе диалектики о переходе количества в качество. Инерция зла не меньше, а может быть, и больше, чем инерция добра. Корабль громаден, и даже всей мощью имеющейся энергии его движение вмиг не изменить.

Но вот что хочется сказать. Нас не должна обескураживать неизбежность инерции. Инерция добра все-таки, наверное, не меньше, чем инерция зла. Она — инерция добра — набирается. И будет тем больше, чем больше будет нас, вложивших себя в нее.

Всякий причастный к обязанностям жизнеобеспечения семьи знает: однажды бывают разные. Злые и равнодушные, взянченные и мрачные, сильные единство и разрываемые противоречиями. А я стоял в очереди... благодушной. Картошки было на валом, на всех с лихвой. И какая картошка — крупной, чистой, красивой, рассыпчатой, одним словом, «немагазинной». Навез такого счастья к Бутырскому рынку Орловский облпотребсоюз, выражаясь словами журналистов-международников, «в рамках» знаменитых уже московских овощных ярмарок.

Эти осенние ярмарки 1986 года должны по справедливости войти в историю. Хотя бы в историю агропрома. Произошло немалое. В глазах миллионов москвичей наконец «что-то сдвинулось на самом деле». Да еще плюс вернули нескольким улицам их милые, русские, исконные имена... Помимо всего прочего, это благословлено ослабило уже болезненную душевную напряженность у сограждан, мужественно противостоявших небрежным мефистофельским атакам пессимистов: «Ничего нигде не изменится, как все было, так и будет».

Пусть упрекнут меня за глубокую философию на мелком месте, но, бродя по этим еще не очень умелым, так сказать, любительским в смысле организации торжищам, видя помягчевшие, какие-то оттаявшие лица горожан, я вспоминал слова Маркса о том, что в какие-то моменты каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ.

Итак, очередь была благодушной. (И не только от обилия картошки, но и капусты, и лука, и баклажанов; и горячие бублики продавали; и парни из престижного ресторана «Узбекистан» в псевдосреднеазиатских робах на глазах у по-

истине изумленной публики жарили шашлыки; и Алла Борисовна Пугачева со своим седьмым папомщиком — естественно, в записи — оказалась к месту...) Благодушная очередь говорила про футбол. Про то, что наша сборная опять не подводила, и когда же наконец...

— Как им только не стыдно халтурить, — сказал бодрый, аккуратный старичок в кокетливо-голубенькой, как бы жокейской шапочке.

— Интересные дела, — вдруг повернулся к нему шоферского вида мужчина лет тридцати. — А как вы все работаете — и вам не стыдно? Чего же они-то должны вкалывать?

— А им больше платят, — ввернул какой-то неуверенный женский голос.

— Ну и что? — по-моему, не очень логично, но с вызовом — спросил тридцатилетний. И... разговор закончился.

Он так и сказал — не «мы», а «вы все», «Всех» вокруг было не так уж и мало. Мог бы кто-нибудь и обидеться. Но нет, не обиделся, во всяком случае, не проявил обиды.

Я понимаю, что картошечная очередь никак не может быть мерилом качества общественного труда. Но показателем, пусть косвенным, общественного настроения — может. Так вот, реакция очереди подтвердила мое наблюдение относительно всеобщности мнения: все кругом работают плохо. Это с готовностью утверждают и люди, которые сами работают хорошо. Многолетние привычные, каждодневные, продолжающиеся сообщения прессы, телевидения и радио о разнообразных успехах отдельных лиц и предприятий ни на йоту не колеблют этого, по-видимому, спрессованного до аксиоматической прочности коллектива вылепленного мировоззренческого настроения.

Я не решусь назвать этот феномен самокритикой. По той простой причине, что он сам по себе не способствует улучшению ничего на свете, особенно же когда речь идет о воспитании подрастающих поколений. Однако утешимся тем, что было бы во сто крат хуже, поддайся мы мощным и лукавым усилиям, с помощью которых еще недавно нагнетали искусственную атмосферу всеобщего благополучия при очевидном, пусть и не всеобщем, неблагополучии. Действие, направленное на опровержение очевидности, породило противодействие, отталкивание — обсуждаемый нами феномен признания в нашей жизни всеобщности халтуры. Очень, между прочим, российская реакция — максимализм в самообличении своих несовершенств...

Можно походить по улицам и спрашивать у своих некничивых соотечественников: почему, однако, столькие вокруг работают плохо? А можно не ходить и не спрашивать. Ибо ответ большинства известен заранее: потому что никому ничего не нужно. Ответ этот легко поставить под сомнение в каждом конкретном разговоре, установив, что все-таки кому-то что-то нужно. И тем не менее я склонен отнестись к нему серьезно — ведь иллюстрациями такого объяснения каждый день переполнены не только газетные страницы, но и наши с вами будни.

Отнестись серьезно — значит еще раз задать вопрос: почему?

Почему пусть хоть кому-то ничего не нужно? Первое, что мы обычно слышим: дело в экономике, в слабой материальной заинтересованности. Не будем это оспаривать. Но и не будем обсуждать здесь. На эту тему столько прочитано! А еще больше написано. И решений принято немало. А меж тем уже всплывают отдельные факты того, что и подрядные бригады... подхалтуривают. А почему бы и нет? Конечно, когда бригада, это сделать труднее (и, заметим в скобках, опаснее для общества), но все же не невозможно.

Да и при чем, скажите, тут экономика или материальная заинтересованность, когда капитан «Адмирала Нахимова» В. Марков уходит с капитанского мостика в виду приближающегося наперевес сухогруза? Надо ли быть капитаном, чтобы знать: такая ситуация чревата двумя возможностями — или разминуться, или столкнуться? Судя по описаниям катастрофы, капитан предпочел положиться в этом вопросе на теорию вероятностей.

Ну а Карпов, второй штурман теплохода «Сергей Кучкин», во время вахты которого произошло столкновение с буксиром? Тот... тоже ушел из рубки (по другой следственной версии — он спал прямо на вахте).

Под Белгородом ремонтники не поставили знак, предупреждающий машиниста, что следует снизить скорость. В Чернобыле на четвертом энергоблоке руководители и специалисты АЭС и сами не подготовились к эксперименту, связанному с исследованием режимов работы турбогенераторов, и не согласовали его с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать.

Подумаешь обо всем этом — и даже удивишься: как это и троллейбусы еще ездят, и свет в лампе горит? Ведь во всех перечисленных случаях есть беда, но нет преступника — в смысле преступной личности. Личность обыкновенна, привычна и до боли узнаваема. Ее отличительная черта — иррациональность: никому не дано знать, когда она со словами: «А пошли они все», — махнет рукой на что угодно. На встречное судно, на систему охлаждения, на картошку в поле, на неоднократных коров, на некормленых детей, на уличный люк, который не захотелось закрыть после работы, на жителей дома с выключенным отоплением...

«А пошли они все» — формула, замечательная своей отточенностью по существу и полной неопределенностью адреса. Кого, что послали дальше? Ну, во-первых, по видимости — свое дело. Во-вторых, людей, которые без этого дела оказываются в том или ином отношении брошенными на произвол судьбы, а то и на погибель. Может быть, «посылающие» имеют что-нибудь против этих людей? Да никогда в жизни! Да случись вдруг ситуация — они этим людям и кровь отдаут, и кожу! Ну, а без ситуации? Откуда это какое-то априорное отчуждение, эта злая энергия отталкивания?

«Преступно-халатное отношение»? Как вы, конечно, понимаете, это и не причина, и не объяснение. Это официально-правовой эквивалент формулы «А пошли они все», то есть результат, итог. Результат чего?..

Внимательно слушая и читая выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, нельзя не заметить, как часто фигурируют в них слова «совесть», «партийная совесть», «гражданская совесть». По существу, они каждый раз напоминают нам, что совесть у человека единица и неделима, и она или есть — и тогда одинаково проявляется во всех ипостасях личности, или ее нет — и тут уж все, как говорится, без гарантий...

Выступления, упомянутые выше, посвящены в основном вопросам экономическим, политическим, хозяйственным, социальным. И настойчивое обращение в таком контексте к сфере нравственной отображает факт: именно в ней общество все более склонно искать причины причин, корни корней. Прочитав последние сочинения писателей, которых литературные критики хором провозгласили совестью нашей, мы найдем в них подтверждение того, во что нас упорно и уже даже с некоторым утомлением тычет и тычет жизнь: атомные объекты, лесопилки и прочее возгорается по тем же причинам, по которым выбрасываются купленные на золото машины, а малыши обретаются в Доме ребенка при живых родителях, старики же — в Доме инвалидов при живых детях.

Ан нет, могут заметить нам. Виновники последних пожаров — нормальные семейные люди. Что ж, еще раз повторимся: никому не дано знать... И это очень осложняет картину. Осложняет настолько, что авторы некоторых упомянутых писательских сочинений не рисуют разбираться в ней, и поэтому в моих глазах похожи на врача, который, будучи вызванным к больно-

му, делает безошибочное заключение: «Он болен!» На подобные упреки уже стало привычным слышать знаменитое герценовское: мы не врачи, мы боль. Да, конечно. Но хотелось бы и почувствовать, что именно нездоро. В этом — назначение боли, без этого она в природе не имеет смысла, поскольку у природы нет садистских наклонностей.

Пожалуй, не проходит дня без очерка в какой-нибудь газете о том, как дети судятся с родителями, брат с братом, внуки с дедом... Из-за дележа квартир, машины, сада-огорода, книг, серебряных ложек... Для примера я возьму материал не самый броский, скромный по фактам и не претендующий на роль «гвоздя номера». В таком, по-моему, больше типичности, начиная даже с названия — «Дефицит совести».

Так вот, носитель этого самого дефицита некто Лев Юрьевич по всем правилам непримиримой тяжбы ведет войну за квадратные метры жилплощади со своей матерью. И не сомневается, что рано или поздно выведет-таки ее «на чистую воду». Для этого он возводит на нее и других родных напраслины, заваливает разные организации письмами, сутяжничает. Об этом стало известно на его работе. И что же? «Может, кто-то возмутился, что-то не подал руки, кто-то презрительно отвернулся? — пишет корреспондент. — Ничего подобного».

Дело, как говорится, получило огласку, и Зализничный район партии города Львова предписал партийной организации завода обсудить поведение Льва Юрьевича. Тот на собрании оончательно убедился: большинство ему сочувствует.

«Учитывая, что персональное дело обсуждалось по инициативе района партии, все-таки решили вынести Зеленину взыскание». И... тут же обратились в горисполком, поддерживая Льва Юрьевича в его тяжбе с матерью. «По настоянию района партии Л. Зеленин освобожден от должности заместителя директора завода. Но сдаваться он не намерен. Продолжает писать, обивать пороги разных учреждений. Все еще надеется, что выиграет дело против матери. Через суд...» (Интересующиеся подробностями могут найти их в «Правде» за 8 сентября 1986 года.)

Честь и хвала Зализничному районному (жале, в корреспонденции нет имен людей, определивших их позицию). Честь и хвала, несмотря на то (и за то!), что Зализничный район выступает в роли Дон Кихота — и по праведности дела, и по его безнадежности: Льва Юрьевича не перевоспитать. «А пошли они все», — решил он, и это уже формула всеобъемлющего отчуждения, коль скоро оно относится даже к родной матери. Отчуждение, построенного на запредельном эгоизме. Запредельном в том смысле, что эгоизм наносит ущерб не только окружающим, но уже и самому «эго». (Ну что Лев Юрьевич выиграл от того, что его лишили должности? На какую выгоду может рассчитывать капитан, оставляя вероятность столкновения? Что вообще за корысть бросить дело в состояния, чреватом лично для тебя крупными неприятностями?) Так, замкнувшись, круг мысли приводит нас уже сегодня к выводу, известному из классической литературы: психологическое, духовное отчуждение от интересов общества приводит к отчуждению от своего собственного жизненного интереса.

Но если по этому же кругу пройти в противоположном направлении, то ясно, что его начальная точка — ущербное осознание своего жизненного интереса как интереса замкнутого, отделенного от мира, от людей, интереса, следовательно, антигуманного.

Будем материалистами и вспомним прописи: поведение человека определяется в первую очередь средой. В какой среде формировался Лев Юрьевич, мы не знаем. Но о том, что окружает и направляет его сейчас, в газете сказано вполне достаточно. Теперь представим себе, что каждый, оказывающий моральную поддержку борцу со своей матерью, без сомнения, в свою очередь имеет поддержку своей жизненной позиции во внезаводской микросреде своего существования. Следовательно, число активно принимающих мироизменение Льва Юрьевича по крайней мере в несколько раз больше выразивших это на собрании. Мы слишком часто забываем про такую простую арифметику, когда в конце критических статей пишем, как бы извиняясь, об уникальности, нетипичности рассказанного и тем самым выводим из сферы внимания общественности среду, породившую эту «нетипичность», пересекая причинно-следственные связи происшедшего и, по существу, маскируя их.

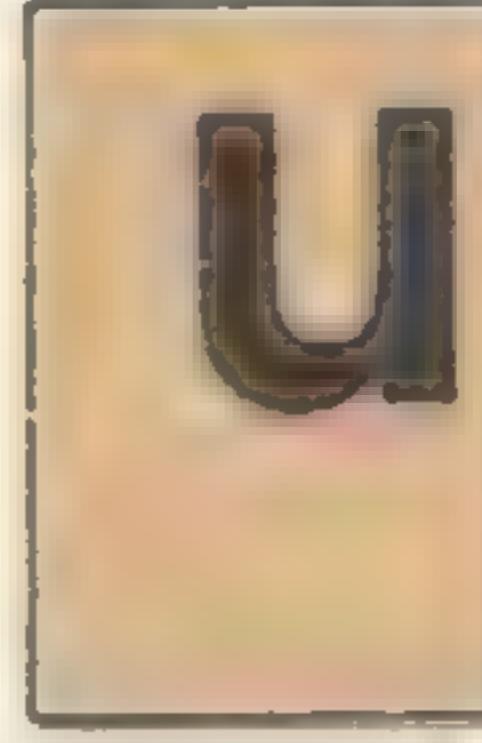
Если нас сегодня действительно беспокоит рост «преступно-халатного отношения» («А пошли вы все»), то необходимо доискиваться до причин психологического, духовного отчуждения, выявлять источники отрицательной энергии отталкивания, дабы подавить пока еще не побежденную инерцию зла.

Эстрадных конферансов и других представителей так называемого разговорного жанра редко отнесешь к разведчикам нового в общественной жизни. И если, вклинившись между вечным, как закон инерции, «пластическим этюдом» и лирическим шлягером «Танго послевоенное», мастер концертной шутки, развлекая аудиторию, состоящую из пропагандистов города Москвы, задается вопросом о квашеной капусте, это означает одно: вопрос этот вставал хотя бы раз в жизни не только перед каждым из пропагандистов огромной державы, но и перед всеми их слушателями, причем, возможно, не в одном поколении. Вопрос на засыпку: почему у рыночной бабуси капуста, а также творог вкусные — естественно, в сравнении с аналогичной едой из магазина?

Мастер, дабы не повторяться из концерта в концерт, может менять вопросы. Например: почему у прибалтийских кустарей, торгующих своей продукцией на рынке в Майори, получаются такие пригожие, модные, ловко сделанные вещи — опять же, конечно, если их сравнивать с товаром, выставленным в салоне «Юрмала», что в пяти минутах ходьбы от рынка?

Или: почему, если вы куда-то опаздываете, стоит поднять руку — и возле вас непременно притормозят «Жигули» в отличие от зеленоглазых «Волг» с шашечками, вечно спешащих, видимо, по каким-то своим, личным делам?

Уже в самой постановке этих вопросов содержится некое положительное отношение к так называемому «частнику» (термин очень неточный, но никакой другой мне неизвестен). В жизни он у разных людей вызывает гамму разнообразнейших чувств, от умиления его рачительностью до ненависти, сродни классовой (культурируемой, кстати, иными газетчиками), пристекающей от размеров цен и доходов. У меня, признаюсь, нет единого и твердого критерия в этом вопросе. Как частное лицо, потребитель, я вижу в «частнике» надежного партнера. Идешь в гости в выходной — уже много лет нет проблем с букетом цветов. Зовешь гостей сам — известно где найти не только вкусную капусту, но и вкусные огурцы, грибы, ароматное подсолнечное масло, рассыпчатую картошку.

 вот тут я невольно сдвигаюсь с позиции частного лица как несколько эгоистической. Не среднестатистические единицы, а мои друзья, родственники, члены моей, слава Богу, естественно разрастающейся семьи сплошь и рядом не могут себе позволить это баловство в виде вкусной капусты с ароматным маслом. Дорого.

А потому я беспринципно уйду от однозначной оценки «частника» и обращаю свой взор к тому, кто кормит нас в нашей обычной повседневности. К государственной торговле. Все знают, прожить с ней можно. Нужно только к ней приспособиться. Потому что всегда, по крайней мере в Москве, где-нибудь что-нибудь да есть. И это «что-нибудь» необходимо хватать — с расчетом на разумную перспективу. Это правило № 1. Нет необходимости перечислять прочие постулаты рутинной жизненной мудрости — кому ж они не известны?

Вот что обидно: много продукта при этом пропадает. Правильно, конечно, пишут в газетах и на плакатах: «Берегите хлеб!» Но, по-моему, надо беречь и мясо. Журналисты, освещавшие тему экономии, любят сообщать, как много видели они выброшенного в мусорные баки хлеба. А я, читая, сильно сомневаюсь: заглядывали ли они туда вообще? Потому что, заглянув, не могли, кроме хлеба, не увидеть и куски колбасы. А увидев, не могли не сообразить, что в мясе, пошедшем на колбасу, вложено общественного труда значительно больше, чем в хлеб, которым как раз и откармливали скот.

Вареная колбаса, к сожалению, в течение недели приходит в негодность даже в холодильнике. И если засохший хлеб можно и нужно (тут газеты трижды права) использовать, то протухшую колбасу — нельзя.

О нашей торговле — только тронь — можно говорить и говорить. О том, например, сколько добра она обрекает на гибель, создавая искусственные дефициты и летучие микрозпидемии паники; или впихивая нам подгнившую картошку, яблоки, лук под видом «стандартов»; или наваливая в так называемом «заказе» некий обязательный ассортимент, когда ради полубаночки югославской ветчины берутся 2 кг отличной, но не нужной в доме нашенской крупы («Берегите хлеб!») и т. д. и т. п.

Но это отдельная, хоть и сильно наболевшая тема. Наш же аспект — вот он: выбрасывая в мусорпровод замылившуюся колбасу, две трети содержимого пакета с картошкой, пустые банки и бутылки (а куда же их девать — балкон вот-вот рухнет), гражданин выбрасывает вместе с ними не только часть своей зарплаты, но и — пусть подсознательно, пусть пока еще незаметно для себя — часть своей гражданской ответственности и даже совести. Кто пробовал, тот знает, как трудно, стыдно выбрасывать первую пустую бутылку или банку; насколько легче — десятую; с сотой это проделывается естественно, даже на глазах у людей. Последнее свидетельствует, что случилось, по-видимому, неминуемое: в нас поселилось что-то от «А пошли они все» («халатно-преступное отношение»).

Так что же, обнаружен корень зла — госторговля? Нет, обнаружено в первую очередь другое:

наша пусть не всеобщая (как можно говорить обо всех враз?), но наверняка массовая причастность к ядовитому феномену наплевательства. Приобщение к нему вовсе не обязательно требует каких-то извращенных мозгов или явных изъянов в воспитании. «А пошли они все» может внедряться в нас, вовсе не подонков по личным установкам, невидимо, как радиация, вместе с восприятием каждодневных явлений и фактов, часто мелко-бытовых, окружающей среды, следившихся традиций, истории и т. д.

Хороший человек, бригадир комплексной строительной бригады, депутат горсовета, рассказывает в центральной газете о том, как он однажды случайно прочитал обязательства, за которые девятью месяцами раньше проголосовал на общем собрании вместе со всем коллективом управления. «Взялись два дня на сэкономленном материале отработать... Дело хорошее. Только дальше в обязательствах записано: сэкономить кирпича 10 тысяч штук. А такого количества не то что на два дня — на день работы не хватит. Ведь одной моей бригаде около восьми тысяч штук кирпича в день надо. А таких бригад, как моя, в нашем СМУ несколько... Что же мы все враз элементарную арифметику забыли? Ведь если бы хоть один человек принял — увидел бы, что цифры не сходятся, и если бы не возразил — вопрос хотя бы задал».

Единогласное принятие трудовым коллективом очевиднейшей нелепости — вовсе не апофеоз индифферентности. Ее венец — успешное выполнение иррациональных обязательств.

В чернобыльской многотиражной газете «Трибуна энергетика», эвакуированной вместе со многими жителями Припятя в село Полесское, в корреспонденции «На весах человечности» было рассказано, о том, как в магазине № 1 обсчитывают и обвещивают покупателям. Обычный, как говорится, «рутинный» газетный материал. Но вот в чем казус: критикуемые оказались молодые продавщицы, которые в Припяти совсем недавно проявили высокую сознательность и самоотверженность: во время начавшейся эвакуации они до конца не покидали рабочих мест, подвергая риску если не жизнь (а откуда им это было знать — может, и жизнь), то уж здоровье — точно.

Студент Университета дружбы народов Сергей Ромейков, проходивший практику в этой многотиражке, общался с этими продавщицами после выхода газеты и рассказывал мне позднее, что застал их в состоянии растерянности, недоумения и горя. Дело в том, что они вовсе не имели намерения как-нибудь чрезвычайно облегчить покупателей, а работали обыкновенно, общепринято, так, как только и умели в своей недолгой профессиональной жизни. И вдруг им сказали: такая работа (неправильная сдача, стрелка весов не возвращается на нулевую отметку), по существу, преступна. Сказали, как признают сами газетчики, только в связи с экстремальностью ситуации (эвакуация!).

Ну, ладно, эти молодые. А представьте себе, пройти почти всю свою стезю и в самом конце ее узнать — жил неправильно, поступал пакостно. Здесь возможны два исхода. Или душевная трагедия, ничем не уступающая терзаниям царя Бориса (я думаю об этом без малейшего намека на иронию). Или... инстинктивная защита — изощренное оправдание обсчетов, обвесов, недоглядов, обернувшихся (и необернувшихся) взрывами, столкновениями, жертвами... Последнее имеет отношение, хотим мы того или нет, к формированию норм общественной морали, во всяком случае, граждан этих норм. И вот уже целый коллектив почти единодушно «визирует»: «Вырываешь из рук родной матери ее добро? Нормально!» А это мерзость...

о, что в одном человеке может быть намешано много всякого разного, мы знаем и по своему опыту, и из искусства. И все-таки искусство приучило нас к мысли: во всяком характере есть доминанта, обобщенно говоря — нравственность или безнравственность. Жизнь, в частности история с припятскими продавщицами, расширяет границы и здесь: в нем могут существовать обе, казалось бы, взаимоисключающие доминанты. Вроде бы по логике абсурд: безнравственный человек (а каким еще может быть пусты и мелкий воришкой?) поступает в соответствии с нормами высокой нравственности. Или, если хотите, все наоборот: высоконравственная личность (что засвидетельствовано фактом, поступком), ничуть не насилая себя, совершает аморальность. Будь такое в пьесе, актерам не было бы никакой необходимости искать (кажется, по Станиславскому) в положительном герое какие-никакие человеческие слабости, а в негодяе — отдельные светловые черты. Герой — он же негодяй. Негодяй — прекрасный человек. Что это — мечта актера или разрушение искусства?.. А впрочем, не хочу об искусстве, не до него.

Братцы мои, да это не просто землетрясение в 10 баллов, это, считайте, планета сошла с орбиты. Шутка ли: по существу, новый «гомо сапиенс». Тут дай бог всем нашим светлым головам — академикам хоть немного что-то понять. А мы, журналисты, требуем этого от скромных, замороченных « треугольников », ругая их за хвалебные характеристики лицам, совершившим преступления.

За четверть с лишним века работы в журналистике я убедился, что выборные лица в общественных организациях, равно как и руководители

предприятий и учреждений, в большинстве своем не пещерные люди. И если они, отправляя бумагу не куда-нибудь, а в суд, зная, что человек преступил закон, тем не менее положительно характеризуют его, то давайте допустим, что они отдают себе отчет в том, что делают. Что они поступают по совести, что им ведома нравственная доминанта личности, что они не допускают ее симбиоза с безнравственностью, а потому могут расценивать случившееся только как нонсенс.

Что можно сказать о капитане, последним покидающим обреченное судно? Что он верен своему долгу — одна из высших людских доблестей. А что можно сказать о капитане, покидающем мостик в ситуации, чреватой катастрофой?..

Но ведь это один и тот же капитан! Вот загадка, разгадав которую, мы узнаем, как избавляться от «преступно-халатного отношения». Автору ответ неизвестен. Но он, как и многие сегодня, хотел бы внести свою лепту в его поиски.

Давайте посмотрим трезво. Отчуждение, отталкивание (от своего служебного, общественного, гражданского, а в итоге человеческого долга) чаще всего наблюдается (и фиксируется прессой) в ситуациях производственно-рабочих. То есть в тех, когда большинство из нас вступает посредством работы в свои главные отношения с государством — вспомним тут заодно и государственную торговлю.

Мы плохо служим государству — и в результате взрываются наши, но все же и государственные котлы. Мы дремлем на доверенных нам государством постах — и сталкиваемся наши, но опять же и государственные корабли.

Могут сказать: ишь куда хватил, будто бы «частники» никогда не сталкиваются. Сталкиваются, и еще как, особенно на «Жигулях». Только при этом всякий раз есть конкретная и, я бы сказал, примитивная причина без всяких мистических самовоспламеняющихся телевизоров, самонаводящихся друг на друга кораблей и прочих проявлений синдрома «преступно-халатного отношения». По моим наблюдениям, нередко у «частника» не хватает умения, квалификации, но никогда — старания, заинтересованности в деле.

Приходит ко мне домой умелец, чтобы сделать оконные форточки, которых почему-то не сделали на государственном предприятии стройиндустрии. Берется за дело — и видно, что форточки не его конек. Три стекла в процессе работы основательно треснули; не прошло и года, как я сподобился купить и заменить пострадавшие поверхности. Но зато умелец проявил какой-то, я бы сказал, неформальный интерес ко мне и моей семье и заметил, что в нашем быту для вящего комфорта не хватает одной маленькой табуреточки. И... в два счета изготовил удобный и милый предмет, заметьте, в качестве презента. Да так изготовил, что табуреточка эта и сейчас, по прошествии почти десяти лет, верно нам служит. Ура! Ура. Если бы не одно «но». И форточки, и табуреточку он нам делал в свое рабочее время, видимо, незаметно «клиня» с одной из близлежащих строек. Можете бросить в меня камень — я его обратно не прогнал.

И, если хотите знать, по свойственной многим из нас склонности из всего извлекать оптимизм я и в этой ситуации нахожу немало обнадеживающего. Да, человек, как говорится, презрел свою официальную работу. Не самый сознательный, что и говорить, человек. Но согласитесь, как же неправы обобщатели, которые, ссылаясь на многочисленность подобных случаев, помимо того, что «никому ничего не надо», утверждают еще, что «никто не хочет работать» и «никто уже не умеет работать». А оказывается, во-первых, что хочет, во-вторых, умеет, а в-третьих, самое главное — хранит радостное и нравственное понимание предназначенностей своего труда как служения пользе и удобству другого человека. Читаю в одной из сегодняшних газет: «...Общественное мнение, несклонное к преуменьшениям, вывело... такой закон: качественно — у «частника», недорого — у государства. Кому что доступнее». Ну-ну...

Я не с луны свалился и отдаю себе отчет, что несознательность леваков — стихия и как всякая стихия может быть зловредной. Но я сейчас не о том. Мне приходят на память слова руководителя Московской партийной организации Б. Н. Ельцина: «Пока не поднимем людей, пока не возбудим, не высвободим энергию, скованную бюрократизмом, обывательством, неверием, губительной силой привычки к иждивенчеству, до тех пор будем довольствоваться мелким улучшательством». И я разделяю заключенную в этой фразе уверенность в том, что существует эта энергия, назначение которой — придать нашему кораблю инерцию добра.

И первейшая задача сегодня — сделать все, чтобы эту энергию высвободить.

БОЛЕЕ, ЧЕМ СЛАВА И ПОКОЙ

В сегодняшнем номере «Огонька» печатаются стихи поэтесс трех поколений. Первая публикация стихов М. И. Алигер состоялась в нашем журнале в 1933 году. А через два года она напишет пророческие строки:

Мы родились в пятнадцатом году,
мы двадцатилетние ребята.
Едва встречая первую весну,
мы учились убитыми отцами,
мы встали в предпоследнюю войну,
чтобы в войне последней стать бойцами.

Как опыт «последней» войны родились мужественные стихи, поэма «Зоя», удостоенная Государственной премии СССР. С той поры и по сегодня Маргарита Иосифовна плодотворно и интересно продолжает работать в литературе. Редакция предлагает читателям новые стихотворения своего давнего автора.

Татьяна Бек выпустила книги стихов «Скворешники» («Молодая гвардия», 1974) и «Снегирь» («Советский писатель», 1980). Естественность и безыскусность выражения «строительства души», попытки освоения духовного опыта своего современника, культура стиха отличают творческие поиски поэтессы.

Ника Турбина, ялтинская школьница, — явление уникальное. Впервые читатель узнал о ее стихах по публикациям в «Комсомольской правде» и из передачи по Центральному телевидению. Три года назад, когда Ника было 9 лет, в издательстве «Молодая гвардия» вышла ее книжечка «Черновик», предисловие к которой написал Е. Евтушенко. Стихи Ники перевели на другие языки, и в Италии у нее вышел сборник, за который она получила премию.

Мы слышали и такое:
зачем было открывать
имя Турбиной, пусть бы писала себе
в домашний альбом, подросла, а потом
было бы видно. И другое — тут дело
темное, явно, что за нее пишут взрослые.
И первое, и второе неверно. Думается,
что это все передержки осторожности,
консерватизма.

А станет ли Ника в будущем профессиональным поэтом, трудно сказать. Сама она так считает:

— Я не знаю. Как покажет судьба.
Но, по-моему, это не главное.
Ведь когда я пишу, у меня такое чувство,
что человек может все... Если только
захочет захотеть... Так много слов внутри,
что даже теряешься от них...

Маргарита АЛИГЕР

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Жил да был один поэт,
полный истинного чувства.
Он глядел на белый свет
очень ласково и грустно.

Примечая все кругом,
глубоко и остро видел.
Он сражался с пошляком,
мещанина ненавидел.
Каждый маленький рассказ,
полный грусти и улыбки,
их разил не в бровь, а в глаз,
без промашки и ошибки.
Шел он в битву напрямик,
но лукавые мещане,
то и знай меня лик,
ловко прятались в тумане.
Подхихикивая в тон,
аккуратно, честь по чести,
шли они со всех сторон,
исподволь готовясь к мести,
укрепляя много лет
свой редут на почве зыбкой.
Грустный маленький поэт
страшен им своей улыбкой.
На него махиной всей

шла толпа тупиц и пугал.
Он отрезан от друзей,
в одиночку загнан в угол.
Оклеветан, окружен,
улыбнуться он не в силе.
Их на свете — легион.
И они его убили.

ДАВНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Нет, «Литературная газета»,
все не так, решительно не так!
Позабудут нас. Промчатся лета...
Но придет какой-нибудь чудак,
эдакий, который тихо плачет
над забытой пушкинской строкой,
для кого на свете правда значит
более, чем слава и покой.
Незаметный, в пиджачке кургузом,
поистертом, в пепле и в пыли,
выстоящий все-таки под грузом

мировых событий всей земли.
Как грибник в сырой еловой чащне,
через заросли и бурелом,
за свою находкой настоящей
он пойдет упрямо, напролом,
он пойдет на запах, и под спудом
перепревшей пыльной ерунды,
где чутьем, а где и просто чудом,
он найдет заметы и следы.
Под пластами лжи и мертвичины,
паутины и трухи,
он отыщет корни и причины,
он найдет забытые стихи,
откопает тех, кто сбит в полете,
тех, кто заблудился без дорог,
тех, кто в незаслуженном почете
слова правды вымолвить не смог.
Прочитает истинные речи
между строк фальшивых стенограмм,
вытрут слезы, и расправит плечи,
и земной поклон отвесит нам.

Татьяна БЕК

Прильнуть бы к мелочам! Но я не ювелир.
То трепет, то обвал — в моем сердечном стуке.
Отсутствие твое мне заслоняет мир:
Все ты да ты кругом, когда живем в разлуке.

Но об руку с тобой я вижу все острей:
И воинский ремень, и старицкий посох,
И ласточку в метро — за тридевять морей
От мазанки родной, от изгороди в росах...

Как мечется она во влажной глубине,
Как стелется крылом по мраморному своду!..
А я иду, держа в горячей пятерне
Последнюю любовь, не знающую броду.

Лишь об руку с тобой я вижу мир насквозь —
В отсутствие твое я делаюсь слепою.
...Когда умру, скажи: ей весело жилось —
Ей будничная жизнь давалась только с бою.

Зато была полна до самых до краев
Счастливая душа, дознавшаяся лада!
Когда умру, скажи: она ушла на зов,
А не сошла на нет. Оплакивать не надо.

Строительству души не надобны «леса» —
Скорее это рост природного подлеска,
Где хмель и мураши, лишайник и роса,
Где то печет вовсю, то холода резко.

Знобило и трясло... Но к тридцати пяти
Из словаря земли я выгребла глаголы:
Мужать и матерь, тянуться и расти,—
Теперь мне нипочем укусы и уколы.

Паук не торопясь развесит кружева —
Какая красота в проемах беспорядка!
...Чем ближе до конца, тем больше я жива —
Счастливая моя и страшная догадка.

А если о любви, то это как восход,
Который обнажил,
вполнеба полыхая,
Что сохнет и цветет, и старится, и жжет,
Но — главное — растет душа моя лихая.

Взгляд беззлобен, и сощурен,
И лучист не по годам...
Как сказал поэт Жигулин:
— Эту тему не отдам!

Эту страшную, большую,
Стынущую Колыму
Никогда не затушую,
От себя не отниму.

Сдавленные — громче крики.
Раскаляя алфавит,
В этой неречистой книге
Каждая строка болит.

— Кто велел тебе, Воронеж,
Гнать мальчишеск на мороз! —
Я не вытираю слез,
Потому что не прогонишь

Этой боли, этих туч,
Этой худощавой тени...
Но внезапно — точно луч,
Пониманье во спасенье:

Сколько тайны в человеке,
Как тепла его рука,
Если отогрели эзки
Местного бурундука!

...И как памяти ожог
Или быль о лихолетье —
У поэта в кабинете
Прыгает бурундучик.

Родословная?

Сказочный чан!
Заглянувши, отпрянешь в испуге.
Я, праправнучка рослых датчан,
Обожаю балтийские выюги.

Точно так же мне чудом ясны
Звуки речи,
картавой, как речка:
Это предки с другой стороны
Были учителя из местечка.

...Узколобому дубу назло,
Ибо злоба — его ремесло,
Заявляю с особенным весом:
— Я счастливая! Мне повезло
Быть широким и смешанным лесом —
Между прочим, российским зело!

Ника ТУРБИНА

ТЕНЬ

По улице бредет
Забытая мной тень.
Ей лень
Вернуться в дом.
А может быть, не хочет
Со мной, опять,
Начать свой день.

ЧТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕ МЕНЯ?

Что останется после меня,
вечная мгла или отблеск огня?
Леса ли ропот, шепот волны
Или жестокая поступь войны?
Неужели я подожгу свой дом?
Неужели сад, который с трудом
Рос на склоне заснеженных гор,
Я растопчу, как трусливый вор?
Ужас, застывший в глазах людей,
Будет вечной дорогой моей?
Оглянусь на прошедший день,
Правда там или злобы тень?
Хочет каждый оставить светлый след,
Отчего же тогда столько черных бед?
Что останется после тебя и меня,
Человечество,
С этого дня?

Пересадили сердце тем,
Кому больней живется.
Чаше,
Бедой наполненная чаша

Бывает выпита до дна.
Но матери лицо родное,
Морщинка горькая у рта
В тебе не отзовется горем.
А переполнена душа
Весельем, радостью и смехом,
И места не осталось там
Знакомым, горестным чертам.
Не торопитесь соглашаться
Живое сердце кинуть в таз,
Года прожитые — не час,
А вечность.
И нельзя с нуля
Жизнь начинать
Средь бела дня.

ПАМЯТЬ

Люди теряют память,
Как зонтики в метро.
Что важно вчера —
Забыто давно.
На карнавале смерти
Первая маска — пожъ.
Даже убив, хохочут,

Памяти не вернешь.
Шлют пустые конверты
Белые глаза адресата —
Это провалы памяти.
Не получить обратно
Чьи-то глаза смешливые,
Губы измазаны вишней:
«быть хорошо счастливым,
Так говорил всевышний...»
Но превратилась память
В старый, плешиwy камень,
На ночь метро закроют,
Как ставни .
В прокуренной спальне.

ВЕНЕЦИЯ

Запеленали город мостами,
В каменном платье Венеция встала.
Ей ожерелье из белых домов
Брошено под ноги. И островов
Не сосчитать,
Даже ночи не хватит.
Так отчего эта женщина
Плачет?

ВЕЛИМИР
(Виктор Владимирович)
ХЛЕБНИКОВ

1895—1922

Виктор Шкловский в книге «Гамбургский счет» писал, сравнивая истинное положение вещей в литературе с истинным соотношением сил профессиональных борцов, которые состязались при закрытых дверях в Гамбурге: «По гамбургскому счету» — Хлебников членюк. Маяковский когда-то выразился так: «Хлебников — не поэт для потребителя... Хлебников — поэт для производителя». Одержимый стихией языка, магией словоизречества, идеями слияния математики и искусства. Хлебников скитался по земле, как дервиши, не ищя собственной крыши и набивая павловочки черновиками стихов. Своими лабораторными поисками он подготовил почву для многих прорывов Маяковского в новую форжу и частично для Пастернака. Гениальность Хлебникова несомненна, хотя многое в его поэзии хаотично, несобранно. Феноменальные строки соседствуют иногда со скользкими провалами. Однако Маяковский, по-моему, не совсем прав в своей высокой, но слишком профессионально зауженной оценке Хлебникова. Сегодня Велимир Хлебников перестает быть поэтом только «для производителя», и в душах многих читателей поэзии — вовсе не профессиональных литераторов — живет Хлебников, попавший даже на экран всеоголозого телевидения. Этот беззаветный рыцарь печального образа, называвший себя Председателем Земного шара, никогда не изменял своей единственной Дульсине — поэзии и оказался, хотя и запоздало, пагражданным любосью.

литераторов — живет Хлебников, попавший даже на экран всеоголозого телевидения. Этот беззаветный рыцарь печального образа, называвший себя Председателем Земного шара, никогда не изменял своей единственной Дульсине — поэзии и оказался, хотя и запоздало, пагражданным любосью.

ОДИНОКИЙ ЛИЦЕДЕЙ

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп влажился по пустыне,
Где умирала невозможность.
Усталый лицедей
Шагая напролом
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кашал людей.
В дыму утром нескромных
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ вечерний
странника,
Во сне над пропастями прыгал
Ишел с утеса на утес.
Слепой яшел, пока
Меня свободы ветер двигал
И был косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих
мяс, и кости
Я у стены поставил:
Как воин истины я юно потрясал
над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело! которому
пылали раньше толпы!
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеять очей! итти.

Бобзоби пелись губы
Бзоми пелись взоры
Пиззо пелись брови
Пиззий пелился облик
Гзи-гзи-гззо пелась цепь,
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

НЕ ШАЛИТЬ

Эй, молодчики-купчики!
Ветерок в голове.
В пугачевском тулунике
Я иду по Москве.
Не затем высока
Воля правды у нас,
В рысаках — соболях
Чтоб катились у нас.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами — скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги.
Кто со мною в полет?
А со мной — мои други!

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.

Горе и вам, взявшим неверный угол
серда ко мне:

Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмеяться
Над вами,
Как вы надсмеялись
Надо мной.

Мне мало надо! Краюшка хлеба
И капля молока,
Да это небо,
Да эти облака!

КОРМЛЕНИЕ ГОЛУБЯ

Вы пили теплое дыхание голубки,
И, вся смеясь, вы наглецом его
назвали.
А он, вложив горбатый клюв
в накрашенные губки,
И трепеща крылом, считал вас
голубем? Едав ли...

И стая иволов летела,
Как треугольник зорь, на тело.
Скрывая сумраком бровей
Зеркала утренних морей.
Те низко падали, как пение царей.
За их сияющей соломой
Как воздухом погоды золотой
Порою вздрогивал знакомый
Холма на землю лёт крутой.
И голубя малиновые лапки
В прическе пышной утопали.
Он прилетел, осенне зябкий.
Он у товарищей в опале.

ПРАЧКА

[Фрагмент из поэмы]

Во дворцах мы не жили.
Нас никто не нежил,
Нас, чернорабочих,
Росли, как щенята.
— На нож.
— Нате!
Гож нож!
Эй, толпы людей,—
Нож гож!
Знайте,
В мозгу
Зарубите.
А меня, девку чернявую,
А меня, девку милую,
Полюбите!
Он, красавец, длинный нож.
В сердце барина хорош.
Ножом вас потчую,
Простая девка:
Я прачка, чернорабочая!
Ай, хорош, ай, хорош!
Нож.

ЛАДОМИР

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах,
И чай застенок там, на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер,
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
(И где ночуют барышни,
В чехле стекла, где царский замок,
Приемы взрыва хороши,
И даже козин умных самок.)
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатый, где твой нож?
(О, девушка, души косой
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босой
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачею походкой
От нежной полночи чиста.

НОВЫЕ АНТОЛОГИИ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слону,
Целуй врага, пока он не исчезнет.)
Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета.
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокий раною болея,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночных Невского.
Это шествуют творяне,
Заменивши Дэ на Тэ,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мягкож,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж,
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выней
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок, от золота тугой.

Чертёж не мелом, а любовью
Того, что будет чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи.

НОЧЬ ПЕРЕД СОВЕТАМИ

[Отрывок]

Пришла и шепчет:
— Барыня, а барыня! —
— Ну что тебе, я спать хочу! —
— Вас скоро повесят!
Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!
За отцов за грехи! —
Лицо ее серо, точно мешок,
И на нем ползат тихо смешок.
— Старуха, слушай, пора спать!
Иди к себе!
Я спать хочу! —
Белым львом трясется большая седая
голова.
— Ведьма какая-то.
Она и святого забесит.—
— Барыня, а барыня! —
— Что тебе? —
— Вас скоро повесят? —
Барин пришел. Часы скрипят.
Белый исчерченный круг.
— Что у вас такое. Опять? —
— Барин, мой миленький,
Я на часы смотрю,
Наверное, скоро будет десять! —
— Прямо покою нет.
Ну что это такое:
Приходит и говорит,
Что завтра меня повесят.

«У НАС В ДОМЕ СОХРАНИЛАСЬ
ОДНА СТАРАЯ ДОВОЕННАЯ
ПЛАСТИНКА АПРЕЛЕВСКОГО ЗА-
ВОДА С ЗАПИСЬЮ ГОЛОСА ВА-
ДИМА КОЗИНА. ЭТОГО НЕОБЫК-
НОВЕННОГО ПЕВЦА ЧАСТО И
ОЧЕНЬ ТЕПЛО ВСПОМИНАЕТ
СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ НАШЕЙ
БОЛЬШОЙ СЕМЬИ. ОЧЕНЬ ПРО-
СИМ ВАС, ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ,
РАССКАЗАТЬ О СУДЬБЕ КОЗИНА.
ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО НЕДАВНО ВЫШ-
ЛА БОЛЬШАЯ ЕГО ПЛАСТИНКА.

Семья КОРНИЛОВЫХ.

г. Ленинград».

— Говорил с «Мелодией». Вторая пластинка называется «Русая головка». Со дня на день выйдет. Жаль, что новые песни опять не вошли. Я много написал. Присылайте кассету — напою. Каждый день работаю. Время такое.

Этот звонкий, моложавый голос, который сквозь помехи радиосвязи доносится из телефонной трубки с противоположного конца страны, когда-то восхищал всех. Он звучал под рояль, гитары, пленял страстностью, задушевностью интонаций, праздничностью, погружал слушателей в романтический мир русского романса, очаровывал глубиной и мелодичностью.

Можно позавидовать современным артистам. Одно участие в телепередаче (а передач тьма-тьмущая) — и тебя знают миллионы (принимают или нет, помнят или мгновенно забывают — другое дело). Исполнителям довоенных лет приходилось сложнее. Их путь к всемирной популярности, к радиостудиям, грампластинкам лежал через тысячи выступлений в рабочих клубах, кинотеатрах. Зато «такая популярность всегда была подлинной. Фальшивь, надуманность не прощаются. Этапонами служили мастера своего дела. К их числу принадлежал Вадим Козин.

Я живу на улице Портовой. В городе — столице колымчан, где под небом северным, суровым Между сопок вырос Магадан.

Лет двадцать назад эта песенка служила своеобразным паролем для всех, кто связал судьбу с овеянной легендами Колымой. Там ее распевали ничуть не реже, чем песни Высоцкого в Москве. Ее автора знает каждый магаданец. Первый встречный не только назовет его адрес, но и наплетет таких былей и небылей, что все тревоги за сегодняшнюю популярность Вадима Алексеевича моментально рассеиваются.

Он давно выбрался из тесной коммуналки добротного дома на Портовой. Теперь у него однокомнатная квартира в современной пятиэтажке. Но простора не прибавилось. Конечно, нелегко разместить на семнадцати квадратных метрах и громоздкое пианино, и четыре доисторических магнитофона «Тембр», и бесчисленные фигурки кошек со всего света (гордость хозяина — коллекция), и самодельные стеллажи, забитые книгами, связками периодики, поэтическими сборниками маститых авторов с дарственными надписями. Нелегко, но можно. Но как при этом каждый вечер принимать по десять — пятнадцать гостей, да еще рассадив всех за старомодным круглым столом, потчую чаем из электрического самовара?..

Козину внимают часами. Просят петь. Снова и снова. Слушать его можно бесконечно. Он знаток всех секретов владения аудиторией. Он личность. Живая летопись русской советской эстрады, пропагандист ее лучших традиций. Пример безупречной интеллигентности.

Художник, артист может существовать лишь в творчестве. К сожалению, на филармонической сцене Вадим

ОСЕНЬ.

ПРОЗРАЧНОЕ УТРО...

Алексеевич выступает редко — как никак ему 84 года. Ежедневные домашние концерты для него жизненная необходимость, один из способов «перехитрить» возраст.

— Козин и Каширины не раз родились. Купеческие династии. Так что я дальний родственник Алексея Максимовича Горького...

Рассказы, истории, воспоминания. О матери, Вере Ильинской, солистке цыганского ансамбля. О двоюродной бабушке — легендарной Варе Паниной. О подругах матери — Анастасии Вяльцевой, Надежде Плевицкой. О нежной дружбе с Тамарой Церетели, Изабеллой Юрьевой. О знакомстве с Руслановой, Шульженко, Утесовым. О творческом соперничестве с Вертиным. О тонкостях исполнения «Осени», «Коробейников», «Дружбы», «Калинки», других нестареющих шедевров, о том, какую актерскую краску выбрать в том или ином случае и почему. И замолкает, задумывается, если спрашивают о зените славы...

— А ну ее, эту жизнью — вздыхает, улыбается и вновь к фортепиано. — Лучше что-нибудь из последнего:

Я люблю эту землю, броней ледяною одетую,
Эти сопки, как волны мгновенно застывших морей.
Я люблю этот край и ничуть не жалею, не сетую,
Что давно он второю стал родиной в жизни моей.

В трудную пору друзья прятали от него пластинки, хранящие неповтори-

мый козинский голос. Он их разбивал. Повышенная ранимость и эмоциональность подлинного художника толкали перечеркнуть прошлое, забыть о самом себе. Если невозможнно петь, то незачем и жить.

Но шло время, все вокруг стремительно менялось, рубцевались раны, забывались обиды. И неудержимо тянуло к инструменту, к чистому листу нотной бумаги.

— Любимые поэты? Самые-самые? Некрасов. Лиричность, напевность, гражданственность. Боль. И — Северянин. Изысканное напряжение стиха. Никем пока не превзойденное.

Попрощавшись с самыми засидевшимися и неугомонными гостями, он отключает телефон, дверной звонок. Теперь ни одна живая душа не сможет связаться с ним до следующего вечера.

Людям высокой музыкальной культуры присущ особый дар — преобразить мир волшебной силой искусства, прорвать зерно романса в незаметных, подчас кажущихся банальными строчках. Ему попадается подборка самодеятельных поэтов...

— Чудесные стихи! Мужественные и нежные. Надо сочинять для солдат. Они пишут так пронзительно, так искренне, потому что им нелегко. Грех не отблагодарить их песней.

Певец, композитор, он каким-то чудом успевает читать практически всю поэзию, которая публикуется. Это — правило. Он был первым, кто спел стихи тогда еще мало кому известных

Евтушенко, Дементьева, Асадова. С их творчеством он неразлучен и поныне.

Сотни песен. Десятки имен — громких и ничего не говорящих. Все, к чему он принадлежит, мгновенно обретает крылья, разлетаясь по фантастически необозримой Колыме. Кассеты с записями Козина там есть у каждого владельца магнитофона. Их слушают в горняцких поселках, разбросанных по самой северной трассе мира — Колымской, в палатах геологов, на рыболовецких сейнерах, в старательских артелях.

В 1973 году в Магаданском областном театре состоялся юбилейный вечер, посвященный семидесятилетию Вадима Алексеевича Козина. Певец впервые выступил с микрофоном.

— Так мне и надо! Иронизировал над молодежью. Возмущался. Мечтается бедолаги по сцене, соревнуются, кто глубже засунет микрофон в горло. Впечатление такое, что у всех хроническое несмыкание связок. А завтра — самому придется... — волновался он накануне.

У здания театра собрался едва ли не весь город. Надо знать Магадан, где все друг с другом знакомы, а потому о том, чтобы кто-то кого-то не провел, не могло быть и речи. Стояли даже на сцене. В фойе вынесли продюсеры... Во втором отделении звучали песни на стихи магаданских авторов. Певец объяснялся в любви к своим землянам.

Сколько знал их и знаю я, с лицами, ветру открытыми, И с такими сердцами, что плавится полюс от них. Пусть сегодня пока что не стали они знаменитыми, Но потом назовут непременно героями их.

Тогда же началось непонятное. Пришло письмо из фирмы «Мелодия». Сообщали, что готова пластинка.

— Что они в нее включили? Откуда взяли записи? Может, предложить новые? Но у меня такой ужасный магнитофон. То звук плывет, то не та синтез включается...

Увы, все оказалось не так-то просто. Вмешались «канье-то силы», и вопрос о пластинке был снят с повестки дня. В Магадане тоже все пошло наперекосяк.

— Марразм какой-то. Предложили повторить сольный концерт, но поставили условие, чтобы я спел перед худсоветом. Но этот худсовет слышал меня тысячу раз! Он ведь в полном составе присутствует на каждом моем выступлении и знает мой репертуар лучше, чем я сам. Я решительно отказался. Не иначе кто-то решил, что песни такого идиота, как я, никому не нужны. Что ж, постараюсь дождаться до двухтысячного года.

По счастью, все разрешилось. Год назад, будучи в Магадане, мы с удовольствием вручили Вадиму Алексеевичу несколько экземпляров долгожданной пластинки, позволившей по достоинству оценить искусство одного из корифеев советской музыкальной эстрады, носителя лучших традиций русского вокала.

Ничего не меняется в его квартире, как не меняется и сам маэстро. Та же легкость, стремительность, непоседливость (взбегает по лестнице на четвертый этаж — не угнаться). То же щедрое — в пределах более чем скромной пенсии — гостеприимство. Письма со всех концов страны. Многолюдье, теснота, споры. Тот же уцелевший с тридцатых годов радиомикрофон (в кольце с пружинами).

— Писал-писал на молодых эпиграммы, а теперь и на меня можно писать. Вот зуб вырвали. Интересное дело: пою живьем — шепелявлю. Записываюсь на пленку — нормально. Чудеса! Ешьте печенье. Из Москвы прислали. Польское, сухое. А у нас в театре новый режиссер. Ставит Шукшину. Заглянул на репетицию. Там по ходу пьесы корову доят. Так вот режиссер увидел это так. Выносят швабру, а к ней привязана резиновая перчатка с водой. И актриса за нее дергает. Думал, со смеху умру.

...На днях звоним в Магадан.

— Да, говорил с «Мелодией». Жаль все-таки, что новые песни не вошли. Каждый день работаю. Время такое. Легко дышится. Грех не работать.

Игорь ДУДИНСКИЙ,
Юрий РЕБРОВ

Снимок сделан в январе 1987 года
корреспондентом
«Магаданской правды»
Ярославом Юрциняком.

«Профтех» торгует без дефицита

ПРОДУКЦИЯ
УЧАЩИХСЯ
БАКИНСКИХ
ПТУ
НАШЛА
ДОРОГУ
К СЕРДЦУ
ПОКУПАТЕЛЯ

Если верить рассказу начальника Бакинского городского управления профессионально-технического образования Р. К. Алиева, то все выглядит предельно просто: задумали создать фирму «Профтех» — и создали. А если суммировать все услышанное мною из уст соратников Рафика Кудратовича о времени, которое в сухих отчетах принято называть «организационным периодом», — деньги те горячими назвать мало. Перекаленные они были — обжечься можно. Бесчисленные убеждения, доказательства, обивание начальственных порогов... Некоторые и обожглись. А потом остали к самой идее. Но Алиев продолжал настаивать: система профтехобразования может частично компенсировать средства, вложенные в нее государством. В Баку 53 СПТУ, в них учатся будущие слесари и столяры, портные и кондитеры... Неужто их учебная продукция не найдет спроса? Рафик Кудратович и энтузиасты создания фирмы верили — найдет. И искали брешь в обширнейшей номенклатуре ширпотреба — поначалу была нужна гарантня надежного, долговременного спроса.

Решение пришло просто и неожиданно: дачная мебель. Действительно, пригороды Баку стремительно завоевываются дачными кооперативами. Мебельная промышленность практически для дач ничего не предлагает. Но не покупать же для летнего дома дорогой гарнитур. Так вот, пожалуйста: полный комплект летней мебели всего полторы сотни рублей... И, конечно, молодежная одежда — модная, красивая и дешевая.

Первые комплекты мебели разошлись мгновенно. На расхват пошли и модные кофточки, брюки, костюмы для девушек. Но что-то вдруг застопорилось в сбыте, а им занималась торговля сеть города. Алиев забеспокоился: в чем загвоздка?

«На базу не завезли, с базы не подвезли, да и вообще ваша продукция сомнительна...» — услыхал он всевозможные отговорки. И все же Рафик Кудратович докопался до истины: торговля его изделиями шла, но с черного хода, по великому блату.

— Ну и как вам удалось преодолеть этот искусственный дефицит? — спросил я Алиева.

— Пришлось открыть свой магазин, подчиненный Бакинскому городскому управлению по профтехобразованию.

Сегодня этот адрес знают не только бакинцы: улица 28 апреля, дом 34. Вывеска гласит: «Фирменный салон-магазин «Молодой рабочий» по реализации товаров народного потребления, изготовленных учащимися профтехучилища».

Что более всего удивляет в этом магазине? Скажем прямо — цены. Су-

дите сами, швейные изделия из хлопка: кофточки, платья стоят 5—6 рублей, костюмы для девушек — 16 рублей. Здесь же продаются те самые дачные гарнитуры: «Петро», «Фестиваль», «Арзу», «Хозар», «Кызылкум». Цена — не дороже 143 рублей. Мебель удобна и проста: немного дерева, немного металлических узоров и масса фантазии. Почти в каждом наборе предусмотрены две кровати с панцирными сетками, тумбочки, стол, стулья, ящик для обуви, зеркало, подставки для цветов... Словом, на любой вкус и цвет.

— Штатных продавцов у нас нет, — рассказала мастер производственного обучения Вафа Салманова. — Каждый день к нам приходят по двадцать учениц из двух торговых училищ. И конечно же, им очень приятно торговать изделиями, которые мастерили сверстники. Магазин наш не просто торговая точка, но и своеобразный клуб наглядной агитации. Среди наших покупателей очень много школьниц старших классов, они интересуются, как мы учимся, работаем.

— Вафа, есть ли у практикантов материальный стимул в работе?

— Конечно, все ученицы получают половину ставки продавца. Вторая половина по существующему положению перечисляется в фонд училища. Да и там эти деньги опять же тратятся на них: приобретается новое оборудование, оборудуются классы и лаборатории.

Как ни тесно помещение магазина, здесь все же нашлось место для крохотного кафетерия на три столика. В подсобной комнате оборудована кухня, где будущие кулинары готовят слоеные рожки, ватрушки, булочки, пирожные. Все это очень вкусно — мог убедиться сам — и дешево: не дороже 15 копеек. Тем не менее ежемесячный оборот кафетерия — около 5 тысяч, магазина — 20 тысяч рублей.

— Мало, очень мало помещение, — сетовал Алиев. — Магазин буквально зажат между ателье и часовой мастерской. Нам бы эти помещения! Мы бы и швейную мастерскую здесь смогли открыть, и молодежное кафе. Все это нам под силу, только вот развернуться негде.

— Рафик Кудратович, чтобы пошить одежду, изготовить мебель, необходимы конструкторские разработки. Кто занимается этим?

— У нас уже три года как создан своеобразный мозговой центр — общественное специальное конструкторское бюро (ОСКБ). Оно объединяет более тридцати инженеров и технологов из разных училищ. Даже руководитель ОСКБ Э. Шихиев не освобожден от основной должности директора СПТУ № 2. По сути, ОСКБ организует и координирует всю деятельность фирмы.

От директора ОСКБ Э. Шихиева я

узнал и еще одну очень важную деталь — молодые специалисты сумели до минимума сократить путь от идеи до конкретного изделия. Всего месяц требуется, чтобы новинка появилась на прилавках фирменного магазина.

Сами же новинки — результат коллективного творчества. Что это значит? Нужно, скажем, освоить новый комплект дачной мебели. Задание раздается нескольким мастерским, и каждая представляет на конкурс свою модель. Жюри выявляет лучшую. И только после этого ОСКБ берется за разработку чертежей мебели, которую станут выпускать все мастерские в разных училищах. Такой порядок конкурса отбора предусмотрен практически для всех изделий фирм.

Руками учащихся делаются не только сами изделия, но и оснастка, инструмент. Даже фирменные этикетки для одежды отпечатаны в типографии училища полиграфистов. А с каким увлечением работают подростки! В слесарной мастерской я услышал от мастера буквально следующее:

— По программе слесарной практики положено ученику выпилить, скажем, молоток. Вот и скоблит он заготовку вручную напильником, мучается целый месяц. А работа такая — ни уму ни сердцу. Отлично понимает ученик, что все это быстрее и лучше сделать на станке. Совсем другое дело, когда ему предлагают доработать металлическую основу стола или стула. Тут можно только руками. Причем он старается сделать чисто, аккуратно — понимает, что кто-то этой мебелью будет пользоваться. Словом, если раньше в мастерскую шли с нехотовой, то теперь бегут бегом, да их порой и домой не выгонишь...

Наверное, именно в этом и есть главный смысл фирмы. Ведь в конце концов не погоней за прибылью и перевыполнением плана озабочены ее создатели. Намного важнее, что найден новый подход в обучении, дан наглядный пример необходимости и важности профессии рабочего. Ну, а как же быть с предвзятым мнением родителей и школьников о СПТУ?

— Лучше всего об этом скажет одна цифра, — ответил Р. Алиев. — В нынешнем году сорок процентов из числа восьми- и десятиклассников пополнили наши учебные заведения. И знаете, что помогло нам более всего? Центр профтехориентации.

...Стоял на приморском бульваре просторный металлический купол. Он пустовал после одной из республиканских выставок, и его вот-вот собирались разобрать. Но усмотрел бесхозный купол хозяйственный глаз Алиева: ведь это какую выставку профтехобразования можно устроить! Алиева поддержали в горкоме партии. Сегодня это и культурный центр фирмы и отличный выставочный комплекс. Здесь можно увидеть всевозможные

изделия умельцев из разных СПТУ, оборудование для современных классов, лабораторий и новую форменную одежду, разработанную самими учащимися. Опытные методисты всегда готовы помочь советом, кому в какое училище лучше поступать. Предусмотрен даже кабинет врача где любой школьник может узнать, соответствует ли его здоровье выбранной профессии. В центре купола — просторный зал, где регулярно проходят встречи школьников и родителей с учащимися и преподавателями СПТУ.

А по выходным дням возле центра шумит ярмарка. Разворачивается она буквально в полчаса из специальных легких конструкций, кстати, тоже изготовленных руками учащимися. И начинается бойкая торговля мебелью, одеждой. Молодые кулинары предлагают свою вкусную продукцию.

Рассказ о фирме СПТУ был бы неполным, если не сказать несколько слов о комсомольско-молодежном клубе «Мяшал» — «Факел». От роду ему всего год. Но он стал уже весьма популярным в городе. Различные секции клуба объединяют молодых инженеров, преподавателей СПТУ, учащихся, школьников. Здесь они проводят тематические вечера, показывают свои спектакли да и просто собираются потанцевать. Примечательно, что все мероприятия обслуживаются учащимися СПТУ № 75.

— Фирма, конечно есть, это факт, — словно угадав мой вопрос, вдруг говорит Алиев. — Но пока она, как малое дитя, не может без присмотра. А я хочу, чтобы она крепко встала на ноги, хочу, чтобы люди решали многие вопросы без подсказки. Тем более что фирма растет. Очень скоро в училище автомобилистов открывается автопрофилакторий, где ремонт и обслуживание машин целиком поручим учащимся. На очереди почтовое отделение, тоже наше. Есть и другие планы... Только вот очень мешает еще и отсутствие самостоятельности, финансовая зависимость от многих организаций. Но это уже жалобы. Думаю, осилим и эту преграду.

И мне захотелось чуть ли не подетски, умоляюще попросить: «Пожалуйста, осилте». Ведь не станет еще одной преграды — легче будет идущим вперед.

ОТ РЕДАКЦИИ. Бакинская фирма «Профтех» и лично Р. К. Алиев первыми награждены дипломами фирмы «Внедрение», открытой на страницах «Огонька». Энтузиасты из Баку отклинулись на идею, высказанную в статье «Мой собственный рубль...» («Огонек» № 51, 1986 г.), — создать бюро добрых услуг, в котором работали бы подростки. Фирмы «Внедрение» и «Профтех» заключили творческий договор о претворении этой идеи в жизнь.

ДАЧНАЯ
МЕБЕЛЬ,
МОДНАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ
ОДЕЖДА,
КУЛИНАРНЫЕ
БЫТОВЫЕ
И ДРУГИЕ
ИЗДЕЛИЯ

«ОТ ПРОФТЕХА» —
К ЭТОМУ
БАКИНСКИЕ
ПОКУПАТЕЛИ
ПРИВЫКЛИ.
МАРКА
«ПРОФТЕХ»
РОЖДАЕТ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И УДОВЛЕТВОРЯЕТ
СПРОС —
ТАКОВА
РЕАЛЬНОСТЬ.
К СОЖАЛЕНИЮ,
В БОЛЬШИНСТВЕ
СЛУЧАЕВ
ИЗ КАБИНЕТОВ
ЭТА
РЕАЛЬНОСТЬ
ВИДИТСЯ
ПОКА
ЛИШЬ
В БУДУЩЕМ —
«ПО МЕРЕ
ВОЗМОЖНОСТИ».

ТАК ЗАГОРАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

СТАДИОН

ФРАНЦУЗСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «ФРАНС ФУТБОЛ» В 31-Й РАЗ ПРОВЕЛ РЕФЕРЕНДУМ ПО ВЫБОРАМ ЛУЧШЕГО ФУТБОЛИСТА ЕВРОПЫ, КОТОРОМУ ВРУЧАЕТСЯ «ЗОЛОТОЙ МЯЧ». ДВАЖДЫ ЭТИМ ПРИЗОМ ВЛАДЕЛИ СОВЕТСКИЕ ФУТБОЛИСТЫ: В 1963 ГОДУ — ЛЕВ ЯШИН, В 1975-М — ОЛЕГ БЛОХИН.

НА ЭТОТ РАЗ ЛУЧШИМ НАЗВАН НАШ СООТЕЧЕСТВЕННИК — ФОРВАРД КИЕВСКОГО «ДИНАМО» И СБОРНОЙ СССР ИГОРЬ БЕЛНОВ.

ДЭНИ АРКАДЬЕВ

— ИГОРЬ, А КАК ВЫ САМИ ДЛЯ СЕБЯ ОЦЕНИВАЕТЕ МИНИУЩИЙ СЕЗОН?

— Можно сказать, что в игре прибавил. Особенно по сравнению с восемьдесят пятью годом. Но чтобы был удовлетворен сполна, такого чувства нет. Мешали травмы, из-за которых пропускал игры. Далеко не в каждом матче удавалось полностью раскрываться. К тому же есть еще в моей игре недостатки.

— КАКИЕ?

— Лучше я о них промолчу. А то вы напишете, а соперники прочтут.

— А СВОИ СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ НАЗВАТЬ НЕ БОИТЕСЬ?

— Скорость, опережение. Но и тут есть над чем поработать. Моя скоростная техника пока далека от совершенства.

— В РАЗЛИЧНЫХ МАТЧАХ МИНУВШЕГО СЕЗОНА В СОСТАВЕ СБОРНОЙ СТРАНЫ И КИЕВСКОГО «ДИНАМО» ВЫ ЗАБИЛИ НЕМАЛО КРАСИВЫХ ГОЛОВ. КАКОЙ ИЗ НИХ СЧИТАЕТЕ ЛУЧШИМ?

— Если откровенно, то я чаще вспоминаю гол, который я... не забил. Это было на чемпионате мира в Мексике, в том злополучном для нас матче против сборной Бельгии. Вася Рац мне отлично выложил мяч под удар. Я был головой. Казалось, пробил точно в ворота, но... мяч попал в штангу. Обидно было до слез. Стал бы счет 2:0, и, возможно, игра сложилась бы по-иному...

Глушал его, а сам думал: могла ли сложиться по-иному футбольная судьба обладателя «Золотого мяча»? ...Киев. Январский день 1985 года. На заснеженном поле стадиона «Спартак» проходит двухсторонняя тренировочная игра футболистов киевского «Динамо». Поеживаясь от холода, небольшая группа болельщиков внимательно следит за необычным матчем: основной состав играет вперемешку с дублерами. Завсегдатай стадионных трибун в тот морозный день, помнится, терялись в догадках: кто есть кто? То и дело переспрашивали друг друга: «А этот небольшого росточка кто такой?», «А вон того худенького откуда взяли?». После двух подряд прямых провалов киевского «Динамо» в чемпионатах страны почитателям команды не терпелось предугадать, что ждет их любимый клуб в предстоящем сезоне. И болельщики, толпившиеся у заснеженного поля, с легким удивлением (а может быть, и с тревогой?) присматривались к вчерашним дублерам и новичкам из низших лиг нашего необыкновенного футбольного хозяйства. Из значительных «приобретений» в списке «Динамо»-85 фигурировал лишь нападающий Игорь Беланов из «Черноморца»: все-таки, выступая в основном составе одесского клуба в высшей лиге, он забил 26 голов.

И первый же свой сезон в знаменитой команде Беланов вместе с динамовцами отметил золотой медалью чемпиона страны и Кубком ССР! А ведь в последние годы футбольный дубль — явление редкое. До этого динамовцы Киева такого же успеха добивались только дважды — в 1966 и 1974 годах.

Не менее важный критерий оценки достоинств футболиста или команды — сама игра. И тут прямо скажем, что в первый свой «хрустально-золотой» сезон Беланов еще не стал особо заметной фигурой в нашем футболе. Лучшее доказательство — результаты традиционного референдума еженедельника «Футбол — хоккей». Когда 209 футбольных обозревателей, представляющих 138 печатных изданий, ТАСС, АПН, радио и телевидение, издательства и другие журналистские организации, определяли лучшего футболиста Советского Союза сезона 1985 года, то ни один из них в свою «тройку» Беланова не включил. В числе 20 футболистов из 10 клубов высшей лиги, фигурировавших в предновогодних анкетах, фамилия Беланова не значилась.

Но поистине неисповедимы судьбы футбольные. Прошло всего полгода, и вдруг сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс рассказало всему миру, что Игорь Беланов включен в символическую сборную мира, которую назвали журналисты, освещавшие XIII мировой чемпионат в Мексике. В канун Нового года Дасаев и Беланов были включены и в символическую сборную мира 1986 года, которую определила итальянская «Газетта делло спорт». Причем это не были «новогодние забавы» журналистов. Состав команды определили известные в мире тренеры: Билардо и Менотти (Аргентина), Дерваль (ФРГ), И дальго (Франция), Беарзот (Италия), Михелс (Голландия). Каждому из них было предложено по пять кандидатов на ту или иную позицию. Специалисты представляли номера — от первого до пятого. Тот футболист, у которого показатели были выше, и попадал в сборную мира-86. К примеру, на позицию ударного форварда вместе с Белановым претендовали такие звезды, как испанец Бутрагено, итальянец Альтобелли, датчанин Лаудруп, аргентинец Вальдано. И в этой авторитетной компании Беланов набрал больше высоких мест.

Как же загораются наши звезды?

Игорь пришел в футбол, пожалуй, как все мальчишки, которые родились и выросли в Одессе на Молдаванке. Играл за свой двор, потом за родную улицу Комитетскую. Отец ходил смотреть чуть ли не все мальчишеские игры своего Игорька, когда тот в составе команды 46-го жэка

выступал в соревнованиях на приз клуба «Кожаный мяч». А однажды привел сынишку в специализированную школу юных футболистов, которая была организована при команде мастеров одесского «Черноморца». Как же Беланов-старший злился, когда Беланова-младшего после просмотра, устроенного для желающих поступить в школу, «забраковали». Об этом, правда, сразу не сказали. Еще обнадежили: велели оставить открытку с домашним адресом и пообещали сообщить о зачислении в школу (коль пройдет по конкурсу!). Открытка домой так и не пришла...

— А может быть, и хорошо, что так получилось? — вспоминает о том случае Игорь Беланов. — Ведь часто родители чуть ли не насилино толкают своих детей в спортивные школы ссылаясь, а ребята к этому еще не готовы, и бывает, что так себя и не находят.

«Искать себя» он снова стал в мальчишеских играх — за двор, за улицу, за школу. Но чаще всего — за юношеские команды «Локомотива», на стадионе которого он пропадал почти все свободное время. Так продолжалось несколько лет. Пока на каких-то городских соревнованиях Игоря не приметили специалисты из той самой школы «Черноморца», в которую его раньше не приняли. Теперь пригласили сами. Его первым тренером в этой школе стал мастер спорта Эдуард Иванович Масловский.

Я тоже родился и вырос в Одессе. Масловского хорошо помнил по играм 60-х годов, когда он выступал на левом краю защиты в составе одесского СКА. Отличался надежной игрой в обороне и смелыми рейдами к воротам соперников.

— Каким вам вспоминается ваш теперь уже знаменитый подопечный? — спросил я Масловского, когда мы встретились летом в Одессе, после мексиканского чемпионата мира, на котором Беланов стал самым результативным форвардом сборной ССР.

— Был, пожалуй, как все дети, — сказал Эдуард Иванович. — Ничем особым не отличался. Разве что чуть большей, чем у других ребят, настойчивостью. Трудно ему приходилось: учился в ПТУ, в вечерней общеобразовательной школе и в нашей — футбольной. Мальчиком он был очень веселым и озорным. Но случившееся в их семье горе словно бы его подменило. Стал не по годам серьезным и замкнутым.

...Ту жуткую ночь Игорь часто вспоминает как

Хотя на футбольном поле сегодня один, но можно смело сказать — оба ведут на нем призовую игру. Валерий Лобановский и Игорь Беланов.

Фото Анатолия БОЧНИНА и Юрия СОКОЛОВА

сплошной кошмарный сон. Его разбудила мать. Он еще не видел ее такой растерянной. Мама подсела к нему на кровать, крепко обняла сына, и он почувствовал, как она вся дрожит. По щекам матери текли слезы.

— Что же мы теперь будем делать, сынок? — почти шепотом причитала Ниниша Вениаминовна, еще крепче прижимая к себе Игоря. — Горе-то какое, горе... Нет больше нашего папочки...

Ночью Иван Родионович возвращался с работы на мотоцикле. На трассе стоял МАЗ с выключенными фарами. На полной скорости он в него и врезался. Случилось это на Пересыпи...

Игорь понял, что матери в жизни нужна помощь и поддержка. После окончания училища, получив специальность каменщика-монтажника, пошел на завод «Холодмаш» («Было трудновато: кирпичики на стройке пришлось потаскать, но зато сколько было радости, когда принес матери первую зарплату в 180 рублей!»).

Когда подошло время срочной службы в армии, судьба вновь свела Игоря с первым наставником: Беланов попал в футбольный клуб одесского СКА, а Масловский в те годы был там тренером.

В команде Игорь выделялся высокой скоростью, но ею в футболе надо научиться еще управлять. А у Беланова по этой части не все ладилось. Масловский вспоминает, что на первых порах выступлений Игоря в составе одесского СКА за молодым форвардом чуть ли не приkleился ярлык «садник без головы». А сам Игорь помнит, как за его слишком прямолинейные набеги подразнивали снисходительным: «Шел трамвай десятый номер...» (по номеру его футболки!). Но кроме скорости, у этого паренька были, вероятно, и другие — не менее ценные — качества, которые помогают стать подлинным мастером футбола. Наконец же именно?

Вот что ответил на этот вопрос Эдуард Масловский:

— На тренировках и в игре он действовал с полной отдачей сил. Не щадил себя. А матчи были для нас порой очень трудными. Особенно на футбольных полях Средней Азии. Но я не припомню случая, чтобы Игорь где-то в игре мог убежать от борьбы. Правда, это вовсе не значит, что он побеждал в жестких единоборствах. Напротив, порой отлетал от соперников словно мячик — для нападающего он ведь легонький. Но перед трудностями не пасовал. На него всегда можно было положиться и быть уверенными, что не подведет. В игре на футбольном поле и в жизни. Чистоплотный парень. И цели перед собой, наверное, всегда ставил высокие. Однажды я даже удивился, услышав, как Игорь вполне серьезно кому-то из товарищей по армейскому клубу сказал: «Все равно буду играть в сборной!» Еще вспоминаю, что у нас в команде его называли «парнем без нервов». Нервы у него действительно крепкие. Обратите внимание, как он ведет себя, играя в сборной. Фактически он там без го-ду неделя, а не побоялся пробивать пенальти. Другое дело, что ему доверяли их исполнять, но главное, что он не отказался и сам смело пошел их бить...

Когда Беланов заканчивал службу в армии, ему посыпались заманчивые предложения — для первой лиги он был уже вполне зрелым игроком. Его просто трудно было не заметить. В этот период присматривались к нему и «секретари» киевского «Динамо». Даже приглашали в Киев. Но, демобилизовавшись из армии, Игорь предпочел вернуться в «Черноморец».

— С переездом в Киев я не спешил, хотя приглашали меня дважды, — рассказывал Беланов. — Принял только третье предложение, когда поиграл уже в высшей лиге — в основном составе «Черноморца». Оказалось, что это к лучшему. Я окреп, почувствовал, что такое высшая лига, и наконец решил: киевское «Динамо» — мой шанс. Правда, сразу вокруг только и слышал от приятелей: «Куда ты собрался, там же имена, посмотри на себя, с твоей-то выносливостью по киевскому «Динамо» и думать нечего». Наверное, эти разговоры только помогли мне. Я разозлился. Понимал, конечно, что разница есть, но уверен был, что смогу.

В свой первый киевский сезон, повторюсь, Беланов не стал заметной фигурой в нашем футболе. Он сверкнул яркой звездочкой фактически в одном матче в Киеве, когда динамовцы в первом круге принимали московский «Спартак».

Голы, забитые вратарю московского «Спартака» и сборной страны Ринату Дасаеву, вероятно, в нашем футболе ценятся особо. Не случайно именно после этой игры Беланова пригласили в сборную страны. Он дебютировал в ее составе в Лужниках. Вышел на замену за пятнадцать минут до конца игры со сборной Швейцарии. А в отборочном матче чемпионата мира против сборной Дании Беланова поставили уже в основной

состав, а не на замену. Но тот матч наша сборная проиграла со счетом 2:4. Проиграла-то команда, а досталось за все, пожалуй, одному Беланову. Игорь вспоминает об этом с особой болью:

— На собрании команды Эдуард Васильевич Малофеев учил настоящий разнос. Сказал даже, что играть вдесятером было сложно. Словно я вообще отсутствовал на поле. Обвинил меня в трусости. Не знаю, может ли в таком тоне тренер сборной говорить с игроками...

Представляете, с каким настроением возвратился Беланов в свой клуб после неудачной игры главной команды страны против сборной Дании?! Такой дебют в сборной морально надломил футболиста. До конца сезона он и в «Динамо» показывал не очень-то ровную игру.

А Лобановский продолжал верить в этого футболиста. И это не журналистский штамп, а действительность.

— Для Беланова киевское «Динамо» — новый коллектив, — говорил мне старший тренер киевлян в июле 1985 года. — Иные требования, совершенно новая для него программа подготовки. Нужно время для того, чтобы ко всему этому адаптироваться. Мы верим в этого футболиста, и, думаю, настанет время, когда он снова будет показывать стабильно высокий уровень игры.

...Игорь Беланов возвратился в сборную Советского Союза уже вместе с ее новым главным тренером. За три недели до старта XIII чемпионата мира.

— Лобановский помог мне раскрыться. У этого тренера нет любимчиков, — говорит Беланов. — Он со всеми одинаков — жесткий и требовательный. Поэтому-то футболист у него просто растет на глазах. Возьмите, к примеру, Ваню Яремчука, Васю Раца или Пашу Яковенко. Кто они? Футбольные дарования? Яркие таланты? Но если так, то почему же еще полтора-два года назад о них никто всерьез не говорил??!

Напоминаю Игорю о самой драматической для нашей сборной игре в Мексике:

— Представляю, как лично вам было обидно уходить с поля после поражения от бельгийцев. Вы-то забили в ворота Пфаффа три гола и стали подлинным героями проигранного нашей командой матча?! И после финального свистка арбитра, о чем я узнал из репортажа в «Комсомолке», упали на траву и заплакали?

— Так и было. Рыдал и, кажется, первый раз в жизни не скрывал своих слез... Но из Мексики мы все же уезжали без особой горечи. После игры с Бельгией команду собрал Лобановский. В точности запомнил его слова: «На этом футбол для вас не кончается. Вы молодые, и основные игры у вас впереди. Кто бы ни был тренером сборной, вам нужно думать о будущем, нужно готовить себя к чемпионату Европы, к новым серьезным испытаниям. Это главное».

Лобановский не случайно сделал акцент на словах «кто бы ни был тренером сборной». Проблема тренеров — одна из болевых точек нашего футбола. Пожалуй, нет у нас в стране такой другой более «незащищенной» профессии, как футбольный тренер. К примеру, только в минувшем сезоне в половине команд высшей лиги (!) по различным причинам были смешены со своих постов старшие тренеры. Заметим, что двое из них носят высокие звания заслуженных тренеров СССР, а пятеро — заслуженных тренеров республик. Лобановский как-то заметил, что жизнь футбольного тренера такова, что он постоянно должен быть готов к худшему...

Но на этот раз все обошлось. Судьбе было угодно (и руководителям Госкомспорта тоже!), чтобы Лобановский остался у руля главной команды страны до 1990 года, как записано в постановлении.

...В конце сезона-86 многие из тех журналистов, которые еще год назад в референдуме ежедельника «Футбол — хоккей» даже не упоминали фамилии Беланова в своих анкетах, теперь называли его в числе лучших футболистов страны. Заговорили о нем и в европейской прессе. В последнем номере минувшего года «Франс футбол» на своей суперблажке поместил фотографию: Игорь Беланов рвется в атаку. А на развороте этого номера рассказ о новом обладателе «Золотого мяча» под броским заголовком: «Наследник Яшина и брат Блохина».

Игорь Беланов родился 25 сентября 1960 года. В жизни, как считают многие, наш популярный футболист очень скромен. Пожалуй, даже застенчив. Среди форвардов мексиканского чемпионата мира он казался самым изящным (рост Беланова 174 см, вес 69 кг). К своей популярности относится с достаточным пониманием. Я видел, как после труднейшего для киевлян последнего матча 49-го чемпионата страны журналисты настойчиво просили Беланова «особо отметить» партнеров по клубу и сборной, которые отличились в сезоне-86. Над ответом Игорь не задумывался, сказал сразу:

— Я бы не называл одного-двух или даже трех игроков. Если в киевском «Динамо» не было бы коллектива, не было бы на поле заметно никого из нас. Не было бы такой игры!

Достойный ответ, который, думаю, в комментариях не нуждается.

ЛЮТСЯ ВЕСЕ

Назыму Хикмету
исполнилось бы 85 лет...
Мы предлагаем вашему вниманию
неизвестные стихи
выдающегося поэта,
а также интервью, взятое у него
журналистом Джованни Крино
для итальянского журнала

«Реальта Советика»
в январе 1963 года.

Размышления
о советском искусстве,
литературе,
их проблемах и путях развития,
высказанные в интервью
Назымом Хикметом,

навеяны идеями нравственного
обновления, которое,

как мы помним,
особенно ощущалось

после XX и XXII съездов КПСС.

Думается, что эти размышления

актуально прозвучат и сегодня,

в эпоху гласности,

перестройки и демократизации,

развивающихся в нашем обществе.

«Огонек» публикует также

иллюстрации к стихотворениям

Хикмета (см. 4-ю обложку),

выполненные

ушедшим недавно из жизни

замечательным итальянским

художником, коммунистом,

лауреатом международной

Ленинской премии

«За укрепление мира

между народами»

Ренато Гуттузо.

Назым ХИКМЕТ

— В последние годы у нас было опубликовано значительное число романов и произведений советской поэзии, которые вызвали интерес западной печати и общественности новизной содержания, свидетельствующей о «потеплении» в литературе и поисках новых выразительных средств, в ряде случаев подсказанных изучением литературного наследия... Какими вам видятся перспективы подобного расцвета художественной литературы?

— Этот процесс непрерывно развивается, постоянно ведутся поиски, которые еще принесут свои плоды. Но прежде всего надо напомнить, что в истории советской литературы я выделяю три периода: первый — с Октябрьской революции и до наступления того, что обычно называют периодом культа личности, второй — период культа личности Сталина со всеми его пагубными последствиями, о которых уже было сказано. И, наконец, третий, начало которому положил XX съезд Коммунистической партии. Несмотря на потерю, понесенные советской культурой в результате культа личности, неправильным было бы утверждать (хотя некоторые это делают), что сопутствующая ему фаза развития культуры характеризовалась полным или почти полным отсутствием высокохудожественных творений. Были созданы, например, прекрасная музыка Д. Шостаковича и равные ей литературные произведения. Конечно, многие из них увидели свет лишь позднее, но родились они именно в 30-е и 40-е годы. Хочу подчеркнуть, что все три периода тесно взаимосвязаны и не следует их искусственно разделять.

— Можно ли заключить, что вы не сторонник концепции, распространившейся в последнее время среди журналистов и других специалистов-советологов, по которой схематически противопоставляются, как черное белому, прошлое настоящему?

— Мы были свидетелями расцвета, очаровательного и романтического освобождения искус-

ства, многочисленных попыток найти новые выразительные формы в 20-е годы. За этим последовал период поистине средневекового обскурантизма, но и в средние века, особенно в Италии, рождались великолепные образцы высочайшего искусства. Основная масса населения была занята строительством первого в мире социалистического государства, несмотря на серьезные многочисленные отклонения от тех жизненных и партийных норм, которые отстаивали Ленин и Луначарский...

— ...Что было вами ярко показано в сатирической комедии «А был ли Иван Иванович?», которая, насколько мне известно, скоро вновь пойдет в одном из московских театров?

— Надеюсь, и в других городах тоже. Я хочу сказать, что великолепные традиции культуры и искусства 20-х годов не исчезли, как по волшебству, после нескольких, подчас нелепых административных мер. Скорее — как подземные воды, пробивающие себе путь через геологические пласти различной твердости, превращаясь порой в узенький ручеек, — эти традиции нет-нет да и выходили на поверхность. Например, в 1951 году в известном своим академизмом московском Малом театре я видел спектакль, в котором ожили, пускай, так сказать, нелегально, театральные традиции школы Мейерхольда. Ведь творчество Мейерхольда, столь тесно связанное как с лучшими традициями русского дореволюционного театра, так и с блестящими театральными экспериментами 20-х годов, вновь привлекло к себе внимание молодых поэтов, писателей, кинематографистов и т. д. В конце концов такой типичный представитель советского авангардизма, как Маяковский, не сошел со сцены даже в самые трудные времена при всех тех искажениях, которым были подвергнуты образ Маяковского-человека и его творчество.

ЧИСЛЕ ЖИВЫХ НА МИР

— Последствия культа личности в области культуры оказались меньше на национальных республиках Советского Союза?

— Я бы не сказал. И все же, возвращаясь к нашей теме: даже в те времена выделяются годы, когда спонтанно возникают замечательные формы художественного выражения, как, например, многочисленные песни, написанные советскими поэтами. Это, само собой, песни о войне — к сожалению, они на Западе мало известны. В это же время Твардовский пишет свою прекрасную поэму «Василий Теркин».

Вот еще что хотелось бы отметить. Читая статьи и монографии о советском искусстве, иногда обращаешь внимание на смещение того, что ново, поскольку привнесено молодыми, и того, что является собственно новаторским. Ведь не всегда то, что создано молодыми, отличается подлинной новизной, часто подлинно новое выходит из под пера сорокалетних или пятидесятилетних художников. В возрождении лучших традиций советского искусства первого послевоенного десятилетия участвуют и пятидесятилетние художники из разных республик Советского Союза (тех, где в той или иной степени традиции существовали), например, азербайджанский поэт Расул Рза, автор интереснейшей поэмы, повествующей о невзгодах, которые выпали в период культа на долю азербайджанского народа. Главный герой ее — сам поэт. В творчестве Рзы много нового и с точки зрения формы. Впрочем, поэтов отнюдь не молодых, чьи поиски в области формы гораздо интереснее того, что делает, скажем, Евтушенко, сейчас немало.

— Как я понял из сказанного вами, в современной советской поэзии наметился целый ряд тенденций, представляющих определенный интерес...

— Безусловно. Конечно, я имею в виду не разнообразие политических тенденций, а многообразие эстетических интерпретаций в свете марксистско-ленинской теории, в свете действительности, чрезвычайно противоречивой и побуждающей к поискам. Важно быть уверенным в том, что будущее всего мира — социализм, и в том, что эстетические проблемы решаются с марксистско-ленинских позиций, что касается формы — главное, по-моему, не впасть в догматизм. Сейчас отчетливо ощущима тенденция к росту многообразия форм и разнообразия содержаний произведений, сохраняющих при этом свою национальную сущность и приобретающих все более интернациональный характер. Это, в частности, облегчает перевод современной поэзии.

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу отметить, что в одной только Российской Федерации творят такие непохожие друг на друга поэты, как Слуцкий, Мартынов, Вознесенский и особенно Винокуров, который сейчас обращает особое внимание на поиск новых выразительных форм. У этих поэтов различен не только стиль, но и способ восприятия мира. Еще один поэт, которого необходимо упомянуть, — Булат Окуджава. Использованием в своих стихах разговорного языка он иногда напоминает мне французского барда Жоржа Брассанса, тоже исполняющего под гитару свои стихи.

— И в СССР, и в Италии нашлись люди, иронизирующие над гитарой Окуджавы. Аккомпанемент, по их мнению, чуть ли не снижает уровень самой поэзии...

— Это — глубокое заблуждение. Если бы я умел, то тоже подыгрывал бы себе на гитаре. По сути дела, это еще одна возможность самовыражения. Достаточно вспомнить трубадуров... Окуджава, безусловно, один из самых интересных молодых советских поэтов. Эти молодые вошли в искусство со словами правды, так контрастировавшими с «блакиркой» действительности. Тем самым они вернулись к лучшим традициям русской поэтической классики. Если в творчестве Евтушенко в последнее время преобладает общественно-политическая тематика, то Мартынов исследует психологию современного человека. Я слышал, как Луначарскому сказали: «Именно писатели и поэты должны рассказать нам о том, какие они, русские рабочие и крестьяне». Так вот, некоторые советские литераторы приступили к этому. И это лишь начало. В целом я оптимист и очень рад тому, что недавно в Москве подавляю-

щее большинство представителей «старой гвардии» Союза писателей проявили желание всячески помогать молодым, новаторская роль которых получает все большее признание.

— Что вы думаете о переводе поэзии вообще и о переводах стихов некоторых советских поэтов в частности? Кого, например, сложнее переводить — Вознесенского или Евтушенко? Одно из стихотворений Евтушенко посвящено как раз той роли, которую играет в поэтических переводах музыкальность стиха.

— Одни поэты лучше поддаются переводу, другие — хуже. Легче переводить те стихотворения, в которых много образов. Например, в Турции стихи Тагора были великолепно переведены прозой. Если же прелест поэзии и в изысканной музыкальности языка — такова, например, поэзия Пушкина, — тогда дело обстоит гораздо сложней. Если поэт строит произведение на бесконечной игре слов, разного рода ассоциациях, как это делает, например, Вознесенский, — перевод его стихов прозой проблематичен. Его поэзия при переводе теряет гораздо больше, чем стихи Евтушенко, во всяком случае, написанные в последнее время. Ведь творчество Евтушенко первого периода мало похоже на то, что он пишет сейчас. Винокурова, которым я восхищаюсь, переводить легко.

— Русские переводчики стихов — почти всегда сами профессиональные поэты — сохраняют при переводе поэтическую форму. Правы ли они?

— Этот вопрос касается меня непосредственно. Мои произведения переводятся с турецкого на русский. Я никак не могу согласиться с Евтушенко. Пускай будет меньше музыкальности, меньше рифмы, но больше настоящей поэзии. Хотя, как я уже говорил, в некоторых стихотворениях, кроме музыкальности, ничего нет.

— Пошло ли советским литераторам на пользу то, что они, наконец, получили доступ к произведениям, созданным в 20-е годы Цветаевой, Пастернаком, Хлебниковым и другими?

— Еще бы! Ведь раньше они, не будучи знакомыми с лучшими традициями русской литературы, нередко «открывали Америку». То же самое следует сказать и о театре, живописи, об искусстве вообще. Хочу сказать еще о 20-х годах, о созданных в то время значительных культурных ценностях. Надо, чтобы эти сокровища культуры, здохновленные Октябрьской революцией, становились известны людям всех стран. Меня очень обрадовали публикации и репродукции произведений 20-х годов в еженедельниках «Эуропа леттериа» и «Контампоранео», в недавно вышедшем сборнике сочинений Мейерхольда, в других изданиях. Я рад, что итальянцы взялись за это полезное дело с таким жаром. В этой области итальянские журналисты и издательские работники, так много сделавшие уже для популяризации советской литературы, должны быть впереди. Особенно мне хотелось увидеть публикацию книги о полиграфическом искусстве той поры с репродукциями афиш 20-х годов — таких эффектных и выразительных. В молодости я впервые приобщился к марксизму благодаря такой вот огромной и яркой афише. Что же касается литературы и искусства 20-х годов, к которым мы, ясное дело, должны подходить критически и, несмотря на их бесспорную значимость, без идеализации, тут я хочу еще раз напомнить: для того чтобы критиковать, надо знать. И в заключение, пускай я даже повторюсь, скажу вот что: говоря о новом в советской литературе и искусстве, не следует слишком обращать внимание на возраст творцов и при оценке произведений исходить только из их содержания. Кроме того, никак нельзя забывать о других республиках — многонациональном хоре советского искусства. Пользуюсь случаем, чтобы сказать, как я был рад, когда узнал, что ваш Гуттузо, творчество которого я так люблю, удостоен звания почетного члена нашей советской Академии художеств. Я видел фильм, где были использованы его иллюстрации к «Божественной комедии», вышедшей в издательстве «Мондадори», и горжусь, что именно Гуттузо иллюстрировал полное собрание моих сочинений, которое вышло под вашей редакцией в издательстве «Эдитори Риунити».

Публикация В. ТУЛЯКОВОЙ-ХИКМЕТ.

Звезды зажглись в вышине,
я вас люблю,
ночь разметалась во сне,
я вас люблю,
наши сердца,
наши сердца —

как два человека вовне:
оба похожи на нас,
похожи — и так непохожи,
чище,

смелее,

моложе.

Мы умны, расчетливы чересчур,
повинуемся власти рассудка.
Даже когда доверяем,
прислушиваемся чутко
к своим подозреньям и страхам
и где-то на самом дне, — хитреца.
Смеются и плачут наши сердца,
а мы раздражаемся, недовольно брюзжим.
Моя повелительница, госпожа,
я вас люблю, Пирей-ханым.

1943.

ВОЙСКОВОЙ СМОТР

Это фото помещено
на самом видном месте в газете.
Изображает оно —

в ярком полуденном свете —
смотр воинской части в Измире.
Стоят не шелохнутся войска.

Руку, сверкающую, словно нож мясника,
к козырьку поднеся,
инспектирует строй солдат
генерал иностранный, американец.

Что ни шаг — то пинок
нашей родимой земле.

Сзади плется второй генерал, наш турецкий.
Лицо его затенено, в полумгле,
что оно выражает — не различить:

подобострастье?
Может быть, стыд или гнев?
Стоят солдаты, окаменев,

со стиснутыми зубами,
с опущенными головами.

Надеюсь, солдаты в последний раз
в смотрах таких

принимают участие.

1962.

ВЕСЕННИЕ ЛИВНИ

Сквозь ливень восходит заря над Берлином,
птицы сквозь ливень поют, из стекла,
добрые вести приходят сквозь ливень,
летят самолеты сквозь ливень, идут поезда,
сквозь ливень и я доберусь до Москвы,
вынырну вдруг из дождя — и увижу тебя.
Льются весенние ливни на мир.
Я вынырну вдруг из дождя, я в Москве.
Сразу же вижу тебя — в ожиданье,
дождя сверкают в твоих волосах,
дождя плащ твой блестящий унизан.
Открывается солнце сквозь ливень,
дома и деревья — в сплошной синеве.
Булькающая дождевая вода
нашей разлуки смывает следы.
Я не был так счастлив еще никогда.

Не был так счастлив еще никогда.
Булькающая дождевая вода
нашу разлуку с собой унесла.
Дома и деревья — в сплошной синеве.
На мостовых — зеркала.
Вся Москва — в зеркалах золотых.

Москва, мой любимый, желанный мой дом,
мои девятнадцать, мои шестьдесят,
Москва, мой учитель, товарищ и брат,
она мне тебя подарила — Москва.

Пусть льются весенние ливни на мир,
птицы поют — сквозь весенние ливни;
детей и посевы, добро и надежду,
пусть возвращают весенние ливни.

1963.

Перевод с турецкого
Алева ИБРАГИМОВА.

Смерть солдата. 1941 год.

Муки творчества [Галина Болчук, главный режиссер театра «Современник»]

ФОТОВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН

Ф

отокорреспондент журнала «Советский Союз» Анатолий Сергеевич Гаранин любит повторять им же созданный афоризм: «Сделать подлинную творческую вещь — значит поймать жар-птицу, но ведь надо и быть готовым, чтобы поймать ее».

С этой «готовностью № 1» он вошел в фотографию и находится в этом состоянии по сей день, в канун своего семидесятипятилетия.

Философ и тонкий знаток музыки, воин и жадный до жизни человек, страстный попемист и убежденный пропагандист — таков он в жизни и в своем искусстве фотографии.

Войну он снимал в самые трудные первые три года. Ходил в штыковые и танковые атаки, вооруженный лишь фотоаппаратом и пистолетом, из которого так и не сделал ни одного выстрела. Зато фотокамера работала без уста-

ли. Часто его поступки граничили с безрассудством. Но осознание этого приходило потом. После боя.

Война на его снимках выглядит обнаженно просто. И потому страшно.

Имя автора снимка «Смерть солдата» сегодня широко известно зрителю. Фотографическая общественность выражает свою признательность Гаранину многочисленными призами и медалями высшего достоинства за работы, уже сделанные, а он неугомонно торопится на новое задание, к достижению новых тайн человеческого бытия.

Гаранин знает, зачем пришел в фотографию, хотя постоянно задает себе этот вопрос. Задает, чтобы отвечать на него новой работой, новым фотографическим исследованием. И в добное мирное время он стремится первым выйти на Передовую.

Николай ЕРЕМЧЕНКО

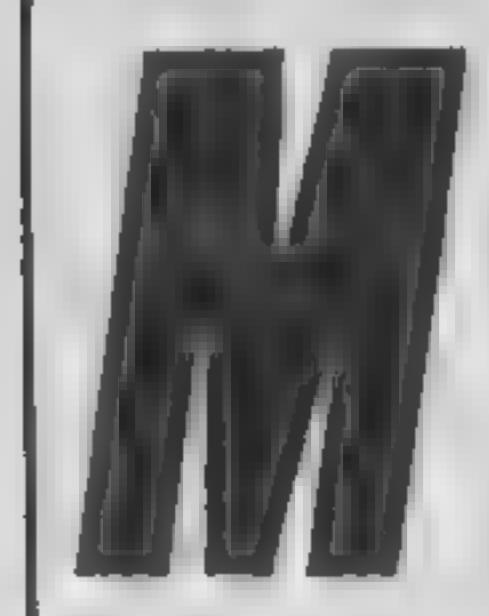
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин ведут дело об исчезновении профессора Георгия Мартыновича Солитова. Они выясняют, что профессор-химик проводил опыты на своей даче. Это и привело к взрыву в его кабинете, так как что-то заставило экспериментатора срочно отлучиться. При этом Солитов снял со сберегательной книжки тысячу пятьсот рублей. Проверка в больницах и «Скорой помощи» ничего не дала. Следствие выдвигает одну версию за другой, но они пока что не находят подтверждения.

ежду застекленными двусторчатыми шкафчиками, стилизованными под готику, чудом уместился письменный стол с бронзовыми принадлежностями и легкомысленный ампирный секретерчик. На нем стояла чашка с пыльными камешками, поддерживавшими засущенный пучок пахучей травы. Раньше эта безыскусная икебана едва могла привлечь внимание Люсина, но теперь он первым делом замечал цветы, даже такие непрятательные.

— Что это?

— Тимьян вроде, а может, чабер... Не помню точно. Жена для отца везла из Монсегюрской крепости вместе с каменьями.

— Она была в Монсегюре? — уважительно удивился Владимир Константинович.

— Мы вместе совершили это небольшое путешествие, — объяснил Берсенев. — Очаровательные городки попадаются в Пиренеях. Кроме телевизионных антенн и электричества, никаких примет века. Сумели как-то законсервироваться... Наш-то обожал старину! Хлебом не корми. Особенно с чертовщинкой. Жена для него еще клубни какие-то откопала мерзящего запаха, но я их тишком повыбрасывал.

— А я вот не был в Монсегюре, — непроизвольно пожаловался Люсин.

— Не жалейте — ровным счетом ничего интересного. Крутая гора — семь потов сойдет, пока заберешься, — а на ней развалившаяся стена. Только и всего. Никакого впечатления. Моя Людмила Георгиевна чуть ночевать там не осталась. Спасибо, альпинисты какие-то выручили. Нормальному человеку туда без веревок и крючьев разных и не взобраться. И зачем, главное? Ни музея, ни ресторочка, даже киоска с проспектами не догадались выстроить... Снаряжение у этих ребят, надо отдать справедливость, первоклассное. Спустили мою благоверную, словно ангелочка какого-нибудь.

— Альпинисты?

— Ну да!.. Или, может, спелеологи.

— Не немцы случайно?

— Немцы! — Берсенев удивленно заморгал. — Вы-то откуда знаете?

— Так, понимаете ли, умозаключение. — Люсин задумчиво склонил голову к плечу. — Наслышенное о чем. Будьте уверены: никакие это не спелеологи и не альпинисты. Охотники за катарами сокровищами, авантюристы. Если, конечно, не хуже.

— Думаете, бандиты? — Игорь Александрович озабоченно насторожился. — Террористы?

— Это еще не самое страшное. Ваши спасители могли оказаться эсэсовскими последышами, нацистами. У них давняя страсть к альбигойским пещерам.

— Что вы говорите! — Берсенев всплеснул руками. — А у Люды чутье! Она сразу выдала себя при знакомстве за финку. — Он был явно напуган, заново переживая случившееся. — Могла выйти история...

— Ведь это только предположение. Наверное, туда приезжают и вполне порядочные люди, действительно спортсмены... Приятно пахнет! — Люсин вдохнул исходившую от крохотного букетика благоуханную волну. — Даже легонько голова покруживается.

— Это, наверное, отсюда. — Берсенев открыл один из шкафов, в котором хранились уложенные плащмя длинные и плоские ящики. — Гербарий.

— Вот оно что! — Люсин сразу узнал преследовавший его с некоторых пор непередаваемый запах, навевавший чары старинных аптек, лечебных дацанов и знахарских базаров.

— Он сам собирал! Еще в пятидесятых годах... И ведь до сих пор благородствуются. Чувствуете, какое амбрэ?

— Лишнее доказательство, что высушенные растения с каждым днем теряют свои силы. — Люсин мысленно перенесся на темный чердак, где бабка Аглай сушила свои сборы. Под всем объемлющей властью запаха сжалось сердце. — Приходится ждать новой луны, обновлять запасы. Кропотливый, незамечаемый труд без надежды на благодарность. Сколько их, травознаев, сожгли на огне, забили оглоблями, но не умерла древняя мудрость. Дождалась своего часа. — Он, благодарно погладив полированную фанеру, выдвинул самый верхний ящик.

На листе рисовой японской бумаги, испещренной декоративными жилками, был укреплен оранжевый венчик с зеленым стеблем, листьями и волокнами корневища. Рядом чернели зрелые семена.

«Adonis vernalis», — ясно читалась тонкая каллиграфия. — Жар-цвет».

Справившись с описью, приклеенной на обратной стороне дверцы, Люсин скоро догадался, что гербарий составляли исключительно зеленые, в основном чародейные травы. И здесь Солитов оставил верен себе.

На нижней полке стояли пухлые папки с характерными надписями на корешках: «Эликсир Розенкрейца», «Чай Сен-Жермена», «Средство Макропулоса».

Теперь Владимир Константинович понимал, с чем имеет дело. Вооруженный обрывками знаний, почерпнутых у Бариновича, он смело вытащил досье на откровенно алхимический «Золотой раствор». Это была самая тонкая из папок. Никелированная дужка скосорасшивателя скрепляла лишь несколько наклеенных на картон фотографий, запечатлевших совершенно неведомые округлые письмена.

Люсин бережно вернул папку на место и принялся переписывать этикетки в блокнот. Дойдя до уже встречавшейся ему «Мази ведьм», он не сдержал любопытства. На сей раз досье оказалось куда более представительным. Помимо разноязычных фотокопий, в нем были машинописные страницы, вырезки из газет и журналов. Даже Брюсов, Булгаков, Шарль де Костер не прошли мимо бдительного ока Георгия Мартыновича. Со свойственной ему пунктуальностью соответствующие выдергивали аккуратно подковы и снабжены обстоятельными комментариями. Из них Люсин узнал, в частности, что его любимый Костер с юношеских лет собирал древние фланандские легенды и в таком, осторожно говоря, специфическом вопросе, как полет на шабаш, считается крупным авторитетом. Именно на него ссылался американский профессор, по всему

видно, отчаянный знаток черной магии, доказывая, что ручка «настоящей» летучей метлы изготавливалась именно из бересклета. Соответствующая статья была напечатана в еженедельнике «Новая метла» и датирована 1984 годом.

Венцом беспрецедентного собрания самой дремучей ереси явилась итоговая записка, где Георгий Мартынович предпринял попытку заново воссоздать утраченный, а возможно, и вовсе никогда не существовавший рецепт. Чего только не было в этой леденящей кровь прописи! Змеиный жир и нутряное сало енотов, красавка и белена, дурман, аконит и жабья слизь. Не обошлось, конечно, без цветов кувшинки и корней мандрагоры.

Однако интереснее всего был конечный вывод исследователя.

«Гансик сказал правду, — писал Солитов своим бесподобным почерком, ссылаясь на «Тиля Уленшпигеля». — Снадобье, которым он снабдил Катлину, обладало ярко выраженной анестезией и вызывало галлюцинации. Несчастным женщинам только казалось, что они летали на сатанинский бал, где предавались омерзительным танцам с дьяволами и варили в кotle младенцев. Но прав и Булгаков! Мазь, которую поднес Маргарите Николаевне Азазелло, действительно должна была легко всасываться, холодить кожу и отдавать болотной тиной».

Далее шли совершенно непонятные Люсину структурные формулы, где шестиугольные ячейки бензола были опутаны разветвленной паутиной всяческих радикалов.

— А здесь у нас хранятся уникумы! — В голосе Берсенева отчетливо прозвучала гордая радость. — Латинские, греческие, арабские, древнееврейские и даже коптские рукописи. Есть кусочек подлинного египетского папируса из храма Тота в Фивах. Вы даже не представляете себе, сколько все это может стоить! Там у них на ежегодных аукционах за какой-то клочок пергамента платят фантастические суммы!.. Впрочем, я не специалист, — внезапно спохватился он. — Возможно, вся эта макулатура и не имеет особой ценности. Ведь одно дело — личные письма Наполеона или чертеж Леонардо, другое — заумная и заведомо лживая белиберда. Кто на такое польстится?.. Вообще-то у них там большой интерес ко всяческому мракобесию, — добавил он для пущей объективности.

— А где травники? — спросил Люсин, никак не отреагировав на столь очевидные противоречия. — Ятромия, Парацельс?

— По-видимому, где-то тут. — Берсенев открыл шкаф, над которым висел гравированный портрет монаха с тонзурой и в сутане. В арке из терниев, где сплетенные колючки перемежались усатыми жучками, ящерицами и тугими бутонами роз, готическим шрифтом значилось: Albertus Magnus.

Но Игорь Александрович еще недостаточно свободно ориентировался в уникальном собрании, которое уже почитал своим. В шкафу, над которым простоял натруженные костистые дланни Альберт Великий, стояли справочники и энциклопедии: Брокгауз и Ефрон, три издания БСЭ, Британика, Большой Ларусс и уникальный словарь Диодора — Д'Аламбера — первый свод мудростей европейской.

Интересовавшие Люсина книги хранились, как вскоре выяснилось, в секрете, ключ к которому пришлось искать в ящиках письменного стола, забитых бумагами и канцелярской мечью.

Бережно перелистывая раскрашенные от руки рисунки растений, Люсин пытался представить себе, как выглядел тот, пражский травник, которому, возможно, было предназначено сыграть в жизни Георгия Мартыновича роковую роль. Скорее всего, он мало чем отличался от этих пухлых, растрепанных томов, оттиснутых в Варшаве.

— Ничего не могу вам сказать. Большая часть библиотеки перешла к моему тестю по наследству. Вы разве не знаете, что его отец был знаменитым в свое время врачом?

— Откуда ж мне знать, Игорь Александрович?

— Я-то, грешным делом, полагал, что вам все известно, вся подноготная, так сказать...

— Если бы!.. Он случайно не поддерживал контактов с коллекционерами, может быть, букинистами?

— Понятия не имею... Людмила Георгиевна ужасно переживает. Мне бы не хотелось оставлять ее надолго одну.— Берсенев весьма прозрачно намекнул, что начинает тяготиться распросами.

— Да-да, конечно,— заторопился Люсин.— С вашего позволения я возьму на какое-то время эту записную книжку!

Глава семнадцатая

БОБЫ ПРАВОСУДИЯ

В засаленной, распадающейся на отдельные листки записной книжке, скрепленной для верности аптечной резинкой, Люсин насчитал шестнадцать Петров. Первым в его списке стоял Петр Александрович Берсенев, судя по всему, брат Игоря Александровича, последним — Петя Чадрис. Единственный, кто так прямо и значился: Петя. Рядом с именем было записано два телефонных номера.

Для чопорного даже наедине с собой Георгия Мартыновича подобное амикошонство казалось настолько несхожим, что Люсин и не подумал усомниться в точности попадания. По всему выходило, что удалось выйти на того самого книжника Петю — не удостоенного отчества спекулянта и вынужден был поддер-

ве и Дрездене. На одном из них виднелась издательская метка, изображавшая череп с выползающей из темной глазницы змеей. Зловещая виньетка напомнила Владимиру Константиновичу «Песнь о вещем Олеге». В хаотическом клубке всяческих случайностей и впрямь проблескивали кованые звенья предначертаний.

Кроме зеленых сборников и алхимических раритетов, вроде Раймунда Луллия, изданного знаменитым Альдом Мануцием, в секретере лежали и творения современных авторов. Сложеные отдельной стопкой, они ершились множеством закладок. Здесь были работы Лосева, Аверинцева и уже знакомая монография Бариновича. Проконтролировав несколько закладок с пометками Солитова, не представлявшими особого интереса, Люсин уже собрался было задвинуть всю кипу на место, как вдруг наткнулся на голубую обложку с романтической каймой «Золотой библиотеки» фантастики и приключений. Сердце радостно встрепенулось до того, как глаза успели схватить название: «Сокровища Монсегюра». Эту книгу, написанную Березовским по горячим следам дела, которым он, Люсин, продолжал втайне гордиться, не узнать было просто немыслимо. Давным-давно законченное и сданное в архив, оно время от времени продолжало напоминать о себе глухими отголосками и престранного свойства совпадениями. Люсин не остался безучастным к отдаленному зову и все, что значилось на закладках, добросовестно переписал в свой блокнот. В том числе и такие эмоциональные заключения, как «Бред!» и «Чушь!». Особое недовольство почему-то вызвали у Солитова те места, где Березовский пускался в домыслы на счет жезла великого магистра Мальтийского ордена.

— Наверное, это исключительно ценные книги? — как бы вскользь уронил Люсин, перелистывая напоследок лечебник из Аугсбурга.

— Не чрезмерно,— покашлив в кулак, осторожно ответил Берсенев.

— Интересно, где Георгию Мартыновичу удалось раскопать подобные редкости? Наверное, он был связан с другими любителями? — Владимир Константинович извлек из маленького ящичка давно запримеченную им записную книжку и, не глядя, словно по рассеянности перелистал истрепанные, сверху донизу исписанные страницы.

живать отношения даже такой высоконравственной и принципиальный человек, как профессор Солитов.

Мысленно поздравив себя с выходом на цель, причем с первого же захода, Владимир Константинович позвонил в справочную. И тут всем его далеко идущим надеждам пришел бесславный конец. Петр Григорьевич Чадрис оказался не только человеком довольно-таки пожилым, но и весьма заслуженным. Доктор медицинских наук, профессор, автор великого множества печатных работ, он вот уже сорок лет заведовал отделением природотерапии в Институте курортологии. На крайний случай он мог быть лишь овцой, которую стриг книжник Петя, но никак не им самим.

И все же после недолгого размышления Люсин решил нанести ему короткий визит. Пренебречь единственным уменьшительным именем во всей записной книжке было бы попросту глупо. Теперь оно расшифровывалось почти однозначно: старый друг, возможно, даже друг детства, самый-самый.

Чадрис, которому Владимир Константинович позвонил на работу, о случившемся уже знал и сразу же согласился на встречу.

Здание института, высоко приподнятое над улицей на массивном гранитном цоколе, поразило Люсина своей демократичной доступностью. Больные, большей частью страдающие ожирением, беспрепятственно ходили вокруг дома, лоячи оставающимся осеннего солнца. Свободно, без всяких пропусков и паролей, входили и выходили торопливые посетители — многие, очевидно, лечились амбулаторно, и даже перед оконком регистратуры практически не было очереди.

Обойдя просторный сумрачный вестибюль, где изрядно попахивало парным складом духом и грязями, Люсин нашел нужную лестницу и, не став дожидаться лифта, взбежал на третий этаж.

Петр Григорьевич оказался румяным жизнерадостным бодрячком, исключительно доброжелательным и не по годам энергичным. К потере друга он отнесся с мудрой сдержанностью медика, давно смирившегося с неизбежностью вселенского уничтожения. Бездушную логику природы, раз и навсегда пренебрегшей отдельно взятой судьбой во имя совершенствования вида, он воспринимал с несколько циничным беспристрастiem адвоката. Вернее, присяжного поверенного, который, хотя и одновременно чуточку презирая стоящий над ним закон, прекрасно усвоил все имеющиеся в этом законе лазейки.

— Жаль. — Едва поздоровавшись с Люсиным, он покорно развел руками. — Это был великий ум! У него в запасе оставалось еще семь-восемь лет неплохой жизни. Невосполнимая потеря для науки.

— Разве нам дано знать, сколько отпущено судьбой?

— Судьбой? — Чадрис снисходительно рассмеялся. — Не понимаю, о чем вы. Есть генотип, опирающийся на заложенную в клетках программу, и весь комплекс недугов, унаследованных, а также благоприобретенных в силу случайных причин. То, что вы называете судьбой, на самом деле является лишь грамотно составленной медицинской картой. За полвека как-нибудь можно научиться ее читать.

— И так вы можете сказать о любом? — с недоверчивым интересом спросил Люсин.

— С большей или меньшей степенью вероятности.

— Обо мне, например? Сколько я еще проживу? — полуслухом-полусерьезно осведомился Владимир Константинович.

— Что я, оракул? Или господь бог? Я бы сказал, если бы изучил вас так же хорошо, как и Юру: вашу психику, организм, биохимию... Впрочем, нет. Я бы вам ничего не сказал. Человеку незачем знать все до конца. В незнании, как и в иллюзиях, есть известная охранительная функция.

«Юра», — подумал Люсин с невольной печалью. Для него Георгий Мартынович был просто Юрай. Как для меня Березовский. Они беседовали за стаканом чая о смысле и сущности жизни, обменявшись сокровенными мыслями, и Юра любил Петю, и Петя любил Юру, что ничуть не мешало ему рассматривать кости друга на рентгеновском снимке, колдовать над формулой его крови, знать каждый камешек в почках и желчном пузыре. Вроде бы все нормально, а на поверху дико, непостижимо. Знать почти до года, что исчислены сроки, какие бы они ни были, и не думать об этом за шахматами или, скажем, в сауне, вдыхая смоляной жар. Все же удивительное создание человек!

— Скажите, Петр Григорьевич, как смотрит врач вашего класса на самого себя? — непроизвольно отвлекаясь от главной цели, спросил Люсин.

— Интересный вопрос! — оценил Чадрис. — Думаю, что никак. Нельзя в один и тот же момент сочетать в мозгу опыт врача и доверчивость пациента. Пациент обычно побеждает. «Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого». Шота Руставели это понимал!

— Вы лечили Георгия Мартыновича?

— Я наблюдал его... Да, скажем так.

— Короче говоря, давали компетентные советы?

— Не только. Время от времени он принимал у нас оздоровительные процедуры: йодо-броневые ванны, бассейн с морской водой, специальный массаж. Должен сказать, что это не только было ему показано, но и в значительной мере отвечало его научным представлениям и, не побоюсь сказать, душевному складу. Он был решительным противником синтетических препаратов. Только физиотерапия и, само собой, травы. Как же он в них разбирался! Здесь наши роли менялись. Здесь уже он становился наставником.

— А как вы с точки зрения современной медицины расцениваете такой подход? Переориентировку на траволечение, отказ от чистой химии и прочее?

— Исключительно положительно! Наш институт, должен отметить, традиционно делает упор на лечебное воздействие естественными факторами: движением, активными средствами природной среды, в частности минеральными водами, даже ландшафтом, оказывающим необыкновенно целительные результаты на весь организм! Это не означает, конечно, что мы полностью отвергаем медикаментозную терапию или хирургическое вмешательство. Ни в коей мере!

— Парацельс считал, что в природе припасено все, что нужно для исцеления. — Люсин пустил в ход излюбленный козырь.

— К сожалению, мы все дальше отываемся от естественной среды обитания, не будучи подготовленными к этому эволюционно, — согласно кивнул Чадрис и, как опытный лектор, поспешил пояснить: — Успешно осваивая прежде совершенно необитаемые области, например, космос, мы вовсе не перестаем быть той самой прямоходящей обезьяной, которой вздумалось сойти с дерева. В эволюционном смысле, разумеется... Ускоренные темпы и ритмы современной жизни не соответствуют биологическим реакциям, развитым в процессе длительного совершенствования. От этого никуда не денешься. — Он задумался, положив на стол все еще сильные, хотя и припорощенные желтыми возрастными пятнами руки. — Порой приходится слышать, что врачам, дескать, не до теорий. Нужно лечить конкретные болезни, а не умствовывать. Какой вздор! Все великие врачи прошлого были философами. Медицина вообще неотделима от познания коренных проблем. Недаром покойный академик Аничков считал, что невозможно исчерпывающим образом определить само понятие «болезнь», как нельзя дать определение жизни. Ведь, по существу, болезнь является одним из видов жизненного процесса. Да и где грани, отделяющая норму от патологии? Нет ее, этой грани. Врачи всего мира с особым интересом исследуют так называемую предболезнь — период, предшествующий появлению клинических признаков. А ведь еще древнеримский врач Гален говорил о переходной стадии между здоровьем и недугом. Великий Авиценна разделял состояния организма на целых шесть градаций: здоровье до предела; здоровье, но не до предела; не здоровое и не больное; хорошо и быстро воспринимающее здоровье; больное легко и, наконец, больное уже до предела. Знаменательно, что наука последних лет получает все больше подтверждений прозорливости гениального мыслителя. Врачу думать следует, а не заниматься писаниной... Однако я совсем заболтался! Почему вы меня ни о чем не спрашивайте?

— Слушаю, Петр Григорьевич, и, как говорится, мотаю на ус. С огромной признательностью.

— Но, я полагаю, вы явились ко мне вовсе не для того, чтобы выслушивать рассуждения о современных тенденциях медицины? Вы, наверное, хотели что-то спросить про Юру?..

— Вопрос — всегда насилие. Ударяешь, словно по рычагу автомата, чтобы он выбросил тебе пачку сигарет или шоколадку. Вы давно знаете Георгия Мартыновича?

— Да лет шестьдесят! В одном дворе жили, в одной школе учились. Но сблизились много позже, уже в студенческие годы. Я на шесть лет старше Георгия Мартыновича. — В последних словах Чадриса словно бы ожило эхо превосходства детской забытой поры.

— Боюсь, что теперь разрыв пойдет увеличиваться, Петр Григорьевич.

— Не думаю. Я давно заметил, что наши воспоминания не старятся вместе с нами. Помня

милых сердцу людей, мы и себя видим рядом с ними теми, какими были в ту пору. Не такими, как нынче.

— Очень тонкое замечание, — согласился Люсин. — И, главное, верное!.. Кстати, Петр Григорьевич, Солитов последнее время усиленно занимается альтернатиками.

— Он был одержим идеей сделать боль управляемой.

— Такое возможно?

— Он, во всяком случае, надеялся. В последнее время сделаны серьезные успехи в познании не только природы боли, но и сущности обезболивания. Оказывается, нервная система при сильных болях сама выделяет мощные анестетики. Они получили условное название «эндерфин». Солитов пытался обнаружить аналогичные химические структуры в растениях. Нечто подобное ему удалось выделить из так называемых «бобов правосудия». Знаете про такие?

— Первый раз слышу, Петр Григорьевич.

— Я тоже знаю о них лишь понаслышке. Где-то в Африке колдуны дают отведать такие бобы подозреваемым в совершении преступления. Невиновные после этого остаются живы, виновные погибают. Очевидно, срабатывает сложная психосоматическая система.

— Может, просто вера? Заклятье колдунаубивает лишь того, кто верит в него.

— Здесь дело обстоит много сложнее. Бобы действительно содержат очень сильный токсин. Поэтому в данном случае правильнее будет сказать, что слово колдуна или, ваша правда, вера в его магическую мощь способна не только убивать, но и вырабатывать в организме противоядие. Невиновный человек не испытывает страха и остается в живых. Вероятно, это связано с функцией симпатической нервной системы и ее медиаторов — адреналина и норадреналина. Другим средством, могущим нейтрализовать токсин «бобов правосудия», оказалось знаменитое кураре, яд, которым обитатели джунглей намазывают свои стрелы.

— Про кураре я знаю, — улыбнулся Люсин. — И не только из приключенческих книг.

— Принятый внутрь, он совершенно безопасен, но, попав в кровь, приводит к немедленной остановке дыхания. На основе кураре и экстракта «бобов правосудия» Юра надеялся получить новый класс эндерфинов... Годы, которые он не дожил, дорого обойдутся больным. Чадрис развелся и незаметно для себя повысил голос. — Вам не кажется странным, что из-за какого-то злобного недоумка жизни многих людей пресекутся до срока? Между тем это так. Все взаимосвязано в экологической системе Земли. То, что не успел закончить Солитов, будет в конце концов сделано другими. Но потерянные годы — да что годы! — дни и даже часы обернутся лишним страданием, а для кого-то... Словом, вы понимаете. Убийца вызвал цепную реакцию смерти. Да-да, Юру убили! — выкрикнул он, багровея. — Ваше предположение насчет какого-то самоотравления я категорически отменяю! С исследователем, причем экспериментатором, который все привык делать своими руками, ничего подобного случиться не может.

— Я не могу позволить себе отбросить даже самую ничтожную вероятность. Любая версия должна быть отработана.

— Острый приступ, причем с потерей сознания, со стороны внутренних органов практически исключается.

— Ваше мнение для нас крайне существенно, — поддакнул Люсин. — А как насчет сердца, Петр Григорьевич? Или, к примеру, инсульта?

— А молния вас не волнует, молодой человек? Ведь в принципе все может случиться, даже метеорит на голову упасть... Надеюсь, вы запросили больницы, морги?

— Всесоюзный розыск, Петр Григорьевич! — простонал Люсин. — Все случаи безымянных захоронений, и те на учете... И хоть бы намек на след! Вот уже третий день местность прочесывается.

— Значит, плохо ищете! Такой человек, как Солитов, не мог исчезнуть бесследно. Такие, как он, защищаются до конца. Юра был рыцарем без страха и упрека.

— Мне глубоко импонирует такая позиция, — согласно кивнул Владимир Константинович. — Но бывают случаи, когда разумнее уступить грубой силе. Деньги — всего лишь деньги, а жизнь не возвратима.

— Меньше всего его волновали деньги! — вскинул Чадрис. — Запомните это!.. На первом плане всегда стояло человеческое достоинство, которое он самоотверженно отстаивал от любых посягательств. На моих глазах Юра вступил за старика, над которым изгаялась шайка молодых гогочущих хулиганов.

Б. В. ЩЕРБАКОВ.
Род. 1916.
СМИРНОВСКИЕ
НЕЗАБУДКИ. 1968.

Начало на стр. 8.

Чеховым, Шолоховым. Помимо пейзажей, художник пишет портреты писателей: Л. Н. Толстой — на берегу реки Воронки в Ясной Поляне, И. С. Тургенев — в Спасском-Лутовинове, А. С. Пушкин — в родном Михайловском.

Портрет занимает значительное место в творчестве Бориса Щербакова. В каждом из них художник не только достигает внешнего сходства, но и пытается живописными средствами передать внутренний мир человека, его характер, его неповторимое своеобразие. К числу лучших работ этого жанра относятся портреты писателей К. А. Федина и Е. Н. Пермитина, академиков А. Е. Арбузова, Г. М. Кржижановского, Е. И. Чазова, трижды Героев Советского Союза летчиков И. Н. Кожедуба и А. И. Покрышкина...

Как и каждый человек, прошедший горнило войны, он через всю жизнь проносит в сердце память о ней. Еще в 1961 году пишет «Пепел Бухенвальда», спустя четыре года возвращается к военной теме в картине «Непобеди-

ПОРТРЕТ
В. А. ЩЕРБАКОВОЙ.
1950.

СУД НАРОДНЫЙ.
(РАЗИН СТЕПАН).
1986.

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН.
ЖИГУЛИ.
1978.

мый рядовой» — это рассказ о судьбе солдата, вернувшегося с войны на пепелище, но полного решимости построить новую жизнь. И, наконец, в прошлом году семидесятилетний художник пишет большое полотно «Зло мира. Век XX». Сюжет картины внешне очень прост — семья осталась без крова, дом разбомбили, и им некуда идти. Тема эта вечна — тема страдания и гибели ни в чем не виновных людей: женщин, стариков, детей — жертв войны; тема необыкновенно актуальная и сейчас. Художник завершает и самое значительное свое произведение, задуманное еще в сороковые годы. Это картина из исто-

рии восстания Степана Разина «Суд народный», которую он писал более тридцати лет. Возможно, у истоков ее создания — преклонение художника перед гениальными полотнами великого Сурикова...

Имя Бориса Валентиновича Щербакова известно и в нашей стране, и за ее пределами. Его персональные выставки с большим успехом проходили в Японии, США, ФРГ, ГДР, Чехословакии, Венгрии, почти постоянно путешествует небольшая передвижная выставка по городам Советского Союза. Десятки книг отзывов исполнены словами благодарности. «Благодарим за Вашу любовь к России, за Ва-

шу русскую душу, которой проникнуто Ваше искусство!» — пишут преподаватели МГУ на выставке в Москве в 1982 году. «...Великолепно!.. Приятно видеть, на что способны русские... Замечательный русский...» — писали американцы на персональной выставке Б. В. Щербакова в Нью-Йорке.

Язык настоящего, большого и правдивого искусства понятен каждому человеку в любом уголке земного шара; оно объединяет людей, пробуждает в них желание быть добре и лучше. И если это удается, значит, художник выполняет свое предназначение.

— И чем кончилось происшествие?

— Они осмелились поднять на нас руку, мерзяки! — хмуро процедил Чадрис, как-то сникнув. — Хоть бы кто заступился! Все спешили обойти сторонкой, словно это их не касается...

— Знакомая ситуация. — Люсину было о чём призадуматься. Рассказ Чадриса осветил характер Георгия Мартыновича с совершенно неожиданной стороны.

— И, к сожалению, очень типичная. Раньше молодые люди вели себя иначе.

— Не обольщайтесь насчет прошлого, Петр Григорьевич! Не про вас сказано, но еще при фараонах ворчливые старики жаловались на молодежь, пророча близкий конец света. И что же? Слава богу, живем. Станислав Ежи Ленц здорово сказал, что в середине каждого века бывает свое средневековье. Все поколения по-своему хороши.

— Мне нужно посмотреть больного. Вы не подождете в приемной?

— Уже ухожу. — Люсин поспешил подняться. — Только один вопрос напоследок.

— Где один, там и другой, я уж знаю. Вы все-таки подождите, — не допускающим возражения тоном распорядился Петр Григорьевич, склоняясь к рукомойнику. — Разговор у нас крайне серьезный.

Посторонившись, пропуская худосочную, заметно припадавшую на левую ногу девочку, которую подталкивала впереди себя раздраженная долгим ожиданием врача, Люсин закрыл за собой дверь и подсели к секретарше.

— Будете лечиться у нас? — поинтересовалась она, не отрывая глаз от сотрясаемой дрожью каретки.

— Я, девушка, не по этой части, как ни жаль.

— Что вы! Наоборот, хорошо.

Глава восемнадцатая

РЕЧНОЙ ТРАМВАЙ

Не застав Наталью Андриановну в институте — ему сказали, что у неё библиотечный день, — Люсин не без колебаний решился позвонить ей домой.

— Не уделите мне часик? — попросил с обезоруживающей откровенностью. — Сугубо лично...

Она согласилась, затаив удивление, и, недолго думая, назначила встречу на пристани у Киевского вокзала, неподалеку от дома.

Люсин узнал ее лишь в самый последний момент, когда она, легко перебежав через дорогу, нерешительно замедлила шаг. Скорее догадался, робко устремившись навстречу, что это она. И лишь после того, как Наталья Андриановна протянула руку в перчатке, он позволил себе улыбнуться. Мимолетная эта улыбка получилась натянутой, вымученной. Владимир Константинович никак не ожидал, что память сыграет с ним столь злокозненную шутку. Высокая женщина в коротком, перетянутом пояском плащике предстала невозвратимо чужой и как-то совершенно иначе, нежели запомнилось, красивой.

Не испытав тайно лелеемой радости и не находя подходящих слов от нахлынувшего волнения, Люсин увлек ее к лестнице, спускавшейся к причалу.

— Покатаемся на пароходике? — неожиданно для самого себя предложил Владимир Константинович.

— Вы странный человек. — Подняв воротник, Наталья Андриановна зябко передернула плечиками. — Какой пронизывающий ветер!

— Дрожь вселенского одиночества, — грустно усмехнулся Люсин. — Так назвал осень один мой друг. Она особенно остро переживается в городе, где природа зажата прямолинейностью камня.

— Он поэт, ваш друг?

— Что-то в этом роде. Да и какое это имеет значение? Главное, что он прав. Даже небо не свободно от города. — Люсин кивнул на белые клубы, застывшие над высокими трубами ТЭЦ. — Одурманенное дымом, оно безъязыко корчится в паутине проводов. Я еще помню, когда по Бородинскому мосту ходили трамваи. Кажется, тридцать первый и сорок второй. А тридцатый делал круг возле Киевского, высекая искры и требовательно звеня. Мы с ребятами вскакивали на ходу и мчались, стоя на подножках, навстречу обманчивым осенним ветрам.

— Так вот отчего вас вдруг потянуло совершить эту прогулку!

— А вот, кстати, и наш дредноут... Ну как, рискнем? — Не дожидаясь ответа, Люсин просунул деньги в окошко кассы. — До конца и обратно, пожалуйста.

В полном одиночестве они прошли через турникет. На верхней палубе цепенела старуха с лохматым пском, а несколько поодаль самозабвенно обнималась парочка.

— Здесь слишком ветрено. — Наталья Андриановна капризно наморщила нос. — А внизу душно и пахнет бензином.

— Соляркой, — непроизвольно поправил Люсин.

— Тем хуже. Не переношу угара.

— Если память мне не изменяет, на корме должно быть укромное местечко. И воздух свежий, и от ветра защищено. Все сто двенадцать удовольствий. — Сойдя на две ступеньки, он подал ей руку. — Почему вы решили, что я странный человек, Наталья Андриановна?

— Не знаю. — Она медленно покачала головой, покорно спускаясь по узкому трапу. — Согласитесь, что все сегодня немного странно. И вообще мы явно не о том говорим. Ведь вам нужно о чём-то спросить меня? Верно?

— Еще не знаю, — ушел от прямого ответа Люсин, сильно подозревая, что выглядит в ее глазах чуть ли не идиотом.

— Если у вас действительно есть ко мне дело, мы могли бы увидеться в более подходящей обстановке. — Наталья Андриановна без особого удовольствия опустилась на влажную скамью.

— Например? Я бы скорее утопился, чем рискнул пригласить вас в уголовный розыск.

— Кафедра вас уже не устраивает?

— Не хочу лишний раз мелькать перед вашиими сослуживцами. Да и комплекс вины, если быть до конца честным, мешает. Ведь дальше этой проклятой сберкассы мы не продвинулись ни на шаг. Погонят меня к чертовой бабушке и будут правы.

— Ой-ёй, какой ужас! Вне милиции вы, конечно, своей жизни не представляете? — заметила она подчеркнуто иронично. — Суровый ветер романтики дует в ваше лицо. Вы прирожденный сынщик!

— Зачем вы так, Наталья Андриановна? — Люсин почувствовал себя задетым. — Я ведь вам, как на духу, признался...

— Как на духу? — Она словно прислушалась к тайному значению слова. — Но я никудышный исповедник, Владимир Константинович. Я жестока и рациональна до мозга костей. Поэтому говорите поскорее, в чём суть.

— А если ни в чём? Если я осмелился побеспокоить вас просто так? Это что, преступление?

— Вы серьезно? — Наташа взглянула на него с веселым удивлением.

— В самом деле, куда мне было вас повести? — уловив перемену в ее настроении, он немного приободрился и обрел спасительный юмор: — В киношку? Для этого я слишком стар. В театр? Но где взять приличные билеты, если я не располагаю ни временем, ни знакомствами? Что же остается, милая моя Наталья Андриановна? Ресторан? — В притворном ужасе он закрыл лицо. — Об этом даже подумать страшно, ведь вы можете как-то не так понять...

— Отвечу откровенностью на откровенность. — Удивительно похорошев, Наталья Андриановна едва отышалась от беззвучного смеха. — Я обожаю кино и могу спокойно прожить без театра. Не помню, когда и была там в последний раз. Поэтому предлагаю сойти в ближайшем порту и поискать чего-нибудь поинтереснее. — Расстегнув плащ, она вытащила свою электронную ви-сюльку.

— Вы изумительны, Наталья Андриановна! — восхищенно признал Люсин. — И если вы позвольте мне звать вас просто по имени, то я поверю, что чудесное слово «будущее» имеет ко мне хоть какое-то отношение.

— Охотно. — Она кивнула с видом королевы, приветившей мимоходом пажа. — А теперь выкладывайте, что у вас на уме, — потребовала она совершенно будничным тоном.

— Но мне действительно очень хотелось увидеть вас, — признался он с непонятной обидой. — И это самое главное...

— Понимаю. — Она ободряюще кивнула. — Теперь давайте второстепенное.

— Прямо допрос какой-то! — пожаловался Люсин. — Если вы так уж добиваетесь правды, то да, признаюсь, предлог для встречи у меня заготовлен. На всякий случай.

— Вот и прекрасно.

— Но я хочу, чтобы вы знали: это всего лишь предлог. Я бы не рискнул потревожить вас из-за подобной мелочи... Вам не очень холодно, Наташа?

— Нет, ничего. — Она выжидательно нахмурилась. — Не люблю окличностей.

— Что такое Абрахамакс, Наталья Андриановна? — спросил Люсин, словно позабыв о дарованной ему привилегии на более интимное обращение. — А заодно и Абрахадабра?

— Вы нашли его! — Она испуганно вздрогнула. — Я так и знала...

— Простите? — выжидательно прищурился Люсин. — Вы это о чём? — Он осторожно коснулся ее затянутой в шелковую перчатку руки.

— Не нужно. — Наталья Андриановна с гримасой досады отстриялась. — У меня достаточно крепкие нервы, и я не упаду в обморок...

— Ей-богу, ничего не пойму! — Люсин умоляюще прижал руки к груди. — Объясните, пожалуйста, в чём дело?

— Вы меня спрашиваете? — Ее испуг сменился растерянностью. — Но разве вы не нашли... Георгия Мартыновича?

— Да с чего вы взяли! — Уязвленный до глубины души Люсин едва сдерживался. — Разве я стал бы скрывать? Тем более обманывать? Мило же я выгляжу в ваших глазах!

— Простите. — Уголки ее ярких, утонченно очерченных губ виновато дрогнули. — Я сама не ведаю, чтонесу. Но откуда тогда вы узнали про браслет? Ну, конечно, — Гротто облегченно вздохнула, — как я сразу не догадалась! Вам рассказал кто-то из наших?

— Час от часу не легче! Какой еще браслет? Никто и ничего мне не рассказывал.

— Тогда почему вас заинтересовало слово Абрахамакс?

— Да все оттуда же: из его записей и набросков. Даже рисунок нашел со змеями. Не понимаю, почему это вас так удивило...

— Не сердитесь, — примирительно промолвила Наталья Андриановна. — У меня и в мыслях не было вас обидеть. Просто я страшно испугалась. Вроде бы давно готова к самому худшему и надежды никакой нет, но стоило вам вспомнить про этого Абрахамакса, сердце так и оборвалось... Сейчас-сейчас все объясню, — заторопилась она. — Дело в том, что это слово было вырезано на камне, который я подарила шефу на его шестидесятилетие. Теперь понимаете?

— По крайней мере начинаю понимать. — Владимир Константинович прояснил взором. — Вы меня тоже простите за невольный эмоциональный всплеск...

— Меня это ничуть не задело. Даже совсем наоборот. Вы совершенно правильно возмутились. Но не будем сводить мелочные счеты. Инцидент исчерпан и вычеркнут из памяти.

— Вы слишком великодушны, Наташа. — Люсину так нравилось повторять ее имя. — Единственное, что меня извиняет, так это чистота помыслов. Когда вокруг полный тупик и нигде ничего не светит, хватаясь за соломинку. Я вообще стараюсь прояснить все до конца, любую мелочь. Отсюда и возник этот чертов Абрахамакс.

— Вы как будто извиняетесь.

— Так оно и есть, — с проникновенной группостью подтвердил он. — Мне необыкновенно приятно быть с вами. Но у жизни есть дурацкая особенность. То, что еще минуту назад представлялось нам почти пустяком, вдруг неожиданно вырастает и становится исключительно важным. Предлог — вы просто вынудили меня признаться, что я его... почти выдумал, — сделался чуть ли не самоцелью. — Боясь, что будет превратно понят, Люсин умоляюще заглянул ей в глаза. — Расскажите, ну пожалуйста, про этот ваш камешек, Наташа?

— Да-да, конечно. — Мимолетным касанием пальцев она как бы заверила, что все поняла, уловив даже недосказанное. — Это может оказаться очень нужным для вас, потому что Георгий Мартынович никогда не расставался с подарком. Я, надо признать, здорово угодила ему. Дала повод немного позабавиться. Он сам набросал эскиз алхимического змея, а потом уговорил одного знакомого ювелира изготовить браслет из сплава семи металлов и вставить туда камень.

— Семь металлов древнего мира? Семь планетных стихий?

— Вы, я вижу, сильно продвинулись вперед. — Гротто одобрительно кивнула. — Сплав получил серебристо-зеленоватым, не похожим ни на один из металлов.

— Опишите подробнее камень.

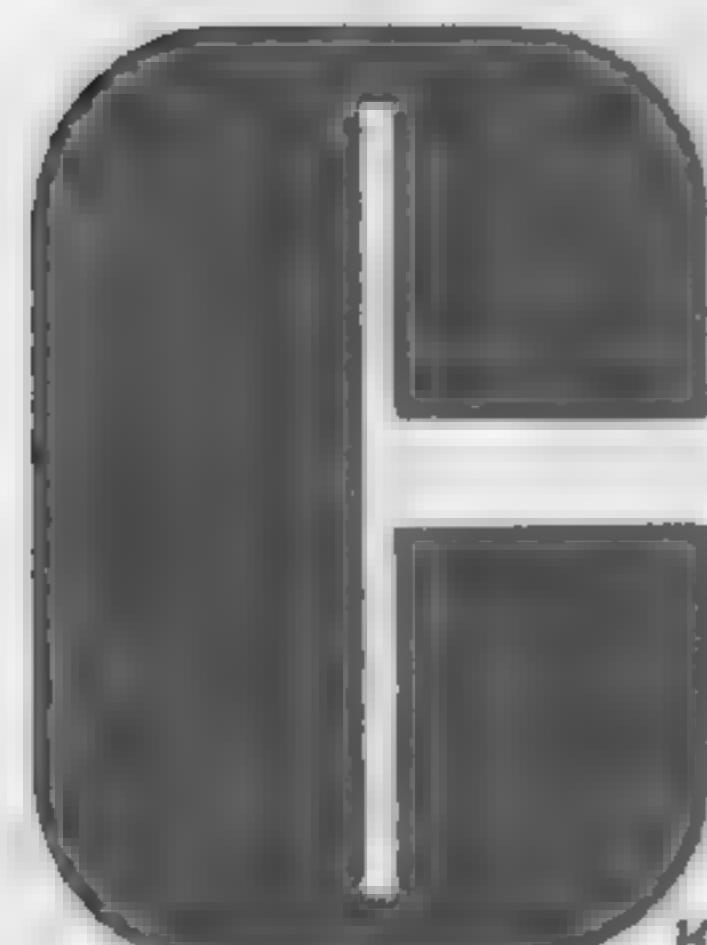
— Карнеол-печатка в форме эллипса, притом необыкновенно яркого багряно-огненного оттенка. Он достался мне от бабушки. В самом центре, на длинной оси, надпись по-гречески: «Абрахамакс». Я уже точно не помню, что она означает. Кажется, имя какого-то восточного божества. В древности это слово считалось магическим. Георгий Мартынович как-то объяснял, что численное произведение составляющих его букв дает триста шестьдесят пять — число дней солнечного года. Ему нравилось думать, что инталья была изготовлена во втором или третьем веке Александрийскими гностиками.

— Наверное, это большая ценность?

— Только для тех, кто понимает.

Продолжение следует.

Владимир КОВАЛЕВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

квоздь пургу, под компьютерный ритм колесных пар мчался скорый «Полонез». В одном купе, помимо автора этих строк, оказались бородатый ученый-физик, четвертый год работающий с коллегами из социалистических стран в Дубне, и сухощавый варшавянин, эксперт по вопросам планирования из аппарата СЭВа в Москве. За вечерним чаепом члился разговор, плавно перетекший от погодных аномалий нынешней зимы и прогнозов синоптиков к дискуссии о политической и экономической ситуации в наших странах, о том, чего ожидать в будущем. Спор затянулся. За полночь, того не подозревая, втроем мы уже составляли, с учетом происходящих перемен, свой «социальный прогноз» же-

ЦК ПОРП особое внимание уделил структурным преобразованиям, обнародовал проект реформ, призванных навести порядок в разболтанной экономике. Сознательный подход к делу, заинтересованность и ответственность — вот отправные точки похода к обновлению.

Без честности, открытости захлебнется любое обновление, поэтому партия вырабатывает формы диалога с каждым членом общества. На лицо готовность сотрудничать со всеми социальными группами и слоями, вносящими свой вклад в формирование общественного мнения. Каково оно в ПНР сегодня? В чем суть методов его изучения и вообще поддается ли оно изучению? Довольны ли в стране собственными социологами и как сами ученые оценивают себя? Разбираться в комплексе этих вопросов было сложно, равно как и интересно.

МОЙ ТРУД В МОЕМ КОЛЛЕКТИВЕ

Рабочего человека в Польше уважают. Его материальным состоянием, душевным комфортом четверть века интересуется, а последние годы буквально опекает целый научно-исследовательский институт. Дня не проходит, чтобы проблемы производства и места в нем человека не обсуждались открыто и широко по ра-

— Сообщу вам интересные данные: в Польше более тысячи высококвалифицированных производств, больших и малых, — начал беседу директор института. — В строительстве, промышленности неплохо получают свыше полутора миллионов человек — для нашей страны немало. Публичные разговоры о деньгах в этой среде, никогда считались темой, недостойной вынесения на широкий суд. Сегодня в практику вошло обсуждение индекса цен, а собственные заработки и престижность занимаемого места стала в разговорах едва ли не доминирующими. Почему?

Исследуя, мы выяснили: соль в выплатах премий. На многих предприятиях система их начисления не пересматривалась десятилетиями и разрослась так, что премиальные стали в несколько раз превышать тарифные ставки, не говоря уже о плате за стоимость реально произведенного продукта. Понимаете, что происходит! Работая кое-как, человек ждет дважды в месяц не зарплату, а... вознаграждение за несделанное. Экономист назовет это прямым путем к инфляции, социолог укажет на резкое недовольство в случае ликвидации выгодной многим, но убыточной для экономики системы фиктивной оплаты.

— Тупиковой ситуации как будто нет. Упразднить явную глупость, разъясняю нововведения...

— Долгое время нас, увы, пугали нововведения. Шло сглаживание острых углов, считалось, будто у рабочего нечего спрашивать о труде, надо только платить ему. Сегодня мы оказались лицом к лицу с проблемой, решить которую непросто. Видите ли, необходимо безболезненно убрать дополнительные денежные поощрения там, где за ними нет реальной пользы обществу — той самой, которая важна рабочему с другого производства, матери с дитем, пенсионеру, школьнику...

ние слова профессора, которого оторвал от беседы резкий телефонный звонок. Извинившись, он уточнял с кем-то по-русски план поездки в Плоцк, на нефтехимический комбинат. Институтом труда в Варшаве и московским НИИ труда совместно разработана социологическая программа изучения трудовых коллективов на аналогичных производствах Польши и ССР. В нашей стране выбран Новополоцкий химкомбинат в Белоруссии. По безотлагательнейшим проблемам дня уже развернута работа, итогом которой должна стать коллективная монография «Роль человеческого фактора в повышении производительности труда».

Вам интересно знать, как проводятся такие и аналогичные социологические исследования? В ПНР они идут без малого почти три десятилетия...

«ЗАПОЛНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, АНКЕТУ...»

В прошлый мой приезд на этом месте был пустырь. Сейчас вырос современный костел из стекла и бетона, устремил к небесам иглы своих шпилей. Под колокольный перезвон иду по улице в поисках кафетерия — где-то здесь была кондитерская пани Барбара с вкуснейшими пирожными из воздушного теста. А вот и она, в углу мерцает телеви-

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ дискуссии и опыте изучения общественного мнения

ляемого и необходимого, как нам казалось, для дальнейшего движения вперед. И вряд ли кто-либо из собеседников устыдился собственной наивности — в отдельные моменты она слишком уж откровенно проскальзывала — в тех предсказаниях.

«Прогнозы дарят надежду», — вспомнились мне в поезде слова известного писателя. «Если они убеждают», — захотелось добавить от себя и кое в чем разобраться. Конечно, одинаково чужды разуму как неверие, так и вера безоглядная. Разумный прогноз в пике прорицательству и одиозным обещаниям отличает нарождающуюся сегодня философию нового оптимизма.

Проявления этой философии — знамения времени — я пытался найти в Польше, стране, где несколько лет назад произошел всплеск социальной эйфории, лишенной, если можно так сказать, экономических подпорок. Заверения о рве земном увлекли многих, но столь же быстро ко всем пришло и разочарование. Сиюминутное, без научной прикидки на годы вперед с учетом «человеческого фактора», обернулось брожением умов, стрессами, пессимизмом... Уж коль силы регресса открыто явили себя, в скрежещем преодолении негативных тенденций видят свою неотложную задачу авангард нации — Польская объединенная рабочая партия. В конце минувшего года пленум

дио, на телевидении, в печати. Затрагивается разное: от вопросов полной и рациональной занятости, квалификации кадров, политики их подбора, трудовых доходов до роли микрокомпьютеров в области занятости — поиске с их помощью рабочих мест, начисление заработной платы. Одним из горячо обсуждаемых вдруг стал аспект совершенствования единой системы индивидуального и коллективного труда с вытекающими отсюда вопросами самоуправления, деятельности профсоюзов, демографии, семейных, молодежных и прочих составляющих социальной политики.

В круг страстно дискутирующих, а значит, отстаивающих свое мнение меня ввел профессор, доктор экономических наук Антони Райкевич. Некогда он занимал пост министра труда, затем покинул административное кресло, занялся чистой наукой. Сегодня Райкевич руководит важным звеном в механизме регулирования экономикой — Институтом труда и социальных исследований. Это по его ведомству — как мы работаем? Сколько зарабатываем? Кому достается кровью и потом, а кому — манна небесная? На такого рода исследования люди поддаются крайне неохотно, ведь многие ответы касаются скрывающегося. В то же время не будь подробностей, деталей — за семью печатями окажется и часть общественных настроений...

— Вы сказали «безболезненно». То есть?

— Не вывешиванием призыва администрации о том-то и том-то, а обсуждение в коллективе. Я вообще против любой жесткой модели, не проверенной практикой и обязательной к внедрению. От себя могу предложить лишь наброски, если хотите, эскизы... Как хорошо в мире моды, где фантазия модельера опирается на пожелания заказчика, не правда ли? Сейчас вряд ли заставишь силой носить костюм, который сшит не по фигуре.

Дискуссии, споры... С философской точки зрения они путь к нахождению истины. Социолог признает варианты, столь необходимую при выработке объективного общественного мнения. Но где водораздел, вносящий ясность, кому и когда возобновлять дискуссии и споры? Бросать работу ради поиска туманной истины? Сколько примеров мы найдем в одной только Польше!

— Период этой «детской болезни», и счастью, позади, — признавался Райкевич. — Ею чуть было не воспользовались враги социализма. Недален час, мы научимся искать, что нас объединяет при всех наших отличиях друг от друга. И судить не только о бригаде на заводе, а о каждом ее члене персонально; не о семье как «ячейке общества», а о муже, жене и детишках, составляющих семью. Вот вам «человеческий фактор» в условиях социализма, и, право, польский общественный вариант многое может перенять из опыта функционирования трудовых коллективов в ССР.

«Труд — категория моральная», — записал я в своем блокноте послед-

зор, у экрана несколько мужчин средних лет. Что смотрят? Идет прямая передача об экономических реформах.

Равнодушных нет, в реформах — будущее страны. Они — конструктивное предложение партии своему народу, уставшему от разногласий, в целом понимающему: одно лишь предъявление претензий доктору от болезни не избавит. Изменения в экономической политике лишены сырой директивности, по сути, идет широкое обсуждение, из которого уже сейчас ясно: от личного отношения к реформам каждого на своем месте зависит, какой будет жизнь через три, пять, двадцать лет.

По стилю разговор экономистов и ученых за «круглым столом» на экране может показаться заземленным. Никакой моралистики, никаких готовых рецептов поведения. К участию в телепрограмме приглашаются все желающие со своим мнением, независимо от возраста. В любой момент можно набрать номер, позвонить по телефону в студию, задать вопрос, оспорить тот или иной тезис.

Из общего постепенно выделяется частное, многих интересуют детали заводского и фабричного самоуправления, развития на новых принципах самостоятельности продовольственного комплекса... Долго идет трансляция, ведущий дискуссии не обрывает, никого не торопит. По репликам посетителей кафетерия убеж-

даются: они согласны, как словно бы их мнение прозвучало с экрана в заключение. Останешься довольным, найдя авторитетное (в конкретном случае — телевизионное) подтверждение собственному строю мыслей.

«Понимаете, в сознании наших людей за последние годы произошли необратимые процессы, они отказываются принимать многое на веру!» — вспоминаю запальчивую реплику бородатого физика, одного из моих по-путчиков.

Верно, служить разуму гораздо приятнее, особенно находясь в постоянном развитии, стремясь к гармонии. Обладатель целостной разумной системы откажется от пустой замены одних ценностей другими, а в их переоценке усматрит лишь элементарные законы диалектики. Которые опять же без самостоятельного мышления никогда не будут правильно поняты, а человек попадает в зависимость от того или иного социального механизма, модели.

Советская и мировая прогрессивная фантастика двадцатых годов как бы предвидела тиски, которые зажмут человека неразумного. Юрий Олеша, Бернгард Келлерман, Алексей Толстой... Достаточно лишь распространить их «механизированные» системы на бюрократические социальные... — ввел меня в суть дела профессор Альбин Каня, директор Центра по изучению общественного мнения Польского радиовещания и телевидения. Своим литературным вступлением профессор убеждал меня в необходимости учиться предупреж-

кой отчета, сигналом, по которому, если сочтет важным, начнет работу социолог. По результатам будут сделаны научные выводы и обобщения.

Еженедельно от тысячи человек со всей Польши получаем мы анкету с ответами на наши вопросы. Группа «1000» подбрана так, что в миниатюре представляет модель общества, вернее, ту его часть, которая слушает радио и смотрит телевизор. Состав группы постоянно меняется, а распространением анкет занимаются наши активисты — на местах пятьсот и в столице сто человек, как правило, студенты последних курсов факультетов социологии.

— Что дали, чем помогли столь массовые исследования аудитории?

— Качественно поднять уровень программ, доверие к ним, разнообразить по форме. Опросы помогли сориентироваться в настроениях различных категорий общества. Расширяя круг вопросов в анкетах буквально с учетом личных качеств опрашиваемых — к примеру, о мотивации того или иного поступка, — мы радуемся, что в последнее время при оценке передач налицо совпадение «предложения» и «спроса». Так было, например, с новой информационной программой «Телезекспресс».

— Как заинтересовать человека отвечать на вопросы анкеты — одну из них я видел, это гораздо сложнее, чем угадать в тотализаторе?

— Выразившие согласие в период «работы на нас» освобождаются от абонементной платы, даже сами получают определенную сумму денег.

— Удается избежать ошибок, неудач?

— Во-первых, не делай мы ошибок,

И все же выбор основной массой населения сделан. Гражданская ответственность в широких кругах гораздо сильнее, нежели призывы западных «радиоголосов» или той же «коппозиции» внутри страны. В публикациях центра, выпускаемых им ежеквартальниках и еженедельниках, отстаивается это новое мнение народа без популярного некогда статистического опросования, вычисления «среднеарифметического» и эмпирического сравнения с таким же «средне...» какого-то отдаленного года. В публикуемых результатах найдется место и мнению одного единственного, по-своему ответившего (анонимность соблюдается), например, на вопрос: «Отношение к ограниченной продаже винно-водочных изделий»...

КОГДА ВЫБОР ДЕЛАЕТ НАРОД

Популярный еженедельник «Культура» накануне открытия партийного пленума по реформам экономики опубликовал обширное интервью руководителя правительственно-го центра по изучению общественного мнения профессора Станислава Квятковского. В интервью говорилось и о так называемых общепольских опросах, практикуемых центром с группами в 1500 человек, представляющих все слои населения... Доктор Квятковский, как объяснили сотрудники центра, с утра и до ночи заседает в комиссиях правительства по разработке путей реализации реформ. Принять меня и побеседовать согласился ученый-секретарь центра кандидат наук Ежи Ярмолкович.

— Читал о способностях вашего директора в течение нескольких дней после окончания, либо накануне важного события разработать прогноз, что думает именно об этом событии общество.

— Если бы он мог это делать, закрывшись один в своем кабинете, ему выдали бы диплом прорицателя. В общем, наш центр небольшой: около восьмидесяти научных работников — социологи, математики, статистики, педагоги, экономисты — в столице и несколько сот работающих с анкетами по стране. Есть координаторы исследований при каждом ведомстве.

— Службы опроса общественного мнения, такие, как Институт Гэллапа в США, служба Мори в Англии и подобные центры, широко используются в развитых странах...

— Но там человек с его мнением допускается как интегрированный в контролируемую монополиями систему индивидуалистических, разобщенных отношений. Отдельное мнение на Западе никогда не станет руководством к действию правящего аппарата. Верхушку, может быть, и интересует общественное мнение, но не для того, чтобы поверять по нему свои действия, а умело лавировать между пиками общественного недовольства. Незадолго до смерти основатель центра опроса США Дж. Гэллап признавался в практической беспомощности своей службы, весьма популярной, но служащей только для констатации факта, здакое «статистическое управление» с расширенными возможностями.

— И какие же темы исследований не только констатирующие, но и формирующие общественное мнение, выбраны за четыре года, прошедшие с момента учреждения центра?

— Самые разные, всего мы провели их около семидесяти, — говорит ученый-секретарь. — Вот, например, мнения о ходе и решениях X съезда ПОРП мы выясняли летом прошлого года, а немного ранее — позицию

людей по отношению к различным формам общественной патологии, таким, как пьянство, наркомания, преступления... Отдельным исследованием весной прошлого года было «Молодежь о себе и своем будущем».

Накануне выборов в народные советы (1984 г.) и в Сейм ПНР (1985 г.) у нас попросили выяснить предполагаемую активность избирателей, какой их процент придет к урнам для голосования? Ведь если помните, западное радио захлебывалось в пророчествах, будто людей сгонят на участки силой. Параллельно с нами прогноз составлял центр Альбина Кани, а независимые результаты, их и наши, совпали с реальными, оправдались с допустимой погрешностью в полтора (!) процента. С тех пор нет отбоя от заказов, а поскольку все данные публикуются, можно проверить их правильность. Впору говорить об общественном доверии к нам, которое невозможно без высокой квалификации сотрудников центра.

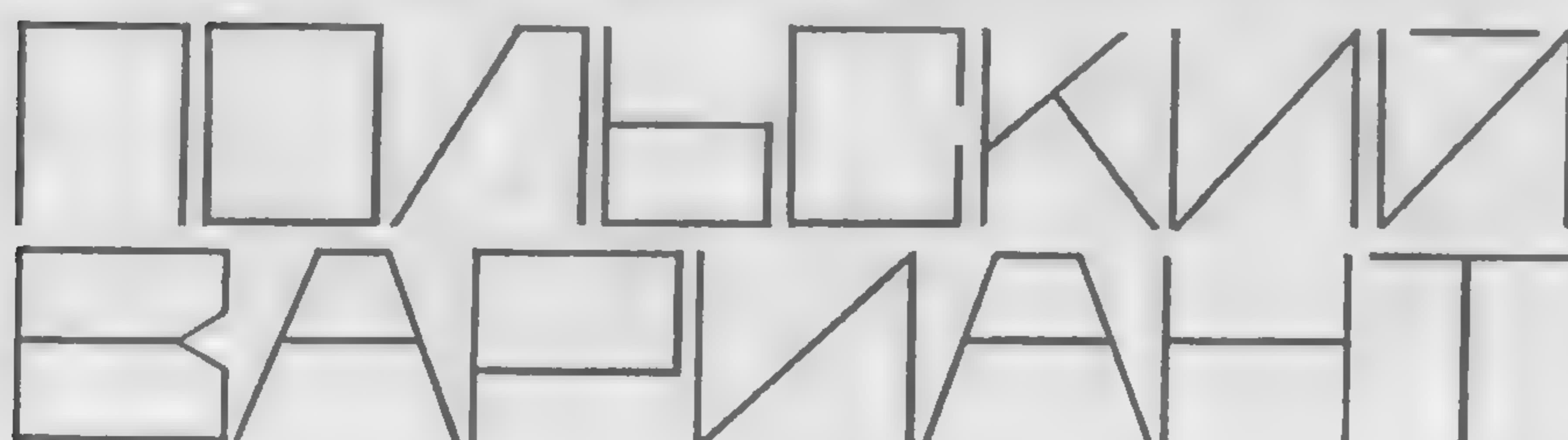
...Далеко не в тепличных условиях утверждало себя сложное и важное дело, заявившее сейчас в полный голос о себе, крайне необходимый атрибут народной демократии — опора на общественное мнение без попыток подстроиться под надуманную схему общественного развития. В актив польских социологов я смело запишу одно их важное качество, ценность которого еще определит историю и воздаст за служение стране. Уважая, как и полагается, чужие взгляды, они научили многих, очень многих поляков уважать мнение других. Позитивные общественные тенденции сглаживают недавние расколы, «расселение» по углам, яростное противопоставление одних социальных групп другим.

И вот в общественный лексикон среди констант социальной политики партии вписывается спокойствие. К 90-дневному спокойствию в свое время призывал генерал Войцех Ярузельский, даже два-три года назад это слово нельзя было применить к польскому обществу. А ныне оно определяет целостное общественное настроение и напрямую влияет на общественное мнение по любым вопросам.

В его объективности сегодня можно не сомневаться! Когда главный центр по исследованию общественного мнения в конце минувшего года в анкетах задавал дополнительный вопрос: «Что более всего необходимо Польше и полякам?» — едва ли не все ответы звучали одинаково: «Спокойствие». В два, три раза этот ответ встречался чаще, чем о лучшем снабжении рынка, хозяйственной стабилизации, улучшении условий жизни и повышении заработной платы.

Именно спокойствие, а не апатия позволило осуществить первый шаг в нужном направлении. Критически переосмысленная история — вот своеобразный импульс общему прогрессу. Позади испытания, сложный и нелегкий период в истории социалистического государства. Отнюдь не безоблачные годы впереди... Тем важнее в сегодняшних условиях мысль о прикладном значении прогнозов. Сейчас в Польше их не раздают авансами, не сыплются градом обещания, заверения. Любой прогноз, появляясь, отражает общественное мнение, многократно выверен социологической наукой. Ничего, что внешне прогнозы чуть суховаты, без мишурь, фанфар. Если в любом из них человек усмотрит абсолютную объективность, она-то и одарит надеждой. Движение вперед будет обеспечено.

Варшава — Москва.

дать, тормозить лавинные процессы не только в экономической системе, но и гуманистической среде.

— Польское общество мы изучаем глубоко и последовательно начиная с 1958 года, — продолжал собеседник. — С учетом накопленного опыта четыре года назад был создан аналогичный правительственный Центр при Совете Министров ПНР.

— Больше пока интересует ваше хозяйство, профессор. Люди смотрят две телепрограммы, слушают три программы радио из Варшавы, пишут вам письма и уже по ним...

— Как раз нет, ошибаетесь. Ни от одного из наших дикторов или ведущих не услышите слов: «По вашим письмам мы можем судить, как вы относитесь к тем или иным проблемам».

Директор уверен — его уверенность зиждется на результатах многолетних исследований, — оценочные письма на радио и телевидение потеряли то значение, какое имели в не столь уж отдаленные времена. Человек загружен физически, морально и интеллектуально до такой степени, что его попытки изложить объективное мнение на листе бумаги почти всегда терпят фиаско. Вопреки всему превалирует поверхностный субъективный подход.

— Можно ведь раз и навсегда обидеть того, кто все-таки пожелает выскажаться письменно.

— Мы не запрещаем писать, боже упаси, более того, постоянно ждем от наших корреспондентов писем! Просто у нас несколько иные традиции работы. Группа писем станет точ-

не на чем было бы учиться. Их указывают нам те самые, из группы «1000». Во-вторых, за счет такой «обратной связи» мы добились, что первые программы радио и телевидения ПНР минимум два часа в день слушает и смотрит 98 процентов населения. Всего каких-то пять — семь лет назад мы о такой цифре и мечтать не могли...

В гуманистическом характере службы, руководимой Альбином Канем, сомнений у меня не возникало. Полагаю, найдутся скептики, готовые возразить, мол: «Никаких «америк», вполне обычные, принятые во многих цивилизованных странах методы работы социологических служб». Методика заполнения анкет, соглашусь, аналоги может иметь. Однако на примере радио и телевидения Польши (подобная система среди социалистических стран действует в Венгрии) мы начинаем говорить о необходимости принятия в наших новых условиях в общегосударственном масштабе системы опоры на реальное общественное мнение. Как мне пришлось убедиться, в ПНР оно формируется весьма непросто: клерикальные догмы, имевшие место ранее, утвердившиеся в сознании не-научные допущения волонтариистского склада, кроме того, действующие с «черного хода» остатки антисоциалистического подполья, засоренный «подсказками» и «советами» эфир... Ситуация существенно влияет на волеизъявление патриотически настроенных граждан.

Осенней
Каспийской
штормил
сильнее
обычного.
Шквальный
ветер трепал
жесткие
листья пальм
на ночной
набережной.
Прямо
из аэропорта
я ехал
к Плетневу.
Он не спал.
Неуклюже
вскочил
с дивана,
крепко
пожал руку,
улыбнулся
смущенно.
— Знаешь,—
сказал он,
помедлив.—
наверное,
ты все-таки
это
принесли...
Не надо
обо мне
писать...
Ты думал,
я герой!
Это неправда.
Просто
все так
сложилось...

«ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
PAS DE DEUX
(ПА-ДЕ-ДВ),
ENTREE (ВЫХОД),
ADAGIO (АДАЖИО),
ВАРИАЦИЯ (VARIATION)
ТАНЦОВЩИКА,
ВАРИАЦИЯ
ТАНЦОВЩИЦЫ
И CODA (ФИНАЛ) —
СФОРМИРОВАЛИСЬ
ВО 2-Й
ПОЛОВИНЕ 19-го в.».

(Энциклопедия
балета)

ENTREE

П

Париж. 29 ноября 1969 года. Приземлились в Орли. Еще в воздухе у меня разболелся зуб, и, чувствуя, не на шутку. Дергает, черт, так, что и Орли не в радость. В автобусе, который вез

в Париж, наши бросались от окна к окну — интересно! У меня же от боли пропал весь интерес. Хотелось одного — к маме, домой. Разместили нас в районе Елисейских полей в гостинице «Шато де Фронте-нак». Мне не терпелось увидеть сцену, «прощупать» пол, наметить, откуда выйти, куда зайти».

«Париж. 30 ноября. Сегодня генеральная репетиция. Утром до начала

репетиции все наши разбредаются кто куда. У меня же один маршрут: по тихой безлюдной улочке к театру. Разогреваюсь в одиночестве, так как в классе боюсь перетрудить мышцы ног. Впереди еще много спектаклей, поэтому ноги надо беречь. Гримируюсь тоже раньше всех, выпиваю чашку кофе — все не торопясь, как бы успокаивая себя. Репетиция прошла, можно сказать, гладко. За кулисы пришли Серж Лифарь, Аттилио Лабис, Мишель Рено и другие. Что-то говорили. Я понял — хвалят».

«Париж. 1 декабря. Вечер. Первый выход нашей труппы на парижан. Премьера началась торжественным исполнением гимнов. А потом, после наших выступлений, — успех! Зрители долго нас не отпускали. Восемь раз поднимался занавес, а зал про-

должал рукоплескать. Я был словно в угле и ничего не помню, кроме дикой усталости. Но важно одно — есть успех. Его я слышал собственными ушами».

«Канны. 1974 год. Итак, двадцать семь концертов в двадцати двух городах! Условия жесткие: приезжают в город днем, а вечером концерт на незнакомой площадке. Программа такова: в первом отделении идет «Мугам», во втором — «фантасмагория» из «Семи красавиц», в третьем — паде-де из «Дон-Кихота». Ради интереса в конце гастролей мы подсчитали, что в общей сложности за всю поездку я свертел около 900 гран пирамид, а Чимназ — более 600 фузете. В газетах часто мелькало слово «триумф», отмечали (как это могут фран-

PAS DE DEUX

Фото
Аввы БЕККЕРА
и
Александра НАГРАЛЬЯНА

цзы) мой «бешеный темперамент» и «при всей хрупкости Ч. Бабаевой ее отточенную технику и стальной носок».

«...Нагрузка чрезмерная: грипп, концерты днем и вечером с интервалом в полтора часа. Кто был меньше загружен, уходил в гостиницу, чтобы перекусить. Мы с Чимназ оставались в театре. Ложился на пол, положив под голову мешок с костюмами. Конечно, не спал, а просто растягивался плашмя, расслабив мышцы. Через полтора часа — новый зритель — неизвестный, чопорный...»

«Гастроли во Франции завершились. В день последнего выступления поехали в Монте-Карло. Приятно было пройти мимо отелей, где мы когда-то жили, выпить кофе на террасе казино.

На следующий день нас уже встречала Москва. А еще через пару дней полетели в Азию: Бомбей, Мадрас, Непал, Шри-Ланка, Бирма. Четырехмесячный калейдоскоп событий, непрерывная смена стран, городов, театров, тревог, волнений и радостей — все это вылилось в нашей памяти в одно объемное слагаемое — УСПЕХ!»

ADAGIO

Время — за полночь. Штормовой ветер, перемешанный с солеными брызгами Каспия, наотмашь хлещет по оконному стеклу, блекло мерцает экран выговорившегося телевизора. Таблетка снотворного под язык, долгий глоток крепкого, настоянного на травках чая, долгая затяжка полу-

истлевшей «стюардессы», долгий взгляд в никуда.

— Успех... — Плетнев медленно выговаривает это легкое, как выдох, слово — успех. Все это было. Охапки цветов, овации, « bravо », парижские гастроли, сплевающие всполохи юпитеров... Черт возьми, в этом было что-то головокружительное.

В двадцать Володя Плетнев танцевал ведущие партии. В двадцать два ему рукоплескала Европа, в двадцать восемь он стал лауреатом Государственной премии Азербайджана, а в тридцать два народным артистом республики. Тогда ему говорили: «Это только начало. Настоящая слава ждет тебя впереди». Ему шептали: «Ты великий танцовщик, ты гениальный актер». Ему пророчили сцену Большого театра, пожимали руки,

занискивающие смотрели в глаза, признавались в любви и братстве.

Он верил. Он не мог не верить, потому как каждая мышца, каждая клеточка его тела, а главное, его душа говорили то же самое: ты можешь. И первые лучи восходящей Славы пронзительно били в лицо...

— Успех? — снова выговаривает Плетнев неповоротливое слово. — Все было. Знаешь, иногда мне снился, будто я снова танцую. Это самый страшный сон...

Если есть на свете судьба или бог или кто там еще ведает людскими взлетами и падениями, то танцовщику Владимиру Плетневу и взлетов, и падений было отпущено с лихвой. Кому-нибудь, пожалуй, на десять жизней хватило, а тут — ему одному.

Болезнь вплзла в него предательски незаметно — тихим покалыванием в ноге. Подумал: наверное, потянул связку, пройдет — такое уже случалось.

Но боль не проходила. Поначалу она как бы играла с ним в прятки: то уймется, то вновь вонзит в икры свои острые коготки. Потом впилась мертввой хваткой и уже более не отпускала — ни ночью, ни днем.

Много позже, просветив и прослушав Володю вдоль и поперек, врачи установят точный диагноз: облитерирующий эндартериит — сужение артерий, кровь почти не поступает к стопам. Удивляются врачи, заходят: как же ты, парень, танцевал? А он в ответ только пожмет плечами. Не становишь же и в самом деле объяснять им, как это было.

...Всё как в тумане. Тесная гримерная, старое зеркало, умывальник, костюмы и серое осунувшееся лицо, взирающее на тебя из далекого зеркалья. Ты ли, Володя? Ты... Штрих за штрихом ложится на кожу яркий грим. Вот это другое дело. Хотя глаза все равно не загrimируешь. А в глазах... э, брат, плохо дело. Понятно, что больно. Только кому до этого какое дело? Ты артист, сегодня твой выход. Терпи, Володя, терпи. Так, что там у нас в кармане? Анальгинчик? Отлично. Пару штучек для верности. Ну вот, глазки повеселили. А теперь давай на выход!

Зал аплодировал, зал улыбался, иные кричали «браво». Им, на галерке и в партере, им, из лож, сверкающие золотом и лоском, было даже невдомек, какого рода действие развертывается на залитой музыкой сцене. Танцевал полуинвалид Владимир Плетнев. Па-де-де с собственной болью. Но оттуда, с галерки и из партера, не было видно ни крупной испарини на его широком лбу, ни стиснутых до скрежета зубов, ни слезящихся от боли глаз. Только улыбка, первые па и грациозные пируэты.

И уж, конечно, никто из зрителей не мог видеть, как, возвратясь в гримерную, Володя ваился словно подкошенный. Потом он спрашивал друзей: «Ну как я танцевал?» «Отлично!» — отвечали друзья, а он думал: «Как же так? Ноги-то я не чувствую!» Пробовал танцевать в репетиционном зале. Наедине с зеркалами, помнящими его успех. Шаг, револьтад, пируэт. И снова: вместо ног — пустота. Озноб по коже и, кажется, даже внутри тебя. Сердце бьется и скимается испуганным зверенком. Неужели?

Разве объяснить врачам это чувство?

Или расскажешь им про ту последнюю встречу с Димой? Это был чертовски талантливый парень. Ему, как и Володе, тоже пророчили светлое будущее. Как у любого талантливого парня, у него было много друзей и еще больше загrimированных под друзей завистников, нравственных мутантов, табунами пасущихся возле чужой славы. Это именно они лобызали Диму иудовыми поцелуями, щедро поили дорогой выпивкой, приправляя ее дешевыми панегириками «во славу непревзойденного актера».

Потом, когда Дима уже окончательно спился и его выгнали из театра, они же — эти загrimированные — станут с глубокомысленным видом рассуждать о слабости характера, силе воли и — боже ты мой, до каких степеней может дойти людское фарисейство! — о моральном облике строителя коммунизма. Это очень удобно: подтолкнув кого-то на крутизну, притворноахнуть, улыбнуться смущенно, мол, сам виноват, не удержался.

Он ворвался в Володину гримерную без стука. Припер спиной дверь, посмотрел вокруг, вдыхая полузабытые запахи гримерной. Потом, глядя прямо в глаза, заговорил:

— Ведь ты же инвалид, Володя, ты же не должен танцевать. Почему ты танцуешь? Все должно быть наоборот. Это несправедливо! Ведь я же здоровый. У меня ни черта не болит. Я могу танцевать. Ты помнишь, как я танцевал? Скажи, помнишь?

— Помню, — он старался говорить с Димой как можно мягче, — ты здорово танцевал. И ты еще вернешься в театр, и танцевать еще будешь. Веришь мне?

— Тебе верю, — улыбнулся краешком рта Дима и вышел за дверь.

Весь следующий день, как рассказывал Володе один их общий знакомый, Дима говорил о Плетневе, повторял один и тот же вопрос: «Ну почему он танцует? Почему он, а не я?» И не было ему ответа. Вечером Дима повесился. Как показали результаты вскрытия, в тот вечер он был абсолютно трезв.

Разве объяснишь врачам, как мучился Плетнев, узнав о случившемся, как страдал, считая себя причиной Диминого ухода, как винил себя, что тогда, в день последней их встречи, не нашел самых нужных, спасительных слов. Но ведь он и вправду не знал, почему, несмотря ни на что, все еще танцует. Как он мог объяснить это Диме?

Ему не смог, а уж врачам тем более.

Просто пожал плечами, мол, что ж здесь такого...

VARIATION-I

«Похлопотала вокруг меня медсестра, и вдруг все прошло. Ну просто нигде не болит, нигде ничего не болит. Тело ликует от счастья. Почему я раньше не обращал внимания на подобное, ведь долгие годы у меня было полное право на эти ощущения...»

— Володя, — сказал врач, глубоко засовывая свои мягкие ладошки в карманы снежно-белого халата. — Володя, — повторил он еще раз, — с этой штукой тебе нужна операция. Ерунда, а не операция. Проводами он называл поврежденные болезнью артерии. — Ну, что? Согласен?

— Только с одним условием...

— Валяй свое условие.

— Чтоб я потом танцевал.

— Как миленький затанцуешь. Как заводной!

И тот, и другой уже знали: Володе не танцевать.

Вверху проносились раскаленные добела люминесцентные лампы, скрипела несмазанная «каталка» хирургического отделения, а ему хотелось только одного: поскорее улечьтися в небытие наркоза, чтобы потом очнуться, залезть раны и вновь войти, вползти в театр хоть на карачках. Въезжая в распахнутые двери операционной, он еще не знал, что через несколько часов опытные хирурги исполосуют его натренированное тело вдоль и поперек и вовьшют в него сорок сантиметров лавсановых артерий. Не знал он и того, что это всего лишь начало. Самое страшное — впереди.

* * *

...А ветер все не унимается: свистит сквозь оконные щели, играет легкими занавесками. Пепельница-башмак с горкой завалена окурками и мандариновыми корочками, в пузатом литровом чайнике — черная жижа на донышке, и сnotворное никак не берет.

— Нет, смерти я не боюсь, — он улыбнулся, и я понял: действительно не боится, — смерть — ерунда. Я уже умер однажды.

...Когда у Володи началась гангрина, врачи были категоричны: ампутация. Врачи ничего не обещали, да он и не просил их об этом. Все было и без того яснее ясного — танцевать он больше не сможет. Не сможет! По

ночам ему снилась залитая прожекторами сцена, снились оглушительные аплодисменты и собственные пи-руэты. «Не кончайся, — бредово молил он этот сказочный сон, — про-длись». Но сон обрывался так же внезапно, как и начался. За окном светила мандариновая далька месяца, по-дышка смердели физраствором, а из-под проштемпелеванного одеяла виднелася забинтованная куцая стопа. Но даже в этой мертвеннной больничной тишине ему чудилось — он слышит аплодисменты: словно бы призраки миллионов рук собирались у его кро-вати. Но это были не призраки. Это ушедшая слава пробовала его на излом. Это она, некогда желанная, ласково шептала на ушко: «Ну кому ты нужен без меня? Что ты стоишь теперь — обрубленный? Может, уж сразу, а? Может, так лучше будет? Там нас уже никто не разлучит. У-нешь, и будет тебе снится, что тан-цуешь. Вечно!»

Она манила и звала его за собой в млечно-туманное небытие, вновь оглушала миллионорукими овациями и сказочными видениями танца, но Володя в который уже раз гнал ее незатейливым мужицким матерком.

И она уходила.

Через пять дней Плетнев выехал на свои первые «гастроли». Именно первые, потому что в них Володя уже не выступал, не гримировался, не надевал стоптанные пуанты, а в штатном расписании против его имени стояло: «балетмейстер».

Но балетмейстером он себя почувствовал не сразу. Как и прежде, при первых звуках увертюры потели ладони, а по телу в предчувствии близкого танца пробегал легкий озноб. Кто бы знал, кто бы хоть на мгновение почувствовал, что испытывал Володя Плетнев, глядя, как не он — другие выходили на залитую театральными солнцами сцену, что творилось в его начиненном лавсаном теле, в его душе? Кто бы знал? А если б знали, разве смогли помочь?

После Воронежа выехали в Тбилиси. Здесь уже многие знали, что у бакинского балетмейстера «что-то с ногами». Во время репетиций слушали внимательно, старались понять и выполнить с одного раза. Люди видели: Плетневу трудно все объяснить «на пальцах».

Однажды на репетицию пришел новый танцовщик. Плетнев не видел его прежде, но многое о нем слышал: опытный актер, самый старший в труппе, самовлюбленный. Он вышел к станку плавной, как показалось Володе, царственной походкой. Гордый профиль, орлиный взгляд.

— Ну, начали, — хлопнул в ладоши Плетнев. — Вчерашний кусок сначала. Вы в курсе? — обратился к гордо-му профилю.

— Я не в курсе, — в глазах — надменность. — Покажите, пожалуйста.

Стало совсем тихо, нервно скрипнула половина. Потом с разных сторон голоса: «Хватит тебе», «Не валяй дурака», «Мы покажем» — и что-то еще по-грузински, не для Володиных ушей.

— Нет, — чеканя каждое слово, проговорил гордый профиль, — если он мужчина — пусть покажет...

В глазах все та же надменность и легкая усмешка. Теперь он смотрел на Володиных войлочных ботинки «стариковская радость», в которые с недавних пор обувал Плетнев свои распухшие ноги.

Ботинок сделал па. Легко и свободно. Потом еще и еще. Репетиционный зал замер. Их балетмейстер, у которого «что-то с ногами», танцевал.

Это был самый тяжелый танец Володи Плетнева. Самый тяжелый и самый радостный, потому как в глазах гордеца он увидел то главное, ради чего решился на невозможное, — он увидел свою победу. Над недугом, над гордыней, над всеми, кто записал его в инвалиды... Он тан-

цевал! Без музыки, без грима — таким как был — под легкий скрип рассохшихся половиц.

А когда возвращался на место, войлочные ботинки с «молнией» посыпались от крови промокли насквозь. Но этого уже никто не видел.

* * *

И все повторилось вновь. Нежное позывкивание капельниц. Больничная подушка, пропитанная потом и духом лекарств. Новый приказ врачей: готовиться к ампутации. Теперь уже по колено.

«Дернулась дверная ручка. Толя Евдокимов! Ты осторожно заглядываешь в палату. Наверное, даже подготовил для меня какие-то слова утешения. Хороший ты человек! Неужели у тебя могли возникнуть хоть крохотные сомнения? И это теперь, когда я готов ко всему. Ведь все решено было мною давным-давно, когда стало ясно, что мое «я» никогда не повторится на сцене. Мог ли ты уличить меня в то время в несдержанности? Почему же сейчас ты так осторожен? Я чувствую: ты веришь в меня, веришь, что выдержу очередной экзамен на прочность. Выдержу! Должен выдержать! Эта мысль и руководила мною той ночью, когда вокруг вертелася одна неопределенность. Лихорадочно работает мозг. Необходимо найти какой-то выход. Начинаю бриться, мыться, но так медленно, чтобы растянуть все эти процедуры до рассвета. В соседней палате — всегда стонущий — ни звука. Хоть бы кашлянул кто-нибудь. Отгородившись от мира одеялами, там в одиночку сражаются с болью. Я понимаю их, но мне от этого не легче. Разве разделишь боль с кем-то, как, например, радость или, быть может, любовь? В таких случаях действующих лиц предостаточно, и жизнь доказала неверность одних, непонятную зависимость других, а искренность... Искренность?! Боль, как и счастье, у каждого своя. Ее не передаешь, не подаришь, не привешь никому».

...На мужчине был адидасовский спортивный костюм, респектабельное брюшко, начальственный выговор. Потом выяснилось: он и в самом деле был руководителем областного масштаба — то ли директор некоей фабрики, то ли руководитель по части идеологии. Разговорились: больничные знакомства сродни дорожным — люди сходятся быстро. То даде, да что болит, да чего с этими болячками делать?

— Как вы можете так спокойно об этом? — негодовал руководитель. — Вы же танцор, а у вас ногу оттяпали? Это же трагедия! Крах! Вы понимаете меня? Разве я не прав?

— Ну, я уже и не танцор, — ответил Плетнев, — а балетмейстер. Можено и без ноги обойтись.

— Все равно, все равно. Как вы можете так спокойно к этому относиться? Вам мне предлагают ступню ампутировать — я не соглашаюсь. Как я смогу без ступни? Это нереально! У меня поездки, приемы, руководство. Мне просто по-человечески страшно. Вы понимаете, о чем я говорю? Вы должны меня понять. Я так и сказал: все что угодно, только не ампутация.

Ирония судьбы: меньше чем через год все в той же клинике они встретились сызнова. Поначалу Володя даже не узнал в изможденном, надломленном человеке своего старого знакомца: трехдневная щетина, «адидас», брюшка и хорошо поставленного голоса — даже след простыл. Поздоровались.

— Ну, как жизнь? — пожал Володя дряблую ладонь бывшего руководителя.

— Не сдаюсь. Вы же понимаете? Разговора не получилось. Разошлись по разным палатам.

«Как же ты так? — ворочаясь на койке, думал Володя Плетнев о быв-

шем руководителе.—Говоришь, не сдаешься, а сам-то давно на попятной. Как же ты сломался?»

Больше они не виделись. Только много позже знакомый врач рассказал Володе, что руководитель на своем ответственном посту начал по-тихонечку попивать, опустился вконец, был отстранен от должности да так и помер от прогрессирующей гангрены — в забвении и бесславии...

Тогда Володя еще подумал: «Был человек, и вот его нет. Страшно! Но самое страшное, конечно же, не смерть и не боль. Страшнее оказывается не у дел. Когда тебя вычеркивают из жизни — вот что самое страшное».

Уже ночью он выведет в своем дневнике всего несколько предложений.

«Москва. Клиника. Зима 1981 года. Слышно, как упрямо ломится в окно метель. Сегодня вроде бы нет той грусти, что обычно бродит рядом. Нет ничего. Как страшно звучит — ничего! Нет! Я хочу жить! Хочу колобродить! Мечтать! Хочу в дело, в творчество, хочу нервничать и опять — хочу жить!»

— Если бы не Чимназ... Господи, мне даже страшно представить, как бы я выкарабкался, если бы ее не было рядом. Чима и театр — только это и держало на плаву. Да и сейчас тоже. — Глаза его просветели и — словно не было ни этой ночи, ни двух таблеток снотворного — снова заговорил о Ней. О Ней он может говорить бесконечно.

VARIATION-II

Теперь им обоим по сорок, а знакомы уже тридцать один год — время немалое. Вместе ходили в хореографическое училище, потом танцевали вместе, и слава пришла к ним почти одновременно. Словно бы сама судьба повелевала стать им вечным дуэтом... Но они были молоды, безрассудны и не очень-то прислушивались к голосу судьбы: женился Володя, вышла замуж Чимназ.

Счастливы ли были тогда? Любими ли? Сказать не могу, не знаю. Знаю только, что вскоре те скоропспелые семьи распались. Может, и в самом деле судьба предоставляла им еще один, последний шанс. Может быть... Кто знает?

Десять раз, как в старинной восточной сказке, Володя делал Чимназ предложения. Девять раз отвечала она отказом. И только на десятый — согласием. Свадьбы не устраивали. Побежали в ближайший загс, сунули чиновнику четвертной, и тот без лишних пререканий расписал странную пару. Тогда они еще не знали, какие испытания ждут их впереди. Даже вообразить не могли. А если бы и поведала им об этом старая бакинская гадалка, нет, они бы не повернули назад...

Когда танцуешь дуэтом, очень важно умело сделать поддержку. Здесь главное — иметь крепкие локтевые суставы и такие же крепкие мышцы рук. У Володи Плетнева сильные руки, а его поддержки, говорят, были красивы и изящны. И не раз с замиранием сердца взлетала Чимназ в этих руках.

Когда в их дом пришла беда, когда Володе ампутировали одну, а потом и вторую ногу, когда он понял, что никогда не выйдет на сцену и ни разу не сделает поддержку, поддержку сделала Чимназ. Это с ее-то пальцами, с ее-то локтевыми суставами. И не на миг. На всю жизнь.

Плетнев видел это, и в глубине души было ему нестерпимо горько, что вместо радостей земных взвали на жену такую непомерную ношу. Он видел, что Чима совсем еще молода, что Чима талантлива, ему казалось, что Чима достойна другой, более счастливой жизни. Так он думал тогда и однажды, черт же дернул его за язык, сказал ей об этом... Нет, она

не заламывала рук, не клялась ему в вечной верности и любви до гроба. Просто вышла из палаты. Поплакала где-то в коридоре. Подвела расплывшиеся веки и вновь вернулась — красивая и улыбчивая; мол, уже выздоравливаете, больной? Он никогда не видел ее слез. Она всегда приходила к нему счастливой.

«Москва. Клиника. Осень 1981 года. Тебя сегодня нет рядом. Ты устала. Я это знаю. Но верю: мысли твои в моей палате, равно как и твоя печаль, которую ты так скрываешь. Ты со мной, милая. И снова — тишина. Засыпаю спокойно. Завтра ты войдешь ко мне с окапкой полевых цветов. Я счастлив...»

Иные жрицы эманципации, глядя на Чимназ, крутили пальцами у виска, дескать, она того, мол, вы только подумайте: бросить сцену, добровольно отказаться от славы и нормальной жизни ради инвалида — пусть он даже заслуженный. Убогие — им просто не дано изведать настоящей любви, не дано понять, что ради преданного взгляда и легкого пожатия руки можно пойти на любые жертвы, отдать самое жизнь, а не то что там сцену или славу. В них говорит зависть. Ведь так их никто не любил, никто не шел ради них даже на самую маломальскую жертву.

«Москва. Клиника. 1982 год. Милая моя. Ты спиши рядом, хотя и на полу (в больнице не нашлось ничего, кроме матрацев и одеяла). Мне не спится. Я думаю о тебе. Как только обрушилась беда, ты ведь ни на секунду не сомневалась в правильности принятого тобой решения. Оставила сцену, так и не досказав своего блестящего начатого «монолога». Я верю: мы будем жить и идти вслед за надеждой — этой древней скрипучей телегой. И совсем неправда, что счастье там, где нас нет. Неправда потому, что оно там, где мы с тобою.

Я знаю, что опять засну с тетрадкой в руках и она осторожно будет «изъята» тобою утром. Но я буду это чувствовать и как всегда делать вид, что сплю. Я знаю — хитрость моя давным-давно тобою разгадана... Что ждет нас с тобою? Думаю, все-таки искусство — как бы трудно мне ни было. Ты не волнуйся — я встану. Нужно терпение, терпение и рабо-та...»

В эту ночь Чимназ не было с нами. Уже второй месяц она лежала в больнице, и ей пытались привести в порядок меж позвоночные диски. Мы сидели в выстроенному, обиженном ею доме и смотрели на фотографию той, которую прежде называли «французским типом балерины». Нет, и в сорок лет она ничуть не изменилась. Только волосы стали седыми.

CODA

Казалось бы, самое горькое было уже позади: нестерпимые боли, утрата ног, потеря сцены. Думалось: в этих схватках я все-таки победил. Теперь только терпение и работа.

Он жаждал работы, торопил врачей, падал и вновь шагал на новеньких липовых протезах, чтобы поскорее пришел тот заветный день, когда он снова войдет в театр. Тогда Володя еще не знал, что главные схватки впереди. Схватки с равнодушiem и человеческой чертостью. Это было потруднее, чем справиться с болью в ногах, потому как каждый удар метил не в тело, но в душу Плетнева.

«Володя выписался» — это известие подобно штурмовому ветру в одночасье облетело весь театр. И тут же чей-то подленный голосок эдак невзначай добавил: «Он не вернется, куда уж теперь». Не вернется?! Мало кто верил этому. Но удар, рассчитанный на сострадание, все-таки откликнулся в людях. Они не верили, но думали: «Может, ему действитель-но будет трудно». Теперь, когда уже

прошло несколько лет, многие танцовщики из балетной труппы театра имени Ахундова рассказывали мне, что тогда на них нашла невольная оторопь, не знали, как поступить: звонить ли Володе, не звонить? А если звонить, то что сказать? Сочувствовать, горевать? Все-таки позвонили, а на вопрос: «Ну, как дела?» — услышали бодрое плетневское: «Весь день бегал по городу: на базар, в магазины. Только что пришел. Скоро приду в театр». На самом деле никуда он, конечно, не бегал, да и не мог сделать этого. Но что было ответить скорбным голосам на том конце телефонного провода?

Когда, постукивая палочкой, он впервые пришел в репетиционный зал, вся труппа — и ветераны, и новички — аплодировала ему стоя.

А вскоре — новый слух: мол, как же Плетневу трудно работать; человек на ладан дышит, жить ему не больше года. Слух — непременное свойство длинных языков — начал обращать подробностями, полз по городу гаденькой змейкой. И ужалил, как выяснилось, многих. Дошло до того, что, встретившись случайно с одним высокопоставленным чиновником, Володя увидел в его глазах чрезвычайное удивление. Даже больше чем удивление — шок. «А вы разве еще работаете?» — спросил чиновник. Но в его взгляде Володя прочел совсем другое: «Разве вы еще не умерли?»

Грустно писать об этом, верить не хочется, но все это было: удивленные взгляды, проникновенные обращения к труппе, дескать, как вы можете работать с таким репетитором, который и показать-то толком ничего не может; собственное имя, вычеркнутое из афиш и театральных программ; квартира, которую ждал долгие восемь месяцев, а пока ждал, по несколько раз в день карабкался на шестой этаж...

«В чем причина такого противодействия? — думал я, разговаривая с танцовщиками, Володей, его друзьями и близкими. — Зачем все эти козни, интриги, слухи? Кому помешал безногий репетитор?» И только потом понял: Плетнев помешал серостям. Как помешал им погибший танцовщик Дима и многие другие. Талант, он ведь для серостей — главная опасность.

Все это было и есть. Все это остановило в Володином сердце глубокие незаживающие ссадины. Но вместе с тем укрепило его дух и волю. Нет, Плетнев не умер, Плетнев еще доказывает, на что он способен.

«Баку. Декабрь 1983 года. С Виталием проходим на всякий случай вариацию и коду из «Корсара», предусмотренного нами на третий тур Всесоюзного конкурса. Уже тошно слышать одни и те же мелодии, тошно повторять одни и те же замечания, но мы репетируем, обязаны повторять одно и то же по нескольку десятков раз. Это наш долг. Настроение наше оставляет желать лучшего. Все и все вокруг шипит недоверием: «провалится, провалится».

Но ученик Плетнева не провалился. На конкурсе он «взял серебро». Это была еще одна, быть может, самая главная победа Владимира Плетнева. Победа над собой и над теми, кто похоронил его раньше срока...

Зимнее бакинское солнце шарит зайчиками по комнате. Сквозь незавешенное окно мы смотрим на бледное море, подернутое расплывленным пульсирующим серебром.

— А знаешь, чего я хочу? — спросил вдруг Володя. — Я хочу выехать в море и сигануть на глубину. Только так и научишься плавать.

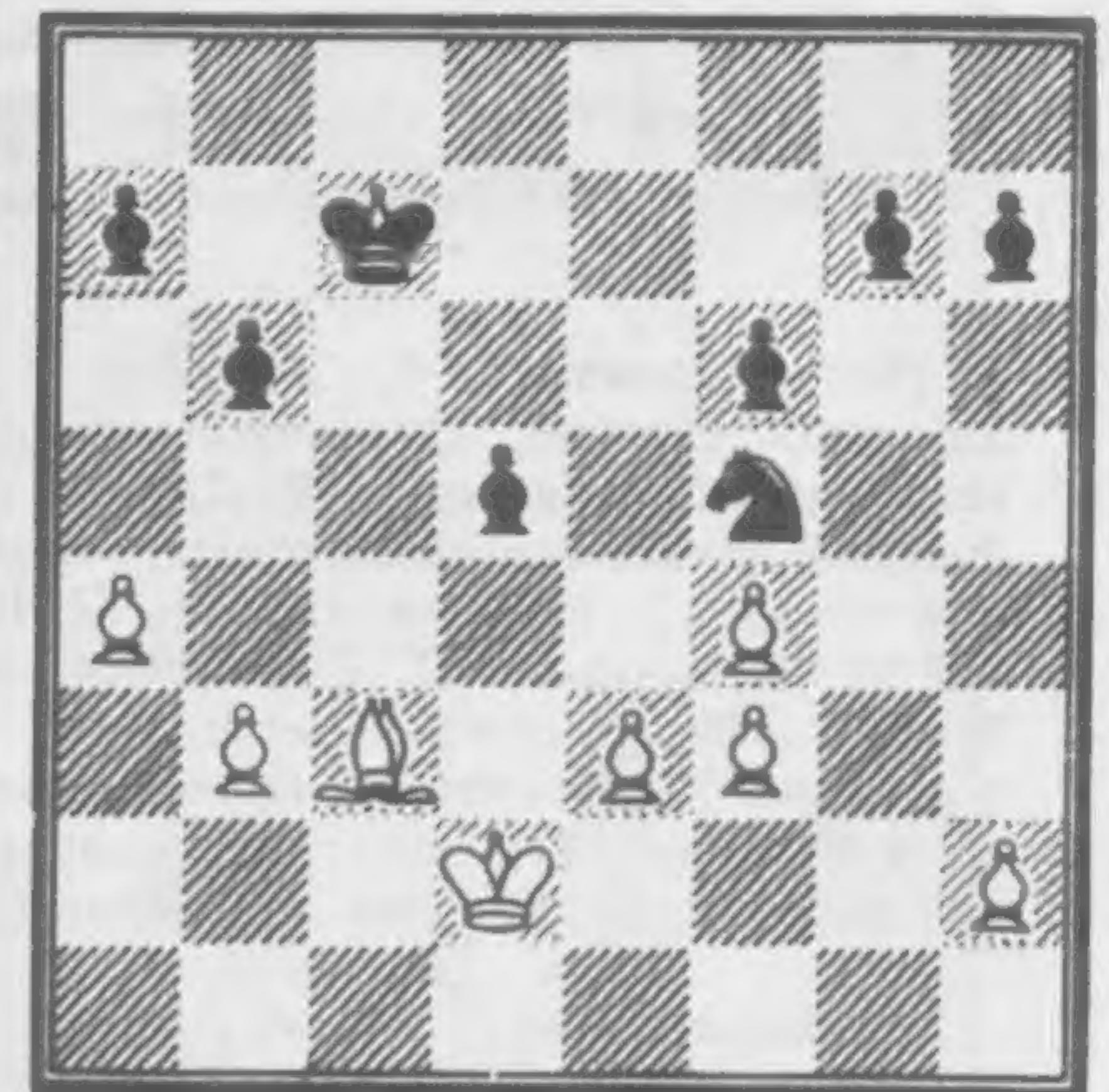
Он обязательно это сделает. Выйдет в открытое море и сиганет. Прямо в пучину. Он обязательно выплынет — сколько уж раз выплывал. А шторма пройдут. Баку — Москва.

ТОН ЗАДАЕТ КАРПОВ

В испанском городке Линаресе начался «суперфинальный» матч претендентов на шахматную корону Анатолия Карпова и Андрея Соколова.

Начало поединка ожидалось с «супернерпением». Оно должно было дать хотя бы предварительные ответы на ворох накопившихся вопросов. Главный из них сформулировал чемпион мира: «Сумеет ли Соколов проноровиться к манере Карпова?» — а резюме дал итальянский гроссмейстер С. Татти: «Если на старте предстоящего поединка Карпову не удастся завоевать преимущество, то на финише ему придется решать сложные задачи».

Разумеется, по итогам первой недели еще рано делать далеко идущие выводы, но уже можно судить и о бескомпромиссности обоих партнеров, и о гибкости матчевой тактики Карпова, и о глубокой дебютной подготовке экс-чемпиона мира, его изобретательности в защите и высокой технической оснащенности. Заслуживает признания и наступательный дух Андрея Соколова, характерное для него стремление к инициативе, настойчивости в осуществлении агрессивных замыслов. Словом, сильные стороны творчества Соколова тоже выявились в полном объеме, и он мог бы, как обычно, весьма оптимистично смотреть в будущее, если бы не одно, но жестокое разочарование, постигшее его во втором поединке и прозвучавшее тревожным предстережением...

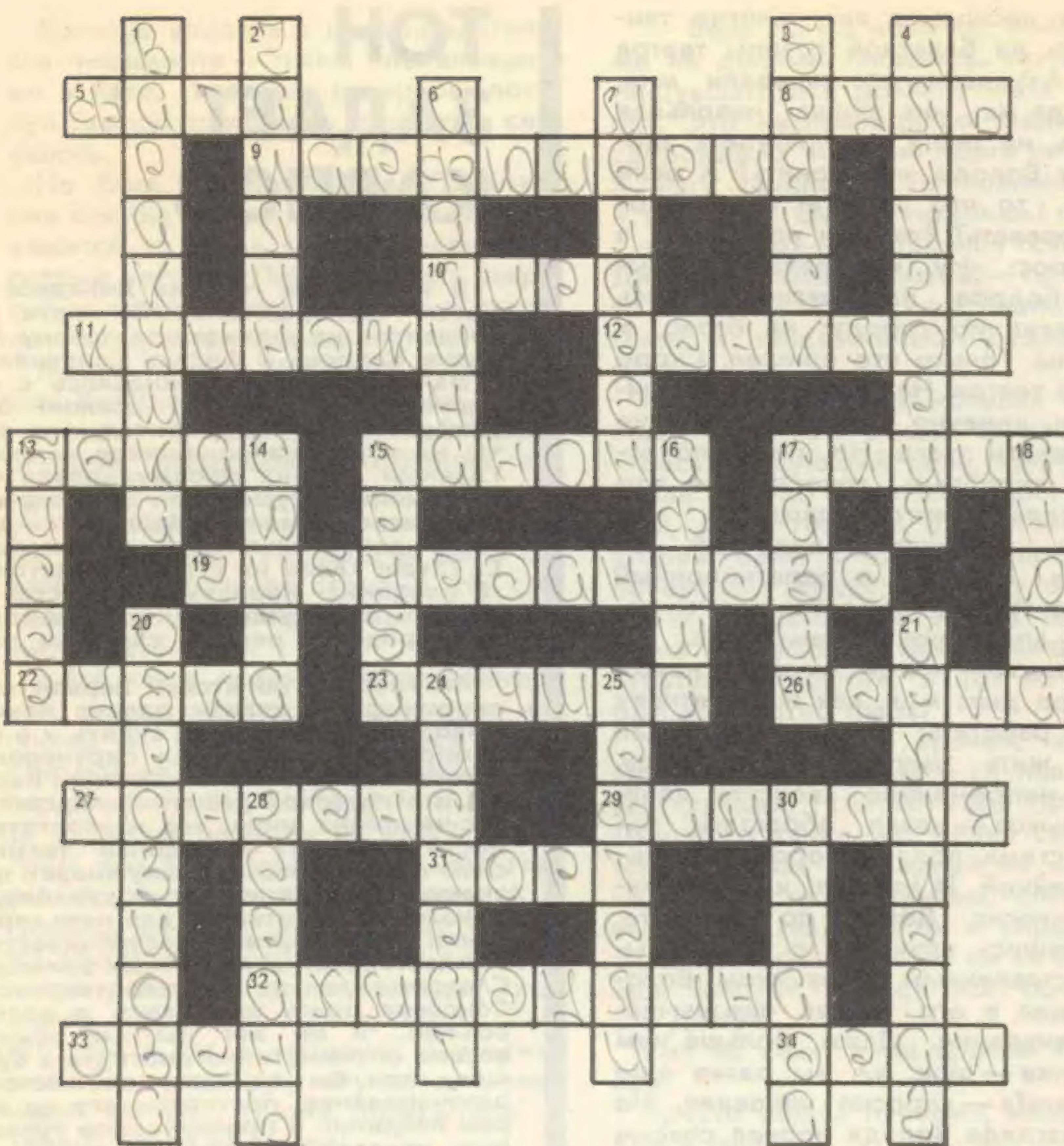

К этому положению пришла упомянутая вторая партия после возобновления игры в день доигрывания. Мнение экспертов было единодушным: наиболее вероятный исход борьбы здесь — ничья.

Вот как развивались события в этом поучительном окончании: 42. e4 de (уже этот ход вызывает сомнение: зачем раздваивать сопернику пешки? Заслуживал внимания маневр 42... Kh4). 43. fe Kd6 44. Kpd3 Kb7 (а это уже существенная и принципиальная ошибка — конь отводится на ограниченную орбиту. Эксперты единодушно рекомендуют здесь продолжение 44... f5) 45. b4 a5 46. Krc4 ab 47. Cb4 Krc5 (нетрудно заметить, что за несколько ходов ситуация на доске изменилась к явной выигре белых, фигуры которых значительно активизировались) 48. Cf8 qb 49. Ce7 Ka5+ 50. Krb4 Kb7 51. Krc4 Ka5+ 52. Krc3! Kb7 53. Kpd4 (конечно, не 53. Cf6 ввиду 53... Kc5) 53... Kpd7 (если 53... f5, то 54. ef qf 55. Krc5). 54. Cf6 Krb5 55. Cg7 Kc5 (материальное равновесие Соколов восстанавливает, но трудности на этом не кончаются). 56. Krc4! Kc4 (а это уже решающая ошибка! Как указал в своем анализе гроссмейстер Е. Свешников, продолжая 56... Ka4 57. Cd4 Kpd6, еще можно было спасти партию. Теперь же возмездие наступает немедленно). 57. Krb5 Kc5 58. Cf8 Kd7 59. Ca3 Kpd5 60. Ce7 Kpd4 61. Cd8, и Соколов признал себя побежденным.

В этом окончании техническое превосходство А. Карпова над А. Соколовым проявилось с предельной убедительностью. И возникает новый вопрос: станет ли этот фактор определяющим, или в ходе дальнейшей борьбы Соколову удастся навязать грозному сопернику иной, «миттельшпильный» характер сражения? С Карповым это, конечно, не просто, но, как подчеркивает английский шахматный обозреватель Д. Спэннер, «Соколов обретает веру в себя как раз в тот момент, когда ее начинают терять даже самые верные его поклонники».

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Свадебный убор невесты. 8. Механизм для управления судном, самолетом, автомобилем. 9. Ароматические и косметические средства. 10. Древнегреческий струнный инструмент. 11. Русский живописец-пейзажист, передвижник. 12. Сорт слив. 13. Болотная птица. 15. Река на Аляске. 17. Игла для вязания. 19. Чемпионка мира по шахматам. 22. Служебное помещение на судне. 23. Курорт в Крыму. 26. Морское lastonogoe животное. 27. Тригонометрическая функция. 29. Наследственное семейное наименование. 31. Кондитерское изделие. 32. Советская поэтесса. 33. Зодиакальное созвездие. 34. Плотная с ворсом ткань для верхней одежды.

По вертикали: 1. Певчая птица. 2. Американский актер, кинорежиссер, сценарист. 3. Областной центр в РСФСР. 4. Иноскажание. 6. Животное семейства дельфиновых. 7. Озеро в Швеции. 13. Разноцветные стеклянные бусинки для вышивания. 14. Инstrumentальное музыкальное произведение. 15. Духовой музыкальный инструмент. 16. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 17. Промысловая пресноводная рыба. 18. Рассказ А. П. Чехова. 20. Певица, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии. 21. Группа островов. 24. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 25. Мясное кушанье. 28. Декоративное травянистое растение. 30. Древнегреческая эпическая поэма.

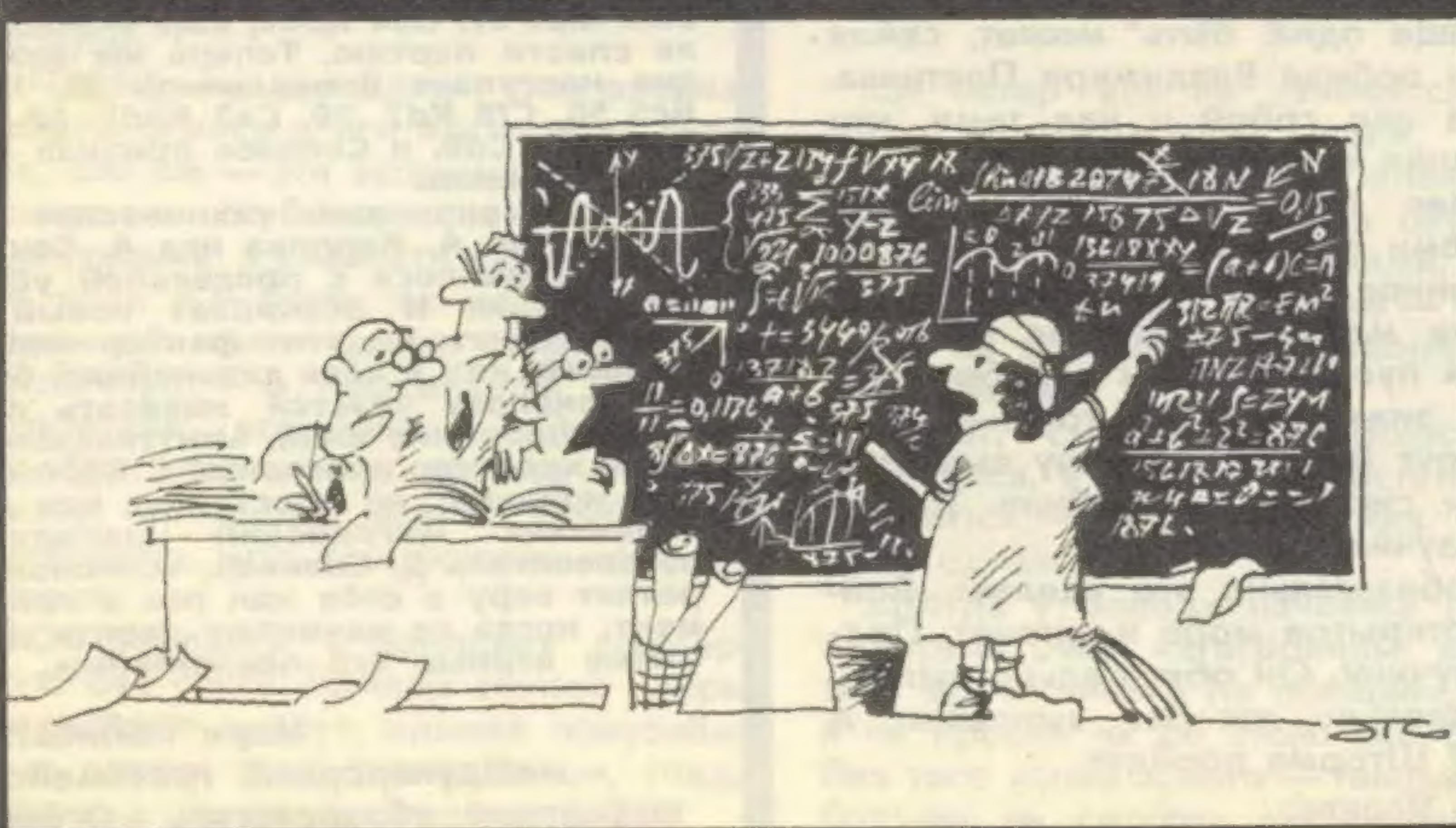
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 7. Пленка. 8. Лирник. 9. Питомник. 11. Гвоздика. 12. Радио. 13. Раунд. 15. Онега. 16. Тектоника. 17. Профессор. 19. «Адели». 21. Данте. 23. «Алеко». 25. Текстиль. 26. Акустика. 27. «Сережа». 28. Пудель.

По вертикали: 1. Орнамент. 2. Березина. 3. Плотва. 4. Памир. 5. «Слово». 6. Митинг. 10. Картофель. 11. Гимнастка. 14. Дебри. 15. Октод. 17. Плетнева. 18. Рапсодия. 20. Декрет. 22. Триоль. 23. Алтай. 24. Окапи.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

ЕГО ИСКУССТВО РЕМЕСЛО

нове которой музыка композиторов нашей страны.

Узнаю, что Сен-Лоран давно мечтал о приезде в Москву. Он дружил с Лилией Брик, рисовал костюмы для Майи Плисецкой в балете Ролана Пети «Смерть розы», любит Достоевского. Его знаменитая коллекция, посвященная выдающимся советским балеринам, пользуется исключительным успехом во всем мире. Газета «Нью-Йорк таймс» писала о ней, что это «революционная коллекция, меняющая направление моды в мире».

Хозяин дома Илья Сергеевич Глазунов принимает Ива Сен-Лорана в своей мастерской. Побывать у художника было одним из первых намерений известного французского кутюрье по приезде в советскую столицу.

Завязывается общая беседа. На наши вопросы Сен-Лоран отвечает сжато, но эмоционально. Глаза внимательно и добродушно пронзают собеседника.

— Многим я обязан вашему Сергею Дягилеву, который широко известен в Париже, где есть даже площадь его имени. Его так называемые «Русские сезоны» в Париже были праздником подлинного искусства и потрясли современников. Вообще русское искусство — явление удивительное... Меня увлекает создание костюмов для героев русской литературы — Анны Карениной, Наташи Ростовой. Нередко знакомство с тем или иным романом дает идеи для будущей коллекции одежды. Когда-то я создал серию «Русский балет», в ос-

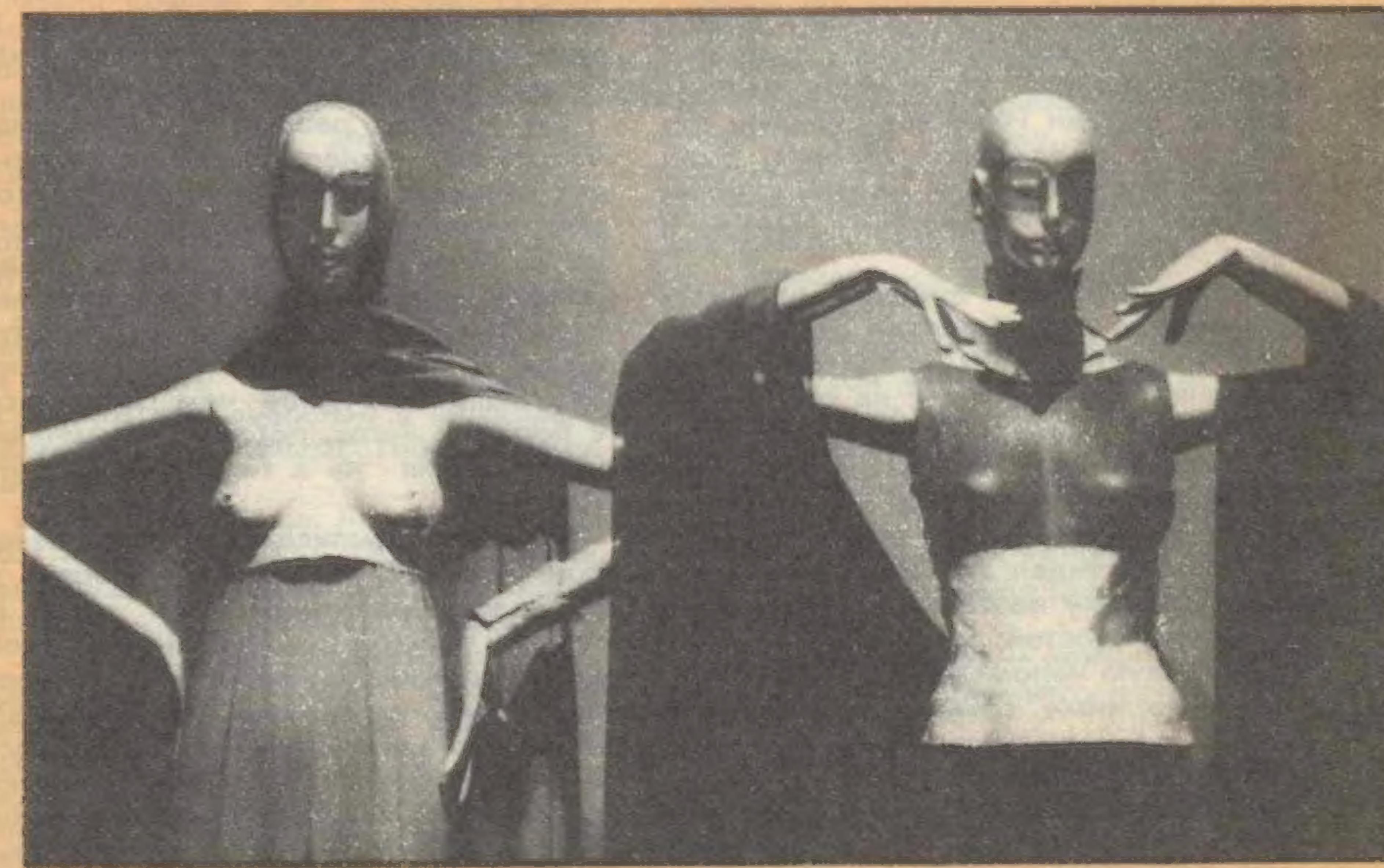
тавлении которой музыка композиторов нашей страны.

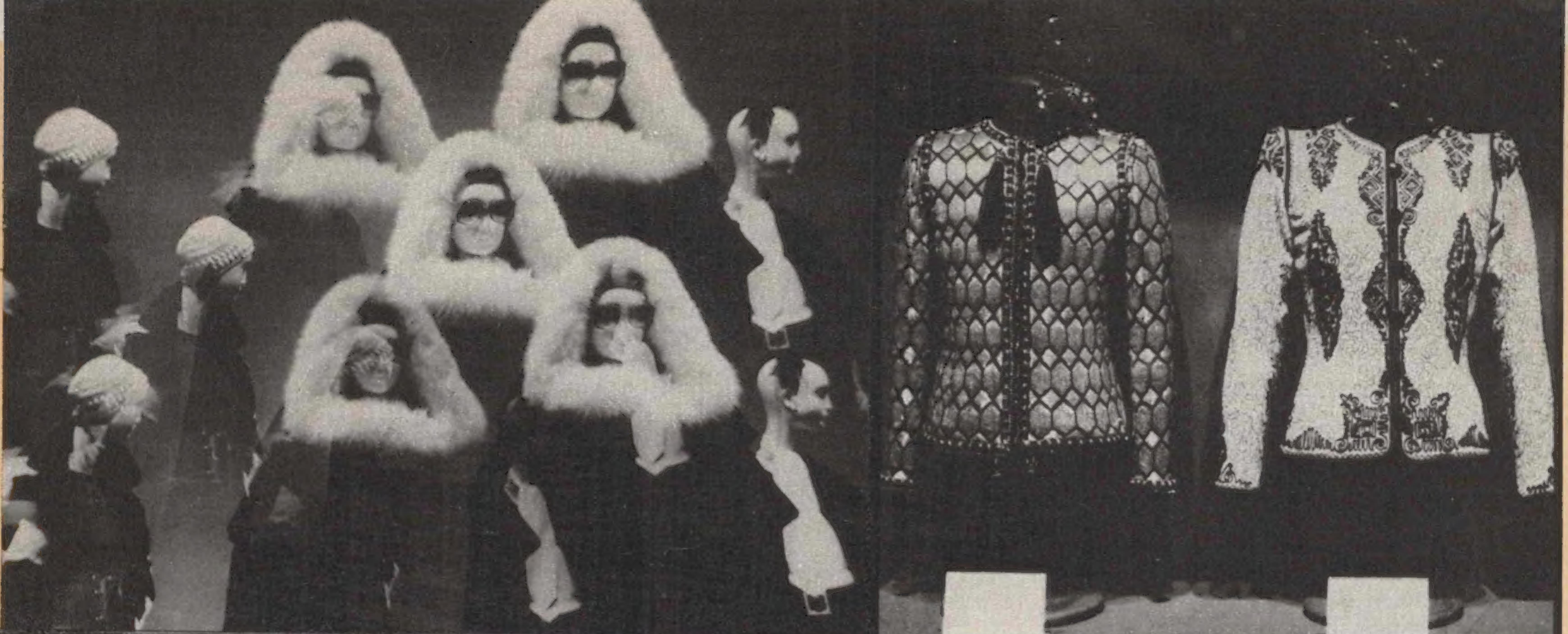
Мы спросили его о Кристиане Диоре, учителе и друге. И он говорил в ответ о чувстве благодарности к этому человеку, научившему его понимать и чувствовать красоту, гармонию.

Сен-Лоран восхищается, когда видит, что его последние модели носят вперемежку со старыми. Он считает, что вещи должны служить людям долго.

...Перелистываю страницы книги о Сен-Лоране, которую он только что преподнес И. Глазунову: «Вопреки всем канонам классицизма и академизма Сен-Лоран создает «платье поп», «шелковую пижаму», «платье из ковровой ткани», модель «Сирена-75», «платье-шар», «платье рок», «плащ-змею»...»

«Он разработал основу, которая присутствует в его коллекциях уже двадцать лет: блейзер, бушлат, матроски, плащи, брючный костюм, блузку «Сахара» и смокинг, который позволяет женщинам чувствовать себя в нем столь же непринужденно, как и мужчинам».

«За находками Сен-Лорана стоит железная, безапелляционная и все-поглощающая воля, неизбытный талант, прекрасный вкус, воображение...»

За находками Сен-Лорана стоит еще и огромный труд, и не только его собственный: «Помимо меня, живущего лишь тогда, когда все идет хорошо, и никогда ничем до конца не удовлетворенного, имеются еще портнихи — те, которые вначале работают вручную и на швейных машинах днем и ночью и которых я иногда заставляю все уничтожать, но я никогда не обижу их, заставляя рабо-

тать над тем, во что сам не верю: они бы это почувствовали и презирели меня. Я чувствую себя ответственным за всех этих людей...»

Говорим о его работе, которая, как мы считаем, является искусством.

«Нет,— поясняет Сен-Лоран,— моя работа не искусство, максимум ремесло, художественная профессия...»

Он равнодушен к славе, почестям, шуму и суете вокруг его имени. С утонченностью молчаливого денди из книг Пруста, одевая самых элегантных женщин, он творит главное дело своей жизни — моду.

Он прежде всего художник. Имен-

но поэтому его выставка проводилась в Москве в Центральном Доме художника. Его речь на vernisаже, глубокая и тонкая, запомнилась многим, его встречи с москвичами стали минутами истинно творческого общения с удивительным собеседником.

А для меня два часа, проведенные в обществе Сен-Лорана и его коллег, стали открытием души человека, всецело отдавшего себя искусству, людям, красоте.

Феликс МЕДВЕДЕВ,
фото Александра НАТРУСКИНА

«...Горжусь, что именно Гуттузо иллюстрировал полное собрание моих сочинений...» — эти слова выдающегося турецкого поэта Назыма Хикмета по поводу выхода тома его стихов в итальянском издательстве «Эдитори Риунти» в 1960 году меньше всего лесть в адрес знаменитого живописца, но выражение истинной, давней и верной любви к нему. Да и как иначе, как не могло быть между ними обоядной любви! Художники — единомышленники, оба борца за мир и угнетенных, за правду и социальную справедливость, оба коммунисты, граждане в самом высоком смысле этого слова.

Как и многие современные художники, Гуттузо универсален: он писал маслом, темперой, акварелью, рисовал углем и тушью, выступал как театральный декоратор и книжный иллюстратор, но, к какому бы жанру ни обращались его кисть или перо, он всегда мо-

ументалист, ибо именно экспрессивный монументализм позволяет ему в полной мере выразить свой гнев, свой протест, свои мысли и эмоции.

Акварели, созданные под впечатлением стихов Хикмета... Посмотрите на эти стиснутые кулаки узников, на эти камни темниц и цепи, посмотрите в эти глаза, полные силы и страсти, посмотрите на этот страшный расстрел, на лица этих людей, убежденных в правоте того дела, за которое они отдают жизнь, — и вы поймете, какой бескомпромиссный отпор злу дает сила поэта, слившись с силой живописца.

Яркое творчество Гуттузо и Хикмета было основано на беспрестанных поисках формы и одновременно реализма; во имя живой истины, диктуемой ходом истории, они вели свою героическую борьбу.

